

ЛЕХАИМ N 7 (195)

**ИЮЛЬ
2008г.**

ЛЕХАИМ ИЮЛЬ 2008 ТАМУЗ 5768 – 7(195)

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ

И ДУХА

ŃĩŃò ááè ò áéü Öíéíì - Ááð Ááéí ááðã

Внимание врача и душевное состояние пациента

<...> Я особенно рад был узнать из Вашего письма, что Вы относитесь к пациенту, г-ну N, с глубокой теплотой и симпатией.

Каждый врач именно так и должен относиться к больному – но, увы, это бывает далеко не всегда. Многие врачи ведут себя с больными надменно и отстраненно, а те врачи, которые не стесняются проявлять симпатию, делают это с оговорками. Сочувствие, забота, внимание – сколько градаций существует для этих человеческих проявлений?

Тепло и сочувствие, которое Вы проявляете к своим пациентам, заставляют меня предположить, что со временем Ваше участие к ним станет еще больше – а это не может не сказаться самым благим образом на процессе лечения. Мне ведь не нужно напоминать Вам, что духовное и физическое состояние зависят друг от друга. Медики признали: наше телесное здоровье связано со здоровьем духа и души – причем не в разговорном смысле этого понятия, а именно со здоровьем нашей Б-жественной души.

Вот почему мне искренне хочется верить, что когда Вы лечите больных, Вы уделяете внимание и их духовному состоянию, пытаетесь исцелить не одно лишь тело и душу животную, но и затронуть душу Б-жественную.

Если же кто-то из Ваших пациентов не видит нужды в духовной поддержке и духовном исцелении (а иные, возможно, даже настойчиво этому противятся!) – разве не свидетельствует это само по себе, что они крайне нуждаются во врачевании души?..

<...> Сказано, что «награда за исполнение заповеди – сама заповедь» (Пиркей Авот, 4:2). Точно так же удовлетворение врача – в самом исцелении больного. И все же я чувствую, что обязан сказать, как приятно мне было слышать о Вашем отношении к больным.

Почему бы не проконсультироваться в почтенном исследовательском институте?

<...> Я отказываюсь понять, почему врач, лечащий Вашу подругу, отказывается послать выписку из истории болезни в Национальный институт здоровья в Вашингтоне.

Если, как Вы пишете, дело в том, что данное заболевание покуда не поддается лечению, то разве больной или врач теряют что-нибудь, если выписка из истории болезни будет послана в институт? И разве известно наверняка, что в данный момент не ведутся исследования в соответствующем направлении? Ведь результаты таких исследований

публикуются не сразу – проходит не один месяц (а то и год), прежде чем они появляются в печати.

Я могу предположить лишь одну причину, объясняющую поведение врача: он не хочет давать больной ложной надежды. Но ведь бумаги в институт можно послать, не ставя ее в известность...

Б-Г НЕ НАКАЗЫВАЕТ, А ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

Ааде Эацад

Читая Тору, мы не раз обращаем внимание на предупреждения, которые Б-г адресует евреям. Если вы будете выполнять Мои законы – вас ждут процветание, здоровье, мир, благополучие и все остальные возможные блага. Если же вы не услышите слова Моего... – тут следует подробный перечень бед, которые поразят грешников.

Многие люди, с которыми мне приходится беседовать, не понимают, в чем смысл наказаний от Б-га. Если Он добр, говорят эти люди, зачем обязательно наказывать и причинять страдания, тем более такие тяжкие? Неужели Б-г не может ограничиться наставлением, объяснением? На худой конец – предупредить? Зачем обязательно причинять человеку боль?

Есть история о сыне Алтер Ребе, рабби Шнеура-Залмана из Ляд. Как-то раз отец отлучился в другой город, а ребенок услышал, как в синагоге читают главу из Торы, где говорится о наказаниях за грехи. Он так разволновался, что заболел – причем настолько серьезно, что и месяц спустя, в преддверии Йом Кипура, врачи не были уверены, что ему можно поститься. Близкие спрашивали мальчика: «Почему ты так испугался? Ведь ты не раз слышал, как читают Тору, в том числе слышал и о карах за грехи». Да, ответил ребенок, но прежде я слышал эти слова из уст моего отца и не ощущал их как проклятия!

Действительно, когда любимый отец говорит о наказании – наставляет, объясняет, даже проклинает – его слова «не ощущаются как проклятие». Поэтому не получается ограничиться словами – приходится не просто говорить о наказании, но и реально наказывать. Любящий отец наказывает, разумеется, не из мстительности, а чтобы предупредить худшие последствия. Представьте себе, например: в некоей семье родители нашли у ребенка наркотики. Неужели они его не накажут – чтобы и думать забыл об этом безобразии?! И каждый нормальный человек это наказание одобрит. По одной простой причине – если родители в этом случае ограничились бы «наставлениями и объяснениями», слишком велика опасность, что ребенок испортит себе всю жизнь.

Та же ситуация у нас с Б-гом, нашим Небесным Отцом. Мы, конечно, можем сколь угодно высоко оценивать свои способности, в том числе способность предвидеть – но по сравнению с Б-гом даже самый умный из нас дитя неразумное. Мы не можем предвидеть последствия тех или иных своих поступков, а если даже можем – то лишь на

самую близкую перспективу. Как правило, человек понимает, когда делает что-то не должным образом, но он не представляет себе, к чему может привести его проступок, и считает его мелким, незначительным. А потом удивляется и обижается, если вдруг на него обрушивается какая-нибудь беда, считает наказание непропорционально суровым.

Взрослый человек – а ведет себя хуже ребенка! Ребенок, если родители его наказывают, плачет, а потом к тем же родителям бежит за утешением. И это логично: ребенок знает, что родители его любят и ничего не делают ему во вред. Среди взрослых людей, как ни странно, такую степень разумности способны демонстрировать только праведники, о которых сказано, что они «принимают страдания с любовью». Праведник понимает: даже если Б-г заставляет его страдать, это делается для его же блага. Страдание, которое причиняет наказание от Б-га – всего лишь предостережение по сравнению с теми страданиями, на которые человек обречет сам себя, если не внимлет этому предостережению!

Конечно, не наше дело быть «адвокатами Б-га», истолковывать смысл Его действий и объяснять, почему человеку далеко не всегда хорошо в жизни. Но на самом деле в большинстве случаев люди сами понимают, что жизненные неприятности и беды – это последствия их же неправильных действий. А что касается соотношения проступка и наказания – как правило, человек в конце концов понимает: наказание от Б-га, изменившее его поведение, отвело от него куда более серьезную беду. Просто это понимание приходит не сразу, а по прошествии времени, иногда достаточно продолжительного, поэтому не всегда людям приходит в голову связать причину со следствием.

Кроме того, надо принять во внимание еще одно свойство нашего характера. Мало кто любит признаваться в собственных ошибках, поэтому мы предпочитаем искать иные объяснения нашим неприятностям – дескать, обстоятельства так сложились, или другие люди виноваты, или еще что.

На этот счет есть известная притча. Когда Создатель распределял обязанности между ангелами, одному досталось приносить страдания людям. Ангел стал просить избавить его от такой неблагодарной работы: если я буду доставлять людям беды, они только и будут делать, что проклинать меня. В конце концов Б-г пожалел ангела и сделал так, чтобы наказанный человек думал, будто беда к нему пришла по какой-нибудь другой причине.

В действительности, разумеется, не может быть ничего, что случилось бы без Б-жественного соизволения. И неприятности наши, и страдания – все это от Б-га. Но Б-г посылает их не просто так. На самом деле это знак, что мы сами где-то допустили ошибку, пошли неверным путем. Б-г предупреждает нас как любящий отец: наказание должно быть достаточным, чтобы остеречь нас от дальнейших неправильных действий, последствия которых на нас же и обрушатся.

МИСТИКА ТАМУЗА

Ḳānān - Qayā Dā'ī'ī'ōō

Из Танаха (Зхарья, 8:19) известен «пост четвертого <месяца>» (т. е. отмечаемый в четвертый от нисана месяц – тамуз). Этот пост установлен пророками на 17-е число месяца тамуз, ибо в этот день, по мнению некоторых мудрецов Талмуда и комментаторов Танаха, была пробита брешь в городской стене Иерусалима во время его осады вавилонским царем Невухаднецаром (Навуходоносором). Через несколько недель Иерусалим пал, и первый Храм перестал существовать. Ровно в этот же день много веков спустя была пробита брешь в стене, окружавшей Иерусалим, во время его осады римлянами под предводительством Тита, что привело через три недели к разрушению второго Храма. Эти печальные события отразились на всех днях месяца тамуз, и именно потому этот день назван в Танахе не «постом 17-го тамуза» или «постом 17-го дня четвертого месяца», а «постом четвертого <месяца>». Само название «тамуз» несет в себе негативный оттенок, ибо звучит так же, как имя шумерского и вавилонского идола (хотя у него есть и скрытое позитивное значение). Несмотря на то что Закон не ограничивает радость, веселье и развлечения в месяц тамуз до 17-го его дня, с которого начинается трехнедельный траур по разрушению первого и второго Храмов, каббала все же указывает: влияние различных негативных духовных сил сказывается в мире в этот месяц в целом.

Мыслители-мистики связывают тяжелую духовную атмосферу, свойственную месяцу тамуз, с рассказом Торы о том, как Моше по требованию народа послал разведчиков, чтобы собрать сведения о стране Ханаан, которую евреи должны были завоевать. Вернувшись, лазутчики сообщили: страну населяют могучие народы, живущие в неприступных крепостях. Они утверждали также, что Израиль не сможет победить их. Рассказ лазутчиков поверг народ в уныние, и люди перестали верить обещаниям Творца

привести их в Землю обетованную. За это Всевышний разгневался на них и оставил в пустыне почти на сорок лет, в течение которых вымерло все поколение выходцев из Египта (см. Бемидбар, 13:1–14:43). По преданию, лазутчики отправились в путь 29-го числа месяца сиван и вернулись через 40 дней – 9 ава. Таким образом, все дни месяца тамуз они находились в пути. Соответственно комментариям к Торе и Талмуду, лазутчики, отправляясь в путь, руководствовались неблагоприятным намерением: вернувшись, посеять в народе Израиля сомнения в том, что возможно поселиться в стране, обещанной им Творцом. Потому и считается, что на протяжении всего месяца тамуз на мир влияют негативные духовные силы.

Последовательность букв тетраграмматона, относящаяся к месяцу тамуз, зашифрована в последних буквах слов фразы, которую произнес злодей Аман, делясь со своими близкими переживаниями по поводу того, что еврей Мордехай омрачает его жизнь: «Зе эйнenu шаве ли...» («<Все> это теряет для меня всякую ценность...»; Мегилат Эстер, 5:13). Такая последовательность образуется следующим образом: последняя буква в слове «зе» – эй, в слове «эйнenu» – вав; в слове «шавэ» – эй, в слове «ли» – йод. Можно сразу заметить: эта последовательность букв также образует само четырехбуквенное Имя (а не какую-либо комбинацию его букв) при условии, что слово будет читать слева направо, т. е. эта последовательность – зеркальное отражение тетраграмматона. Левая сторона в еврейской мистике символизирует сферу зла. И то, что к месяцу тамуз относится такая последовательность букв Имени, указывает на преобладание в нем отрицательных сил.

Хасидские мыслители отмечают, что гематрия слов «зе эйнenu шаве ли» – 480: зайн (7) + эй (5) + алеф (1) + йод (10) + нун (50) + нун (50) + вав (6) + шин (300) + вав (6) + эй (5) + ламед (30) + йод (10). Та же гематрия и у слова «Лилит»: ламед (30) + йод (10) + ламед (30) + йод (10) + тав (400) = 480. Лилит в каббале – персонифицированное женское начало сил зла, искушения, соблазна. Наши учителя считают также, что это слово происходит от слова «йелала» – «стон», «вой», «оплакивание», – и таким образом связывают на уровне мистики имя Лилит со стихом в Танахе, где упоминается идол Тамуз: «<...>и вот там женщины сидят и оплакивают Тамуза» (Йехезкель, 8:14). «Женщины <...> оплакивают <...>» – т. е. женское начало в сфере зла, называемое Лилит, проявляется в месяце тамуз. На стремление победить Лилит силами добра намекает и то, что сказано в книге Шмот (15:20): «И взяла пророчица Мирьям, сестра Аарона <...> бубен, и вышли все женщины за ней в хоровод <под звуки> бубна». Слово «бубен» на иврите – «тоф». Его гематрия – тав (400) + пэй (80) = 480 – та же, что и у слова «Лилит».

Хасидские ученые находят связь приведенного выше стиха из Мегилат Эстер с месяцем тамуз. Согласно учению каббалы, Аман выбрал месяц адар для того, чтобы исполнить свой замысел – истребить еврейский народ. Занимаясь оккультными науками, он знал о значении последовательности букв тетраграмматона, относящейся к месяцу адар. Это последний, двенадцатый месяц года, начиная с нисана. К месяцу нисан относится четырехбуквенное сочетание, образующее Имя. В течение 12 месяцев эти буквы сочетаются в разных вариантах, пока не выстраиваются в адаре в последовательности, обратной той, которая была в нисане. Такое расположение букв Имени указывает на гегемонию сферы зла, когда возможно сокрушить Израиль. Поэтому Аман и связывал свои планы с месяцем адар. Однако Всевышний расстроил его замысел и на духовном уровне, заменив последовательность букв, относящихся к месяцу адар, и перенеся ее на месяц тамуз, в котором Сатана преуспел в своем злодействе, добившись разрушения Храма. Однако попытка Амана уничтожить еврейский народ не удалась. Несмотря на то что в месяце тамуз на евреев обрушивались великие беды, они уцелели как народ. И на это намекает стих из Мегилат Эстер (9:22): «<...>месяц, который из

печального превратился в радостный, из траурного – в праздничный <...>» – т. е. изменилась его духовная природа благодаря изменению сочетания букв тетраграмматона. Каббала считает: месяц тамуз в целом печальнее месяца ав, девятый день которого самый горький в еврейском календаре, ибо вторая половина месяца ав отмечена переходом от печали к радости, и 15 ава – полупраздничный день.

Однако в последнем столетии месяц тамуз был отмечен и радостным событием в истории евреев России и всего мира. Двенадцатого числа этого месяца 5687 года (1927 года по григорианскому календарю) был оправдан, а 13-го освобожден находившийся в ссылке шестой Любавичский Ребе, Йосеф-Ицхак Шнеерсон.

Подробности, связанные с арестом и освобождением Ребе, описаны в различных публикациях, в том числе на русском языке. Можно попытаться осветить мистические аспекты этого события и его связь с месяцем тамуз. То, что в месяце тамуз происходили не только печальные, но и радостные события, требует разъяснения на уровне каббалы.

В Танахе и книгах законоучителей сказано: дни памяти о печальных событиях и посты даны нам не для увековечения скорби, – в будущем они станут днями радости и веселья. А сейчас мы должны проанализировать причины, которые привели к этим трагическим событиям, и стараться больше не допускать ничего подобного.

Седьмой Любавичский Ребе отмечает: такого объяснения недостаточно. В этом случае радостные события должны были произойти в месяце тамуз позже печальных, подобно тому как в месяце ав первые отмечают 15-го, а вторые – 9-го. Кажется, все дни месяца тамуз несут на себе отпечаток поста 17-го числа. Однако в самом посте и в событиях, приведших к нему, есть два аспекта: внешний и внутренний. Внешний – это страдания, беды, наказания. Но каббала, а в дальнейшем и хасидизм учат человека искать под внешним покровом любого отрицательного явления его внутреннюю сущность, глубинные аспекты. Эзотерическое учение иудаизма вовсе не утверждает, что страдания, беды и наказания, упаси Б-г, положительные явления. Такое утверждение противоречило бы Торе и здравому смыслу. Учителя каббалы и хасидизма отнюдь не мнили себя провидцами, знающими простые и однозначные, доступные пониманию каждого, объяснения страданий в целом и индивидуума в частности. Они лишь говорили, что за тем, в чем взгляд непосвященного видит только мучения и беды, скрываются любовь и доброта Творца, которые на определенном этапе жизни человека и существования всего мира не могут проявиться открыто как безусловное благо. Они сравнивают такое неявное, скрытое проявление любви Всевышнего с тем, «<...> как поступает великий и грозный царь со своим единственным отпрыском: он так любит его, что сам, не зовя слуг, подмывает младенца, когда тот пачкает пеленки». Как написано у Йешаяу (4:4): «<...> когда отмоет Г-сподь дочерей Сиона от грехов, словно от нечистот <...>» (Танья, ч. 4, послание 22). Ребе отмечает, что это сравнение не снимает остроты и болезненности вопроса. Возможности человека ограничены – он не может отмыть любимого ребенка, не причиняя ему боли. Но ведь Всевышний всемогущ; почему же Он не очищает людей от зла, не причиняя им страданий?!1

Доброта и любовь, говорит Ребе, проявляющиеся как негативные явления, полностью обнаружат свою истинную сущность лишь в мессианскую эру. Но поскольку ныне мы уже близки к ней, первые проблески света грядущего освобождения начали озарять наш мир и нашли выражение в радостных событиях, совершившихся 12-го и 13-го числа месяца тамуз 5687 года.

УЧЕНИЕ РАББИ ШНЕУРА-ЗАЛМАНА ИЗ ЛЯД

Наи оеё Ай дй ааёеёе

1.

В одном из посланий, касающихся учения Хабад, р. Шнеур-Залман призывает верить «полной верой в то, что написанное у пророка (Ирмею, 23:24): “Разве не Я наполняю небеса и землю, – говорит Г-сподь” следует понимать буквально. Это безыскусная вера всего народа Израиля, полученная от праотцев, бесхитростно следовавших за Г-сподом, не пытаясь постичь человеческим разумом то, что бесконечно выше разума, и разобраться, как Он наполняет всю землю» (Танья, Игерет а-кодеш, 25). Б-г «выше понятий времени и места, Он единственный, и Он не изменился, оставаясь после Сотворения мира таким же, каким был до того. Нет ничего, кроме Него, нет другого» (Ликутей Тора, раздел Рош а-Шана, 53:4). Учение Хабада раз за разом повторяет высказывание: «Нет Ему преграды». «Бесконечный, благословен Он, наполняет всю землю в самом буквальном смысле – в пространстве и времени. Он внизу на земле в том же смысле, в каком и сверху, на небесах, – в самом буквальном смысле этих слов», и, несмотря на то что «Он, Благословенный, выше пространства и времени, Он все же находится внизу, в пространстве и во времени. <...> Только Он наполняет всякое место» (Танья, Шаар а-ихуд ве-а-эмуна, 7). О Его абсолютном единстве свидетельствует само Его четырехбуквенное Имя (тетраграмматон), смысл которого состоит в том, что «Он превыше времени, Он был, есть и будет единовременно, и точно так же Он превосходит понятие пространства, ибо именно Он дарует постоянное существование понятию места вообще – сверху донизу, со всех четырех сторон». Имя «Бесконечный», данное Ему каббалистами, учит нас: «Нет ни конца, ни границы свету и жизненности, исходящим от Него, Благословенного, по Его прямой воле, единой с Его Сущностью абсолютным единством» (Танья, Шаар а-ихуд ве-а-эмуна, 7).

Согласно этому учению, все миры объединяются в подобие единого тела, существование которого непрерывно поддерживается Бесконечным, Благословен Он, через исходящие от Него свет и жизнь. Так эманация Б-га распространяется по всему сотворенному миру, и именно Он является реальной сущностью тварных предметов. Если бы не Его существование, мир бы не существовал, ибо «все сотворенное и существующее можно считать несуществующим и отсутствующим в буквальном смысле слова, на фоне могущества Творца и Его слова, которое и делает мир существующим, извлекая его из абсолютного небытия и давая ему бытие». А то, что сотворенное кажется нам существующим, так это только «потому, что мы нашим земным взором не видим в тварных объектах слово Всевышнего и Его могущество. Если бы глазу была дарована возможность зреть и воспринимать животворную, духовную силу, исходящую из слова Всевышнего и пронизывающую весь тварный мир, то материальная природа мира, сама

материя, стала бы незаметна для глаз. Материальное в буквальном смысле слова не имеет существования в сравнении с Его существованием и духовностью, и без этой духовности превратилось бы в полное ничто и лишилось бы существования. Можно проиллюстрировать это на примере солнечного света, освещающего Землю и ее обитателей. Светоносные лучи, которые распространяются по всему миру, исходят от солнечного тела. Свет Солнца виден всем – он освещает Землю и мировое пространство. Очевидно, что этот свет и излучение наличествует также в корпусе, в материале самого солнечного диска, висящего в небе, – ведь если свет распространяется и сияет на таком удаленном расстоянии, он тем более присутствует непосредственно в своем источнике. Но там, в своем источнике, оно равносильно своему полному отсутствию и небытию, ибо абсолютно лишено существования по отношению к своему источнику – Солнцу. Это излучение и свет – всего лишь отсвет свечения самого Солнца. Только там, где самого Солнца нет – в мировом пространстве под всеми небесами и на Земле, – свет и излучение воспринимаются реально существующими. И справедливо, что здесь, в дольном мире, свет может быть назван существующим, но когда он находится в своем источнике, в теле Солнца, – тогда о нем, как о существующем, нельзя говорить ни в коей мере. Там он – буквальное отсутствие и небытие, ведь там он не светит, там есть только его источник, само светящее Солнце, и ничто иное. Подобным образом все творения соотносятся с Б-жественной эманацией, изливающейся из Него и дарующей им существование и жизнь. Б-г – их источник, они же подобны свечению, светящемуся потоку Б-жественной эманации. И потому можно пренебречь ими и их существованием по их малости в сравнении с Источником, и трудно назвать их “ничто” на Его фоне. Их существование кажется нам таковым лишь <постольку, поскольку воспринимается> наши телесным зрением, ибо мы совершенно не видим и не постигаем подлинный источник – дух Б-жий, дающий им истинное бытие» (Танья, Шаар а-ихуд ве-а-эмуна, 3)^[1].

Автор Тани раз за разом повторяет слова «В делающемся всегда присутствует сила Делающего»^[2]. Он считает, что в этих словах ключ к пониманию тайны численных соответствий, гематрий: «Гематрия слова “Б-г” и слова “природа” одинакова»^[3]. Р. Шнеур-Залман цитирует книгу Иова (19:26) и дает этой цитате теософское истолкование: «“И из плоти моей узрю Б-га”, – <связь Б-га с мирозданием> подобна связи души с телом. Человеческая душа пребывает во всех 248 членах тела, от головы до пят, и все же преимущественно душа пребывает в мозге, и оттуда распространяется и наполняет все органы и части тела; каждый орган получает от нее жизнеспособность и силы в соответствии с его строением и назначением: глаз – чтобы видеть, ухо – чтобы слышать, рот – говорить, ноги – ходить... И совершенно так же, если воспользоваться этой параллелью как сравнением, Бесконечный, благословен Он, наполняет все миры, даруя им жизнь... А суть и сущность Бесконечного, благословен Он, одинакова по отношению к горним и дольным, подобно душе, как о том говорилось выше... И значит, Его существование в дольном мире ничем не отличается от Его существования в мире горнем».

«Разница между ними в способе передачи жизненной силы, которую Бесконечный, благословен Он, низводит в миры и творения, которые в них, и это можно уподобить свету, тому, как тот явно распространяется из своего источника, в котором пребывает в сокрытии. При этом горние миры получают силу, дающую им существование, несколько более явным образом, чем дольные... А дольные миры, даже наиболее одухотворенные из них, не получают такого явного раскрытия света, но лишь посредством множества одеяний и покровов, которыми Бесконечный, благословен Он, сокрыл свет и силу, дающую им возможность существования <...> и эти одеяния умножаются по мере приближения к нашему материальному миру настолько, что в нем свет Творения, свет, дарующий жизнь и существование, в буквальном смысле слова полностью спрятан под многочисленными плотными облачениями. Оттого нам видна только материя и телесность, кажущиеся мертвыми. Но и в них есть свет и жизнь, постоянно дарующие существование, они превращают ничто в нечто и не позволяют вернуться <вещам и тварям> в ничто, которым те были. И свет этот исходит от Бесконечного, благословен Он, но облачен в великое множество одеяний...» (Танья, 1:51).

2.

В вопросе о Б-ге и Сотворении мира р. Шнеур-Залман расходится со многими учеными и философами. «Действительно, – пишет он, – ученые народов мира признают Б-га (см. Зоар, 2, 96а), но при этом утверждают, что Творение можно уподобить естественному процессу – от Первопричины к следствию. Известно же, что всякая причина как-то соотносится со своим следствием, а так как миры создаются и осуществляются мыслью Всевышнего, то может показаться, что и они тоже возникли как неизбежный и естественный, причинно-следственный процесс». Эту идею р. Шнеур-Залман категорически отвергает: «Так как Он, Благословенный, бесконечен, то если допустить, что миры возникли в результате естественного процесса от Первопричины к следствию, то у миров не было бы ни границ, ни конца, которые есть сегодня, и все сущее было бы Бесконечным и бесконечным». Он предпочитает объяснять Сотворение мира как «скачок и цимцум <т. е. сжатие>, а не как последовательный причинно-следственный процесс, будто бы от мысли Всевышнего возникла и осуществилась вся цепочка миров» (Ликутей Тора, раздел Шир а-ширим, 40б-в). О тех, кто трактует понятие цимцум в буквальном смысле, р. Шнеур-Залман пишет: «Да простит Всевышний тем, кто ошибается в понимании трудов р. Ицхака Лурии. Они⁴¹ буквально поняли идею цимцум, упоминаемую там, – и решили, что Всевышний, благословен Он, изъясил Свою суть и сущность (да сохранит Б-г!) из этого мира и лишь сверху печется о каждом в отдельности и обо всех творениях, что в небесах наверху и на земле внизу. Однако совершенно невозможно понимать цимцум <т. е. сжатие, сокращение> буквально, ибо такое

понимание заимствовано из материального мира и экстраполировано на Всевышнего, Который бесконечно отличен от него <этого мира>».

По его мнению, цимцум следует понимать как термин, не в прямом смысле, а как «сокрытие»: «Цимцум совершенно не касается сущности Всевышнего, а только света, называемого Именем Всевышнего. Отсюда становится понятным, что после цимцума во Всевышнем не произошло никакого изменения. А все дело в том, что цимцум не следует понимать буквально, что мол, исчез Его свет, ведь на самом деле “нет места, где бы не было Его света”» (Танья, 2:7). В Мидраш раба (Шмот, 2) написано: «Почему “из терновника” <Б-г воззвал к Моше>? – Научить тебя, что нет места, где бы не было Его света, даже в терновнике». А что касается цимцума, то отсюда должно понять, что цимцум как сокрытие из мира явного означает, что в мире сокрыто присутствие Его света. И о том же говорит отрывок в Тикуней Зоар: «И Я укрылся от них». Иными словами, свет перестал быть явным, но сделался сокрытым, незаметным, и Его пребывание в мире стало сокрытым, дивным, невидимым (см. Ликутей Тора, раздел Ваикра, Дополнения, 52в).

Р. Шнеур-Залман объясняет сокрытие и открытие на таком примере: «Например, некто выучил какой-то трактат Талмуда наизусть и знает его досконально, во всех тонкостях, со всеми заложенными в нем идеями. Теперь, когда он о нем думает и обсуждает его вслух, трактат как будто открывается в его мыслях, и так надо понимать открытие. Но когда он изучает другой трактат, все его мысли и слова заняты этим новым трактатом, им и только им; он в это время совершенно не думает о первом выученном им трактате. В это время первый трактат словно полностью изъят из его разума, мыслей и речей и никак в них не проявляется. Тем не менее нельзя сказать, что первый трактат в его разуме не присутствует, ибо едва он к нему вновь обратится и начнет его обсуждать, как первый трактат вернется к нему целиком и полностью, во всех своих деталях. Таким образом, мы вынуждены признать, что и тогда, когда он этим трактатом не занят, тот в полном объеме сохраняется в его разуме, но не светит, не облачается в знаки мыслей и речений, как было прежде, во время его изучения. Итак, он остается запечатленным в той части мозга, которая ведаёт памятью и могла бы называться мозгом мудрости. Вот и получается, что мудрость того первого трактата хранится в его мозгу, даже когда он занят другими вещами. Это и есть цимцум, или сжатие: знаки исчезают из открытой части, не облачаясь в мысли и слова, но остаются в сфере мудрости, которая выше знаков, и там мудрость пребывает сокрытой от знаков разума и мысли. На этом примере становится понятен смысл цимцума света Всевышнего, который мы называем сокрытием. Вначале он светил и, фигурально выражаясь, открывался через знаки, как разум открывается через знаки мысли, а потом прекратил светить, то есть прекратил открываться через знаки, но сам остался таким, как и был. Он остался единым целым со своим источником и перестал открываться через знаменья» (Ликутей Тора, раздел Ваикра, 52в-г). Тот же смысл заложен, как считает р. Шнеур-Залман, в привычном сочетании слов «Святой Благословенный», как называют Б-га. Это означает, что Он «Свят» и «Благословен», то есть «Свят», поскольку в Своей сущности отделен^[5] от миров, и одновременно «благословен», потому что протяжен^[6] в миры через Свое Имя и Свое Царствие. Так, через царствие, Он проникает во все миры и длит их существование» (Ликутей Тора, раздел Шир а-ширим, 40в-г).

Также на примере р. Шнеур-Залман объясняет, что подразумевается под словами «скачок и цимцум». Представим себе, как человек идет. Во время ходьбы одна нога его всегда и непременно опирается на землю, даже если он идет быстро, даже если бежит. Но представим человека во время скачка: теперь у него на какое-то время обе ноги отрываются от земли, так что между человеком и землей возникает зазор, образуется свободное воздушное пространство, и лишь потом обе его ноги вновь опираются на землю. Аналогично Он, Бесконечный, – Его связь с миром не осуществляется через непрерывный процесс, подобный цепи, где одно звено цепляется за другое без разрывов. При сотворении мира все происходило иначе: вначале Всевышний полностью сокрыл Свой свет, вознеся его ввысь, а только потом началось открытие Его света через хохма (мудрость), нисходящую непрерывно, словно нить. Это и был «скачок». Посредством «скачка» осуществилась связь Святого, благословен Он, с миром ацилут, а уже связь мира ацилут с нижними мирами – брия, йецира, асия – не является «скачком» ни в какой мере, но осуществляется по нисходящей цепочке. В мире ацилут Его субстанция, жизненность и творящая способность, иначе говоря – Его самость, и свет, и сосуды, составляют абсолютное единство, отчего возникает естественный вопрос, как из единства мира ацилут может проистекать множественность разграниченных и ограниченных миров – брия, йецира, асия? Но все границы возникают, как уже было сказано, не в ацилут, а в трех более низких мирах (брия, йецира, асия), хотя к сосудам мира ацилут понятие «граница» имеет некое отношение (см. Ликутей Тора, раздел Шир а-ширим, 42б-в).

Итак, «есть три вида цимцума, и это – три мира: брия, йецира, асия, ибо мир ацилут – сама Б-жественность... И для сотворения мира брия, то есть мира душ и высших ангелов, служение которому Всевышнему выражается в категориях Хабад (хохма, бина, даат): в них они облечены, ими они постигают и из них они приобретают, – для сотворения этого мира брия сначала произошел мощнейший цимцум. Аналогично и переход от мира брия к миру йецира: поскольку ничтожное количество света, заключенного в мире брия, все же является бесконечностью для мира йецира, мир йецира не может вместить его иначе как через цимцум и сокрытие. Аналогично и следующий переход от мира йецира к миру асия. Цель же всех цимцумов и сокрытий – сотворение материального человеческого тела и победа над ситра ахра (т. е. “оборотной стороной”,

обратной святости), дабы свет возобладал над тьмой, что происходит, когда человек вознесет свою Б-жественную и витальную душу единственно ко Всевышнему, посвятит Ему все облачения души и все силы тела. Именно в этом цель нисходящего творения миров» (Танья, 1:49).

У всех созданий этого мира – у неорганических и органических, у минералов и растений, у животных и людей – есть тело и душа. «Ведь хотя все сотворенные в этом мире обладают телом и душой <...> Всевышний дарует жизнь всему. Он постоянно творит нечто из ничего светом и жизнотворной силой, которые Он сообщает им так, что и материальное тело, и даже камни, и прах земной, совсем уж неодушевленный, несут в себе исходящие от Него, Благословенного, свет и витальность, благодаря чему в них поддерживается существование, и они не становятся снова ничем, как до своего сотворения. Но все же свет и витальность, таящиеся в неживом, даже близко несопоставимы со светом и витальностью, озаряющими дух, душу всего живого. Хотя и в том, и в другом <т. е. в теле и душе> заключен одинаковый сокровенный свет и покровы и облачения этого света идентичны, поскольку и тела, и живая душа пребывают в этом мире. А в нашем мире, если взять его в целом, свет и жизненная сила, <исходящие как бы> от дыхания Его уст, Благословенного, равно сокрыты вследствие сокрытия Его Лица и нисходящей иерархии миров, сотворенных посредством многих мощных сокрытий» (Танья, 1:38).

יְאִדְיָא נְעֻדְעוֹא יְאֵדָא עֵצֵי יָאֵי

יְדִיאַעֵאִי עֵא נְעֻדְעוֹא

^[1] Здесь цитируется перевод Г. Липш: Иерусалим: Шамир, с небольшими изменениями.

^[2] Другими словами: созидательная сила Творца должна постоянно проявлять себя в сотворенном и поддерживать его существование, являясь имманентной сущностью каждого создания.

^[3] Гематрия – сумма числовых значений еврейских букв (алеф – 1, бейт – 2... йуд – 10, каф – 20 и т. д.). Гематрия слова «Б-г» равна гематрии слова «природа», взятого с определенным артиклем, и составляет число 86.

^[4] По всей видимости, подразумевается Эмануэль-Хай Рикки (1688–1743) – итальянский каббалист, автор каббалистического труда «Мишнат хасидим».

^[5] Слово «святой», «кадош», на иврите означает «отделенный».

^[6] Слово «благословение» с ивритским корнем «б-р-х», увязывается здесь со словом «протягивать» того же корня, используемого в значении «отводить (лозу на новую опору или воду в новый водоем)».

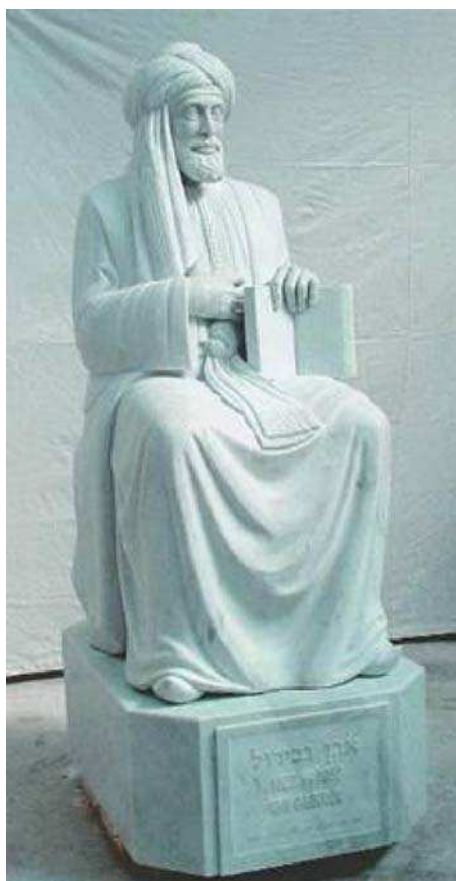
ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ ОДНОЙ КНИГИ

Рдее Аіеааи

Рабби Хаим-Дов Рабинович, автор современного комментария ко всему Танаху под названием «Даат софрим», издал в заключение своего труда прекрасную книгу под тем же названием, но с подзаголовком: «От Нехемьи до наших дней». Это обзор еврейской истории от начала эпохи второго Храма, времен Талмуда и вавилонских гаонов, раннего и позднего Средневековья до второй половины XX века.

Кроме многих чрезвычайно интересных мыслей, автор высказывает совершенно новое мнение о философии Рамбама вообще и, в частности, о его труде «Море невухим» («Путеводитель заблудших»). По распространенному мнению, Рамбам якобы испытал значительное влияние нееврейских философов: от греческого философа Аристотеля до современных Рамбаму мусульманских мутакаллимов. Однако рабби Хаим-Дов Рабинович (без сомнения, восприняв учение хасидизма о «собирации искр святости») подходит к этому вопросу абсолютно иначе. Он доказывает, что знания, которыми гордились нееврейские философы, в сущности, были заимствованы у евреев, то есть из Торы, а Рамбам, собирая и обобщая эти знания в рамках собственной философской системы, стремился вернуть их законному собственнику – иудаизму.

Ниже рассказано о поразительном примере ухода «искр святости» и долгого пребывания в сфере, противоположной еврейству, оказании мощного воздействия на нее и столь же удивительного возвращения к истокам.

Скульптурное изображение рабби Шломо ибн Гвироля.

Музей Ралли, Кейсария.

В 1846 году в лейпцигском литературном обозрении «Ориент» появилось сообщение, воспринятое как сенсация в кругах литературно-научной элиты. Известный в то время историк философии Соломон Мунк сообщил, что сделал открытие, установив имя автора знаменитой схоластической книги «Fons vitae» («Источник жизни»).

Чем же знаменита эта книга?

Своим уникальным воздействием на европейскую философскую мысль: столь же сильным, сколь и продолжительным – к ней обращались более семи столетий (то есть фактически все время, пока развивалась европейская философия). Величайшие авторитеты христианской церкви – такие, как Фома Аквинский, Альберт Великий и Иоганн Дунс Скотт, – прилежно изучали «Источник жизни» и строили на идеях этой книги свои теологические теории. Отдельные темы этого труда стали предметом долгих и ожесточенных дискуссий – например, вопрос о природе ангелов. Одна из основ системы «Источника жизни» – положение о том, что все создания в мире (не только материальные, но и духовные) имеют двойственную природу, ибо соединяют душу и тело. Следовательно, ангелы тоже имеют тело – конечно, духовное, но «более материально-духовное», нежели их душа. Вокруг этой идеи разгорелись жаркие споры между францисканцами во главе с Дунсом Скоттом и доминиканцами во главе с Фомой Аквинским. Эти споры продолжались все XIII столетие.

Самое удивительное, однако, что автор «Источника жизни» оставался в течение этих веков неизвестным. Доходили лишь неясные сведения, что этот труд написан каким-то арабом, которого называли то Авицебронном, то Авицеброрем, то Альбенцубромом и

как-то еще. Это было отголоском воспоминаний о том, что когда-то «Источник жизни» был переведен на латынь именно с арабского языка. Гийом д'Овернь, парижский епископ, родившийся в XII и умерший в XIII веке, называл автора «Источника жизни» «возвышеннейшим из философов» и утверждал: хотя имя и стиль его свидетельствуют об арабском происхождении, «нет никаких сомнений в том, что он был христианином».

Не только теологи изучали эту книгу. Джордано Бруно, один из первых европейских философов-пантеистов, признавался, что своими основополагающими идеями обязан «известному мавру, прозываемому Авицеброном». Значит, и материалист Спиноза, чей своеобразный пантеизм отмечен несомненным влиянием Джордано Бруно, продолжал развивать философскую мысль, источником которой была «Fons vitae».

Так кто же, по мнению Соломона Мунка, автор этого труда? Не кто иной, как рабби Шломо ибн Гвириоль, великий (и, по мнению многих, даже величайший) поэт так называемого «золотого века испанского еврейства». И сразу возникает вопрос: почему же творение еврейского поэта и философа ушло из еврейства и стало питать почву, на которой в конце концов выросло нечто такое, что ужаснуло бы ибн Гвироля, узнай он об этом?!

Но сначала несколько слов о самом ибн Гвироле. О его жизни нет достоверных сведений. Мнения исследователей расходятся даже по поводу дат его рождения и смерти. Известно одно: ибн Гвириоль жил в первой половине XI века, а это был самый блестящий и благополучный период в истории испанского еврейства. Фактическая власть в стране принадлежала всемогущему визирю гранадского халифа рабби Шмуэлю а-Нагиду – поэту, талмудисту, полководцу и гениальному политику. Полагают, что некоторое время он покровительствовал ибн Гвиролю, но затем их отношения испортились. Ибн Гвиролю пришлось пуститься в странствия. Кое-кто из исследователей последнего времени пытался разгадать, не запечатлены ли в лирике ибн Гвироля какие-либо конкретные события его жизни. Однако хорошо известно, как поэты преломляют и трансформируют в своих стихах впечатления внешнего мира – поэтому такие попытки, в принципе, безнадежны. Зато в памяти народа Израиля личность ибн Гвироля оставила яркий след: и жизнь его, и смерть дали материал для множества легенд (некоторые из них нашли отражение в поэме Генриха Гейне «Йеуда бен Галеви»). И недаром отдельные творения ибн Гвироля вошли в еврейский молитвенник. Например, «Шир а-кавод» («Песнь славы») в утренней молитве в субботу или знаменитая поэма «Кетер малхут» («Царский венец»), включенная в литургию Йом Кипура, самого святого дня в году. Совершенство художественной формы, страстный порыв к Б-жественному, восторженное созерцание Б-жественной сущности всего творения – вот чем отмечена поэзия ибн Гвироля, обеспечившая ему бессмертие...

Однако философский труд рабби Шломо ибн Гвироля «Источник жизни» (написанный в оригинале по-арабски, как и многие другие еврейские философские книги той эпохи) далек от его поэзии, и судьба этого труда совсем иная. Ни у евреев, ни у арабов «Источник жизни» не имел успеха, и его очень скоро забыли. Показательно, что не сохранился даже оригинал этого сочинения: до нас дошли лишь конспект, сделанный на иврите спустя много времени после смерти ибн Гвироля, и его латинский перевод.

Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, структура и стиль «Источника жизни» разительно отличаются от еврейских религиозно-философских книг, созданных в ту же эпоху. Эти отличия так значительны, что рабби Авраам ибн Дауд (так называемый Раавад I), живший в XII веке, в своем труде о преемственности традиции Торы подверг «Источник жизни» самой суровой критике. В частности, он упрекал автора

за сухость изложения и многословие: «Можно было бы вполне удовлетвориться всего одной десятой частью этой книги...» Современный исследователь и восторженный почитатель творчества ибн Гвириля профессор Й. Клаузнер, называвший его «величайшим и оригинальнейшим философом Средневековья» и превозносивший «Источник жизни» как философский труд, отметил, что «даже самые сухие схоласты не писали таких сухих и скучных книг»^[1]. Далее: еврейского читателя с самого начала должно было удивить и насторожить то, что в книге нет ни одной ссылки ни на Письменную Тору, ни на Устную, а единственное имя собственное, упоминаемое в ней, принадлежит древнегреческому философу Платону. Поэтому многие из тех, кто успел ознакомиться с «Источником жизни» в оригинале, утверждали (полагая, что совершенно правы): в нем нет ни малейшего следа еврейства.

Однако это не так: философский труд ибн Гвириля неразрывно связан с традицией Торы и, более того, с основами каббалы. Однако этот аспект так хорошо замаскирован, что до недавнего времени был не известен^[2]. Можно обсуждать вопрос, намеренно или неосознанно сделал так ибн Гвириль, но окончательного ответа, вероятно, не найти. Не исключено, что он изначально предназначал свою книгу для самого широкого круга читателей – всего человечества. Но, конечно, ибн Гвириль не предполагал, что именно евреи окажутся вне круга читателей «Источника жизни». Можно взглянуть на проблему иначе и сказать, что ибн Гвириль писал свой труд по наитию свыше и вовсе не думал о том, кому он предназначается. Тогда следует признать, что «Источник жизни» не был понят сначала потому, что слишком опередил свое время...

Так или иначе, судьба этой книги дает превосходный урок тем писателям, которые тщатся создать нечто «общечеловеческое», «наднациональное», лишенное национальных корней. В таком случае их идеи – как бы верны они ни были сами по себе – уходят в чуждую им сферу, и впоследствии теряется даже память об их истинном происхождении.

* * *

Вероятно, учитывая приведенное выше мнение рабби Авраама ибн Дауда, рабби Шем-Тов ибн Фалакера, еврейский философ и поэт XIII века, составил сокращенный вариант «Источника жизни» на иврите. Благодаря ему Соломон Мунк и обнаружил настоящего автора этой книги. Работая в национальной библиотеке в Париже над исследованием старых еврейских рукописей, Мунк заметил, что многие положения конспекта ибн Фалакеры поразительно напоминают идеи известного латинского трактата «Fons vitae». Сопоставив оба труда, Мунк вскоре пришел к выводу, что они вполне тождественны.

Спустя несколько лет Мунк более аргументированно обосновал свое открытие и уделил особое внимание «Источнику жизни» в написанном им труде о еврейской и арабской философии средневековой Испании. И вот тогда открылась новая глава в истории перевоплощений «Источника жизни».

В 1857 году была опубликована статья Давида Ашера, германского еврея, жившего в Англии. Пламенный адепт немецкого философа Артура Шопенгауэра (кстати, убежденного антисемита и одного из предтеч нацизма), Ашер, основываясь на историческом труде Мунка, обратил внимание на частые случаи сходства в учении Шопенгауэра о «мировой воле» с философским трудом ибн Гвириля. Дело в том, что философская система «Источника жизни» построена на трех основных понятиях: «Изначально Сушый» (что обозначает Б-жественную сущность), «акт Творения» и «воля»

(посредством которой Б-жественная сущность совершает акт Творения). Давид Ашер указал, что понятие «воля» у ибн Гвироля тождественно аналогичному понятию у Шопенгауэра. Другой ревностный пропагандист идей Шопенгауэра – между прочим, еврей-выкrest – показал философу статью Ашера. В первый момент Шопенгауэр был так изумлен, что проронил: «Действительно, сходство просто поразительное!» Хотя он прочитал, вероятно, большую часть мировой философской литературы, но – по его собственному признанию – «никогда не читал ни слова, ни полслова о книге ибн Гвироля». Однако Шопенгауэр быстро оправился от потрясения и написал Давиду Ашеру, что ибн Гвироль несопоставим с ним, Шопенгауэром; он не более чем «уголек, тлеющий во мраке ночи, по сравнению с солнцем».

Комментируя этот эпизод, профессор Клаузнер пишет^[3]: «Поистине, Шопенгауэр не страдал от избытка скромности. Ведь это ему принадлежит афоризм: “Только мерзавцы – скромники”^[4]. Конечно, все-таки трудно сравнивать первооткрывателя с его соперником, пришедшим восемьсот лет спустя, впитавшим знания и влияния, которые проявились за это время... Однако все это свидетельствует о том, что влияние, которое ибн Гвироль оказал на мировую философию, живо и не устарело вплоть до наших дней».

* * *

Так, сквозь, казалось бы, беспорядочное, бесконечное множество противоречащих друг другу человеческих поступков пробивает себе дорогу Б-жий замысел. «Все предвидено, но позволение дано, и на благо мира суждено, и все – по мере множества действий» (Пиркей Авот, 3:15). Творец все предвидит заранее, но позволяет человеку выбирать путь свой свободно; однако все суждено на благо миру, и в конечном счете – что бы люди ни предпринимали, воображая, будто преследуют свои личные цели, – задуманное Б-гом осуществляется. Постепенно происходит «евреизация» мировой культуры, представляющая собой часть подготовки мира к появлению Машиаха (см.: Рамбам, Главы из книги Мишне Тора, Иерусалим, 5745 [1985]. С. 95). Пока, как пишет Рамбам (Законы о царях и их войнах, 1:4), народы мира – и христиане, и мусульмане – считают, что имеют право толковать Тору так, как им вздумается: некоторые из ее заповедей принимать (даже вовсе не относящиеся к ним), а некоторые – произвольно отвергать. Однако «когда встанет царь Машиах поистине, преуспеет, поднимется и превознесется, немедленно народы мира осознают, что ложь оставили им в наследие их отцы» и что «их пророки и предки их» попросту «ввели их в заблуждение». И чрезвычайно важную роль в этом (сознательно или неосознанно) сыграл рабби Шломо ибн Гвироль своим философским трудом «Источник жизни».

Ī īīæàòīŷ äôi ū â ÷ äēīāi: äēēī īīāōōā

īī Ā-īīīāā çài ūīīē -

āīō ÷ òī īīāōēòīŷ.

(Мишлей, 19:21)

Однако в сознании народа Израиля ибн Гвироль остался незапятнанным связью с гонителями еврейского народа, великим поэтом-праведником, с необычайной силой выразившим любовь Израиля к своему Творцу. И свидетельство тому – народная легенда, причислившая ибн Гвироля к каббалистам-чудотворцам, создателям искусственного человека, Голема.

Вот история, которую передает рабби Йосеф-Шломо Дельмедиго – знаменитый врач, ученый, писатель и путешественник XVII века: «Рассказывают о рабби Шломо ибн Гвироле, что он создал женщину, прислуживавшую ему, певшую и танцевавшую под собственный аккомпанемент. На него донесли властям, и тогда он продемонстрировал, что его творение – всего лишь автомат, состоящий из различных металлических и деревянных частей.

^[1] Введение к изданию «Источника жизни» в переводе на иврит. Иерусалим, 1926.

^[2] Напрашивается параллель с трудами Рамбама: в течение столетий они считались образцом рационализма, и лишь начиная с Бааль-Шем-Това постепенно начал приоткрываться их каббалистический аспект. Еще современник Бааль-Шем-Това – выдающийся талмудист рабби Яков Эмден энергично протестовал, обнаружив у каббалиста XIII века рабби Йосефа Гикатильи утверждение о влиянии каббалы на Море невухим, однако теперь, после опубликования комментариев израильского ученого д-ра Йеуды Эвен-Шмуэля (Кауфмана) к этому труду Рамбама, все сомнения по этому поводу должны исчезнуть.

^[3] Во введении к ивритскому изданию «Источника жизни».

^[4] По мнению Шопенгауэра, мерзавцам есть что скрывать – поэтому они скромны; честный же человек не боится выставлять всего себя напоказ. Это напоминает знаменитую сцену суда в книге «Алиса в стране чудес», когда обвиняемый кричит, доказывая свою невиновность, что под инкриминируемым ему документом нет его подписи. «Это-то как раз и подозрительно, – отвечает ему судья, – будь ты честным человеком, ты не побоялся бы подписаться».

МОЛИТВА КАК ЛЕКАРСТВО

Óðè Óáçáèéĭá (Ĭ áç)

Согласно новому исследованию, смертность среди тех, кто никогда не посещал синагогу, на 75% превышает смертность людей, посещающих ее регулярно. Это исследование, проведенное в Израиле, дополнило ряд подобных ему, выполненных в последние годы в США и в некоторых других странах. Все они показали, что у верующих и регулярно молящихся людей продолжительность жизни выше.

Вавилонский Талмуд (Брахот, 8б) приводит слова мудрецов, обращенные к рабби Йоханану: «И в Вавилоне есть старики, достигшие весьма преклонных лет». Удивился рабби Йоханан и сказал: «В Торе написано: “Дабы продлились дни ваши и дни сынов ваших на земле, которую Г-сподь поклялся отцам вашим дать им, – как дни неба над землей”. Не значит ли это, что только в Эрец-Исраэль наши дни будут долгими, а за ее пределами – нет?!» На это мудрецы ответили: «Это потому, что в Эрец-Исраэль люди встают затемно и приходят на молитву в синагогу». Сказал им рабби Йоханан: «Отсюда можно сделать вывод, что Всевышний длит годы жизни тех, кто приходит на молитву в синагогу, как учил своих сыновей рабби Йеошуа бен Леви: “Чтобы продлить свои дни на земле, вставайте затемно и приходите в синагогу”».

Результаты современных научных исследований, полученные учеными Центра по изучению старости при Еврейском университете в Иерусалиме во главе с профессором Говардом Литвиным^[1], заставляют вспомнить пословицу: «Новое – это хорошо забытое старое». Действительно, пожилые люди, регулярно посещающие синагогу, живут дольше своих сверстников, не бывающих там.

Выводы этого исследования основаны на опросе, проведенном израильским Центральным бюро по статистике в 1997 году. В рамках опроса были проинтервьюированы около 5 тыс. мужчин и женщин шестидесятилетнего возраста, живущих в Израиле. Вопросы касались образа жизни этих людей. В 2004 году, через семь

лет после проведения опроса, профессор Литвин и его помощники проверили его результаты. Исследование Литвина охватило 1811 участников опроса 1997 года. Ученые обнаружили, что 684 респондента, то есть 38%, скончались в течение прошедших лет, и проанализировали данные в соответствии с образом жизни опрошенных.

В интервью корреспонденту газеты «А-арец» Офри Илани, опубликованном 19 августа 2007 года, профессор Литвин сообщил, что максимальная смертность зафиксирована, как и предполагалось, среди самой старшей группы охваченных исследованием людей. Распределив респондентов на группы по уровню доходов, выяснили, что среди людей с самым низким уровнем доходов смертность на две трети выше, чем среди их сверстников с самым высоким уровнем доходов. Среди пожилых людей, страдающих от депрессии, уровень смертности на 80% выше, чем среди тех, кто этим не страдает. «Эти данные вовсе не удивительны, – говорит профессор Литвин, – но мы обнаружили также два дополнительных, необычных фактора, влияющих на продолжительность жизни: частота встреч с друзьями и частота посещения синагоги».

По данным исследования, в одной возрастной группе смертность среди тех, кто не посещает синагогу, на 75% превышает смертность тех, кто делает это регулярно. По словам профессора, нельзя однозначно объяснить, каким образом посещение синагоги влияет на продолжительность жизни, но возможны два объяснения этого явления: «Одно из этих объяснений – духовного характера: вера продлевает жизнь. В последние годы в США и некоторых других странах была проведена целая серия исследований, доказавших, что вера помогает людям справиться со стрессом. Верующие и регулярно молящиеся люди живут дольше». Кроме того, посещение синагоги полезно тем, что человек рано встает, идет на молитву пешком, общается с людьми, прилагает интеллектуальные усилия при чтении Торы с комментариями и духовные – во время молитвы. Все это, с точки зрения медицины, идет на пользу здоровью.

ОТКРЫТИЯ, РАЗДВИГАЮЩИЕ ГОРИЗОНТЫ

Профессор Литвин говорил о новейших открытиях, раздвинувших горизонты медицины. Но этими данными не ограничился спектр интересов ученых, всерьез занявшихся также изучением влияния молитвы на течение болезней женщин и молодежи. Исследования показали, что молитва помогает и в этих случаях. В последние годы предпринимались попытки объективного изучения научных разработок и в области лечебного воздействия «дистанционной молитвы» (intercessory prayer). Впервые широкая публика на Западе ознакомилась с этим еще в 1998 году, после публикации в популярной газете «Time». Статья рассказывала о клиническом опыте, проведенном в кардиологическом отделении одного из медицинских центров США. Больных разделили на две группы. За здоровье одной группы молились издали представители разных религий в разных частях света: буддистские монахи в Непале, христиане в штатах Балтимор и Миссури, религиозные евреи у Стены Плача в Иерусалиме. Целью этого опыта была проверка степени положительного влияния на процесс и результаты лечения, которое может оказать молитва посторонних людей, находящихся далеко. Полученные данные подтвердили лечебный эффект подобного воздействия: результаты лечения больных, за которых молились, оказались значительно лучше, чем у больных из второй группы.

Стоит вспомнить, что еще раньше было проведено исследование, проверявшее уровень зависимости сердечных заболеваний от соблюдения заповедей. Наблюдение за 10 тыс. человек в течение пяти лет показало, что распространенность сердечно-сосудистых заболеваний (закупорка сердечного сосуда) у религиозных евреев вдвое реже, чем у

евреев, ведущих светский образ жизни: 2,9% у религиозных по сравнению с 5,8% у светских. У евреев, утверждавших, что соблюдают традиции, – 3,7%^[2].

Еще одно интересное исследование, касающееся влияния молитвы на ход болезни, было опубликовано в американском журнале «New Realities» (май–июнь 1990), и его результаты поразили ученых-медиков. 393 пациента, обратившихся в кардиологическое отделение Центральной больницы в городе Сан-Франциско, были разделены на две группы: за выздоровление первой группы пациентов никто не молился, тогда как за здоровье и благополучие пациентов второй читали соответствующие молитвы. При этом соблюдались самые строгие принципы, принятые в медицинских исследованиях: деление на группы было произведено таким образом, что ни сами больные, ни врачи, ни медсестры не знали, кто к какой группе принадлежит. Доктор Стивен Бирд, возглавлявший исследовательскую группу, привлек людей, которые анонимно молились за здоровье больных из второй группы: за каждого молились от пяти до семи человек. В этом исследовании приняли участие американские врачи из разных штатов: д-р Ларри Досли из Далласа, д-р Элизабет Этраг из Калифорнии, д-р Джеффри Левин из Вирджинии, д-р Валлас Сэмпсон из Стэнфордского университета, д-р Герберт Бенсон из медицинской школы Гарвардского университета, д-р Ривид Ларсон и д-р Кэрл Юнг с медицинского факультета Йельского университета и др.

Как уже говорилось, результаты исследования поразили ученых-медиков: больные, за здоровье которых читали молитвы, нуждались в гораздо меньшем количестве антибиотиков, чем больные из другой группы, им было сделано значительно меньше капельных вливаний, и среди этой группы больных был только один летальный исход при равных исходных условиях. Ученые заявили: результаты исследования убедительно показали, что больные, за здоровье которых молились, выздоравливали гораздо скорее и намного меньше нуждались в конвенциональных средствах лечения.

«ДАБЫ ПРОДЛИЛИСЬ ДНИ ТВОИ»

В июле 1999 года в престижном журнале «Нью репаблик» была опубликована статья Грега Истербрука «Дабы продлились дни твои». В ней приводились результаты научных исследований, и среди них были названы следующие открытия: «...Самым потрясающим выводом, по мнению д-ра Гарольда Кенига из Медицинского центра при Университете Дьюк, является то, что “отсутствие религиозной жизни влияет на смертность в той же степени, как и 40 лет курения по одной пачке в день”». Кениг и группа ученых из университетов Дьюка, Йельского и Гарвардского изучили около 1100 научных работ, опубликованных в последнее время и посвященных тому, как влияет на здоровье соблюдение религиозных обрядов. Было обнаружено следующее: подавляющее большинство этих исследований указывает на то, что между участием в обряде молитвы и состоянием здоровья существует статистически подтвержденная связь (участие в молитве ученые приняли как критерий веры, поскольку объективного способа измерить силу личной веры не существует).

В процессе другого исследования, длившегося 28 лет, было обследовано около 5 тыс. жителей Калифорнии. Ученые пришли к выводу, что продолжительность жизни женщин, обращавшихся к Б-гу с молитвой хотя бы раз в неделю, значительно выше, чем у других женщин. Однако у мужчин результаты были не столь однозначны. Такое же исследование, проводившееся под руководством профессора Уильяма Стробриджа и опубликованное два года назад в «Американском журнале общественного здоровья», показало, что здоровье верующих мужчин как группы не превышает средней нормы.

Напротив, их здоровье оказалось хуже, чем в среднем по стране, но ситуация неизменно улучшалась по мере увеличения возраста.

«Из исследования, проведенного Кенигом, можно сделать вывод, что связь между участием в религиозных обрядах и здоровьем налицо в иудаизме и четко выражена в различных течениях ислама и христианства», – объясняет в своей статье Грег Истербрук. В той же статье подробнейшим образом описано, как скрупулезно придерживались исследователи правил научной объективности.

КАК СКАЗАЛ ЭЙНШТЕЙН

«Я очень сомневаюсь, что можно найти хотя бы одного крупного ученого, лишенного религиозного чувства, – писал Альберт Эйнштейн юноше, которого интересовало, молятся ли ученые. – Каждый, кто серьезно занимается наукой, постепенно убеждается, что в законах Вселенной проявляется Дух, и Дух этот неисчислимо выше человеческого... Таким образом научные изыскания приводят к своего рода религиозному чувству»^[31]. Великий физик удивил молодого человека, сформировавшегося в атмосфере дарвинизма и материализма.

Очевидно, слова Эйнштейна верны не только для его времени, но актуальны и для современной эпохи – эпохи прикладной технологии. Как написал Истербрук в упомянутой статье «Дабы продлились дни твои»: «Одним из наименее хранимых секретов современной эпохи является то, что молятся не только религиозные фанатики. Так, Джон Гутон, один из крупнейших физиков современности, занимающихся исследованием атмосферы, регулярно молится и даже опубликовал несколько статей о пользе молитвы. Физик Чарльз Таунс, получивший Нобелевскую премию за свои научные достижения, одним из которых является изобретение лазерного луча, говорит, что молится ежедневно».

«Некоторым из нас это может показаться смешным, – заканчивает Истербрук свою статью, – но поскольку регулярная молитва, обращенная к Создателю, оказывает неоспоримое влияние на здоровье, молящийся поступает вполне рационально».

В завершение хотелось бы напомнить, что в иудаизме вера в целительную силу Б-га не отрицает медицинского искусства и необходимости к нему обращаться; молитва не заменяет конвенционального лечения. Напомним также, что на протяжении тысячелетий молитву признавали мощным средством улучшения здоровья сотни миллионов верующих во всем мире, независимо от того, какую религию они исповедовали. Все они не нуждаются в научном подтверждении своей веры.

^[1] Litwin, H. What really matters in the social network mortality – association? A multivariate examination among older Jewish-Israelis. *European Journal of Ageing*, 2007, 4(2). P. 71–82.

^[2] М. Шнайдер и др. Низкая распространенность болезней сердца у религиозных евреев по сравнению с нерелигиозными. *Тора вэ-мада (Тора и наука)*, 1978, № 8. С. 35–44 (на англ. языке).

^[3] Эллис Калапрайс. Как сказал Эйнштейн. *Кетер*, 1999. С. 136–137 (на иврите).

КДУША

Áæáéì ñÊóáé

Продолжаем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили беседует об иудаизме с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.

Д. Д. Слово «кадош» обычно переводится на русский как «святой», но его ивритский смысл гораздо яснее и точнее. Кадош несет в себе оттенок «отделенности», «особости». Так, шабат называют шабат кодеш («шабат святости», «святой шабат»), поскольку это особый день, отделенный от других. Точно так же выделенная часть урожая, которую откладывали для священных целей, называлась «кадош», «особой» – ее не полагалось использовать обычным образом и требовалось особенно тщательно оберегать от соприкосновения со всем нечистым. По сути дела, свойство «особости» было присуще всему, что имело отношение к Иерусалимскому Храму. Ведь сам Храм был святым местом, отделенным от всего окружающего и огражденным от всего нечистого. Не случайно на иврите он называется «Бейт а-микдаш» или «а-микдаш», «святое место». Это понятно?

Ю. Л. Да.

Д. Д. Тогда тебе должно быть ясно, что понятие «святости» тесно связано с понятием «чистоты». Все нечистое не может соприкоснуться с кадош. Наши мудрецы употребляли тот же корень, «к-д-ш», чтобы выразить идею очищения, омовения. Например, коен омывал кидеш, руки и ноги, прежде чем войти в контакт с чем-то кадош. Способ очищения зависел от того, каким образом человек стал нечист: ведь есть различные степени нечистоты, и можно по-разному стать нечистым – например, соприкоснувшись с мертвым телом или разными нечистыми веществами.

Ю. Л. И это также связано с кошерной едой?

Д. Д. Начнем с того, что диетарные законы, о которых я тебе говорил, исходят из идеи «чистоты»: некоторые животные считались «чистыми», тахор, и, соответственно, годными к употреблению в пищу. Если их правильно забить и приготовить, они будут кошерными. Еда, по сути дела, – одна из немногих сфер еврейской жизни, в которой идея «чистоты», строго говоря, остается актуальной.

Ю. Л. А почему так?

Д. Д. Потому что идея «чистоты» и святости, прежде всего, связана с Храмом, Бейт а-микдаш, и со всем, что там происходило. Когда Храм был разрушен, большая часть храмовых установлений, касавшихся служителей и жертвоприношений, потеряла актуальность.

Ю. Л. За исключением пищевых запретов.

Д. Д. Запрет на некошерную еду сохранился, и, можно сказать, что с течением времени пищевые запреты стали строже.

Ю. Л. А почему?

Д. Д. К этому я и веду. Понимаешь ли, святость и чистота действительно играют в нашей религии важнейшую роль, даже если самого Храма, некогда сердцевины еврейской жизни, больше нет. Та огромная власть, которую имеют над нами законы кашрута, – даже если порой всему прочему не уделяется внимания – свидетельствует о чем-то очень глубоком в нашей душе, о чем-то таком, что большинство евреев порой не осознают. Это внутренние поиски кдуша, принимающие очень простую форму – приверженности правилам кашрута.

Ю. Л. И каким образом?

Д. Д. Начнем с того, что тебе нужно получить телесное ощущение чистоты и святости, вернее (само по себе оно может быть тебе знакомо), прийти к пониманию того, что такое ощущение есть часть кдуша. Ведь кадош – это прежде всего телесное. Если что-то считалось кадош, необходимо было защищать его от соприкосновения с нечистым. А когда ты сам оказывался в состоянии нечистоты, то для очищения требовалось не прочесть какую-то молитву, а окунуться в микве – бассейне с водой, взятой непосредственно из естественного источника, или же в водоеме с проточной водой. Подобным же образом, когда левитов посвящали на службу в Храме, они не только опрыскивали себя очистительными водами, но и выбривали все тело, начиная новую телесную жизнь. Потом они стирали одежды и надевали все чистое.

Точно такая же телесная составляющая присутствует и в кашруте. По-моему, вегетарианец должен понять это. Потому что вместо обычного поглощения любой пищи ты руководствуешься определенными правилами, различаешь еду; в итоге само это действие меняет свой характер – разве не так? В известном смысле, подчиняясь пищевым предписаниям, ты очищаешь себя изнутри, как в бассейне ты очищаешь свое тело, – а уж здесь физическое ощущение чистоты неоспоримо. Ведь именно угроза нечистоты – в эпоху Храма это было соприкосновение с нечистым или же, в смысле кашрута, угроза вкушения чего-то нечистого – требует постоянного внимания, даже настороженности. С годами это входит в привычку, становится твоей второй натурой. Поэтому мне кажется, что наша приверженность к кашруту в конечном счете – явление телесное, точнее, сочетание конкретной телесности с нетелесным, – что и составляет суть кдуша.

Ю. Л. Что вы имеете в виду?

Д. Д. Да нечто очень простое: телесное состояние кдуша в Торе достигается при помощи нетелесного. Представь себе состояние чистоты, как я его описал – когда ты чувствуешь вокруг ограждающий тебя ореол, – и вдруг этот ореол становится проницаемым, рассеивается, не только вследствие внешней телесной нечистоты, но и осквернения изнутри. Великий принцип Торы «хождение в святости» достигается не только тем, что ты избегаешь телесной нечистоты, но и нравственной. Как велит Тора:

«Кдошим тихью...» («Будьте святы, ибо свят Я, Г-сподь, Б-г ваш»). И за этим повелением в книге Ваикра следует список нечистых вещей, которых следует избегать, – одни из них вполне телесные; другие, как я сказал, связаны со словами и даже мыслями.

Ю. Л. Но разве «будьте святы, ибо Я свят» не просто еще один пример того, что называют *imitatio Dei*, когда человек обязан подражать Б-гу?

Д. Д. Я слышал такое определение, но не думаю, что оно отражает суть дела, по крайней мере, в данном случае. Скорее здесь действует, как выражаются наши мудрецы, клаль гадоль, великий главенствующий принцип всей нашей Алахи, и его нужно воспринимать самым конкретным образом. Как кадош Б-г и дом Его, Храм, так надо быть защищенным от всех и всего, находящегося в состоянии нечистоты. Тора велит, чтобы мы, обычные евреи, шествовали по жизни отделенными, огражденными от нечистоты – и не только в смысле физического контакта с нечистым, но и от нечистых поступков, даже нечистой речи.

Ю. Л. Но мне кажется, следует выбирать: либо святость, как вы говорите, – это телесное состояние, и нравственное измерение отсутствует; либо – нетелесное, и тогда ваше «физическое» описание не соответствует действительности.

Д. Д. Наверное, лучше сказать так: идея кдуша заключается в способности нравственного посягнуть на физическое – фактически, повлиять на физическое состояние человека. И это влияние засвидетельствовано не только законами Торы, но и всей историей, которую мы знаем из книг Йеошуа, Шофтим и т. д., а также словами наших собственных пророков – например, Йешаяу. Когда Б-г впервые позвал его, Йешаяу оказался перед небесным троном и преисполнился святости от этого места: «кадош, кадош, кадош» («святой, святой, святой»). Какова же была его реакция? «И сказал я: горе мне! Я погиб, ибо я человек с нечистыми устами, и среди народа, чьи уста нечисты, живу я». По-моему, эти слова очень много значат применительно к тому ощущению, которое я хочу описать. Ибо он почувствовал это даже на своих устах, ощутил, что сам процесс говорения – слова, произнесенные им, даже слова его соплеменников, соприкоснувшись с ним, осквернили его, сделали нечистым.

Ю. Л. Понятно.

Д. Д. И как раз в этом смысле «быть святым» составляет великий основополагающий принцип Торы. Чтобы выполнить эту мицву, мы постоянно должны обращаться мыслями к небесам и тщательно взвешивать свои поступки. Мне как раз пришло в голову, что ту же идиому мы обнаруживаем в Писании: «наблюдай за ногою твоею, когда идешь в Дом Б-жий». С тем, что свято, нельзя обходиться легкомысленно. Такое же высказывание приводится в связи с шабат кодеш. Не будучи, строго говоря, географическим местом, шабат все же место святости. Поэтому, когда пророк Йешаяу решил предупредить об ограждении святости шабата, он использовал аналогичное

выражение: «Если удержишь от шабата ногу свою...» И когда Тора говорит, что мы сами должны быть кадош, это нужно, мне кажется, понимать в таком смысле: к самим себе мы должны подходить очень придирчиво.

Ю. Л. Более придирчиво, чем только есть кошерную пищу.

Д. Д. Именно. Видишь ли, пища – в значительной степени телесный феномен и очень ясно свидетельствует о тяготении к кдуша. Но наша Алаха в конечном счете распространяет это чувство на все – пока мы не начинаем ходить отделенными, окруженными сиянием святости. Вот почему, как я говорил тебе когда-то, «четыре локтя» нашей Алахи сравнивались с Храмом – ибо наша Алаха есть также место святости, но существующее везде, где бы нам ни пришлось находиться. Она упирается в самую сердцевину нашей повседневности. И это великий дар нашей Алахи: следуя ее путями, мы начинаем жить в святости. Вот почему наши мудрецы вынесли общее решение, что перед исполнением любой из мицвот мы повторяем браху благодарности Б-гу. За что мы Его благодарим? Ашер кидшану бе-мицвотав – потому что Он сделал нас кадош, даровав нам мицвот. И мы можем ходить в святости, куда бы мы ни шли.

* * *

Д. Д. А теперь, Юра, позволь мне задать тебе еще один вопрос. Я понял, что ты продолжаешь входить в иудаизм, и это хорошо. Но предупреждаю: не делай это как бы между прочим, наполовину. Каждая минута, свободная от иных занятий, должна быть посвящена иудаизму (а нередко и то время, когда у тебя много других дел). В противном случае ты все растеряешь, поверь мне.

Ю. Л. Да, понимаю... Я не хотел заострять на этом внимание, но проблема в том, что последние два месяца...

Д. Д. Все в порядке. Разумеется, ведь ты поэт. И ты можешь ощутить, что наш путь, в конечном счете, – это путь знания, в добавление к пути бытия; что идти путями Б-жьими означает знать реальность во всех деталях, чувствовать ее вкус. Мы же говорили об этом.

Ю. Л. Да.

Д. Д. Но тогда ты должен слушаться своего сердца, когда оно требует от тебя все больше и больше, – как и положено. Потому что иначе ты потеряешь все.

Ю. Л. Вы говорите о познании, и мне кажется, я понимаю, что имеется в виду. Но, согласитесь, иудаизм в какой-то степени зависит – по крайней мере, внешне – от вещей произвольных или, во всяком случае, от довольно спорных допущений и выводов.

Д. Д. Значит, ты не понял, что я подразумевал. В том способе познания, о котором я говорил, нет никаких допущений; напротив, он требует, чтобы человек отказался от допущений.

Ю. Л. Ясно. Но в данном случае, я имею в виду не способ духовного познания, а более конкретные верования и положения иудаизма. Ведь в иудаизме много такого, что с другой точки зрения представляется весьма спорным: что Тора была дарована Моше на горе Синай, что в мире установлены Б-жественный порядок и справедливость. И так далее, и тому подобное...

Д. Д. Это серьезные вопросы – прежде всего, два упомянутых тобой требуют отдельного рассмотрения. Но ты прав, мы об этом еще не беседовали, поскольку я пытался помочь тебе узнать иудаизм изнутри, иудаизм делания и мишкана. Это и есть основа. Конечно, много можно толковать и о еврейских концепциях дарования Торы, воздаяния и наказания, и обо всем прочем. Но я уже говорил, начинать нужно с души и мишкана – именно это фундамент, эти конкретные вещи.

Ю. Л. Но ведь одно связано с другим. Я о том, что мишкан основан на Торе, значит, нам следовало бы знать, откуда появилась Тора?

Д. Д. Так знай, что она была вручена Моше на горе Синай.

Ю. Л. Но вам же известно, что современные ученые говорят о Торе, опираясь на данные библейской критики, археологии...

Д. Д. Да, это интересная тема. Может быть, ты знаешь: когда-то я решил познакомиться с современной библейской критикой и, признаться, выяснил очень многое. Надеюсь, как-нибудь мы побеседуем об этом подробнее. Но это нельзя сделать мимоходом: тогда нам придется очень далеко отойти от самого главного в нашем разговоре. Так что лучше оставим пока эту тему.

Ю. Л. Вы не считаете, что мне нужно изучать библейскую критику?

Д. Д. Это необязательно. Тебе нужно изучать Талмуд, традиционные толкования, мидраши и Раши.

Ю. Л. Но ведь мы здесь сталкиваемся с той же проблемой. Ведь мы делаем очень много вещей, которые зависят от той или иной интерпретации текста – скажем, Торы. И после всех этих лет изучения литературы, в университете и аспирантуре, меня невозможно убедить, что существует одна-единственная интерпретация текста. Любые тексты по своей природе многозначны и открыты различным интерпретациям. А иудаизм, кажется, настаивает на том, что все мы должны интерпретировать такой-то текст таким-то образом – что в нем говорится именно это.

Д. Д. Например?

Ю. Л. Например, в Торе сказано, что мы должны отдыхать в шабат. Прекрасно. Но откуда мы знаем, что в шабат по пути в синагогу запрещено переносить ключи в карманах, включать свет, даже касаться денег? С другой стороны, откуда мы знаем, что многое из того, что мы делаем, не запрещено? Просто некая группа людей предложила интерпретировать текст определенным образом. А кто сказал, что это правильная интерпретация?

Д. Д. Ну, на это я отвечу тебе то, что уже говорил раньше. Хотя написанный текст может быть и многозначным, как ты выразился, но нам, как общине, нужно толковать Тору единым образом – по крайней мере, в повседневной практике. Поэтому традиция толкований передавалась нам, наряду с Торой, с древнейших времен, – и не только через слова, но и через дела, через надлежащие поступки. Это длилось веками, пока наконец наши мудрецы на основе этих традиций не сформулировали законы – в случае необходимости делая выбор между различными мнениями в пользу того, которое сочли правильным (хотя при этом они нередко фиксировали и мнение меньшинства, а также традиции, отличающиеся от принятых). Вот откуда идут наши традиционные толкования и почему они необходимы.

Ю. Л. Да, но это чтобы дать практический ответ на теоретическую проблему. Наверное, им необходимо было единое мнение. Но тогда получается, что у нас еще Тора, чей авторитет исходит от Б-га, и корпус толкований, исходящих от людей, таких же, как мы с вами. Что мешает мне истолковать этот текст иначе – и кто подтвердит, что правы другие, а не я?

Д. Д. Прежде всего, сама Тора. Разумеется, проблема различных истолкований и приложений заложена в самой Торе, и на этот счет ее указания абсолютно ясны – в случае спора нужно обратиться к авторитетным людям: «приди к священникам-левитам и к судье, который будет в те дни». Иными словами, интерпретировать текст надлежало общине и ее признанным руководителям, а не каждому отдельному человеку. И если ты с трудом воспринимаешь эту идею, вероятно, тебя настроило против нее твое окружение.

Ю. Л. Как это?

Д. Д. Ведь ты не только поэт, но и принадлежишь кругу ученых-филологов, литературоведов, имеющих дело с художественными текстами. Для них Библия – художественный текст, и они считают, что каждый вправе интерпретировать ее, как сочтет нужным. Дескать, наука не знает никаких авторитетов. Но евреи всегда считали иначе. Можно сказать, что у нас два авторитетных источника в иудаизме: письменный текст и предания отцов – или, как тебе уже известно, Тора ше-бихтав и Тора ше-бе-ал пе, Письменная и Устная Тора. Но поскольку «традиции отцов» – это в значительной степени толкования письменных текстов, то два этих источника составляют одну неразделимую Тору. Иными словами, в чем состоит сама концепция Торы? Это тексты, которые наша традиция передает и интерпретирует.

Еще добавлю, что разница между письменным текстом и устной традицией не столь уж велика, как может показаться на первый взгляд. Хотя толкования передавались от поколения к поколению только устно, существует вполне достаточно письменных свидетельств о таких толкованиях – даже в Библии, особенно в поздних книгах. Взять хотя бы вопрос, который ты задал: как соблюдать шабат? Обратившись исключительно к Торе, мы найдем там только общий запрет на труд и такое же общее повеление соблюдать шабат как святой день, да еще несколько деталей – запрет зажигать огонь, переходить со своего «места» на другое, собирать хворост, манну и т. д. Но в книге Ирмеяу конкретно сказано про шабат: «не выносите ноши из домов ваших» (вплоть до ключей от дома, про которые ты говорил), а в книге Нехемьи говорится о запрете купли-продажи в шабат, в том числе запрете касаться даже денег. Можно считать, что такие запреты уже заложены в Письменной Торе, но то, что в поздних книгах они указаны прямо, показывает: как сама Тора передавалась от поколения к поколению, так же и раскрывающие ее традиции истолкования. В этом весь смысл: для нас такие предания столь же авторитетны, как и текст. Они неотделимы от текста.

Ю. Л. Но предположим: кто-то в наши дни покажет, что первоначальный смысл того или иного слова в Торе в последующем интерпретировался неверно – ведь такое случается в библейской критике, не так ли?

Д. Д. Ты по-прежнему ставишь текст превыше всего и отделяешь от традиционной интерпретации. Пожалуйста, пойми, если я что-то говорю, то вовсе не из упрямства. Я исхожу из основной идеи иудаизма: письменная и устная традиция неразрывны. Тора – не просто сухие слова некоего текста, а слова, которые были истолкованы и передавались от поколения к поколению. То, что пишут современные археологи, лингвисты и прочие, может быть очень интересным, но их отправная точка совершенно иная, чем у нас. Они воображают, что однажды текст был сочинен, а затем заморожен; и только теперь его разморозили и изучают в свете современных знаний о далеком прошлом. Нам же известно, что это не так. Мы получили Тору не вчера, и она никогда не была «заморожена» – она была у нас всегда, жила среди нас во времена, когда пророчествовал Ирмею и когда Нехемья вел свой народ. И это наша Тора – Тора, которая передавалась и разъяснялась нашими пророками и мудрецами, подтверждалась учениями и традициями нашего народа. В одном месте Танаха говорится, что слова Торы – как «масмерот нетуим» («хорошо посаженные гвозди»). Это значит, что они лишаются подвижности, ибо зафиксированы раз и навсегда. И все же наши мудрецы, что очень характерно и показательно, по-новому истолковали эту фразу: хотя все слова Торы – масмерот, гвозди, они вместе с тем похожи на «нетаим», или «нетийот», «растения», – ибо Тора не мертва, а жива и активна. Она живет среди нас, вместе с нами и, по словам мудрецов, возрастает как растение. Под этим они подразумевают вполне определенную вещь: хотя письменный текст зафиксирован и конечен, ему с древнейших времен сопутствовала устная традиция; через эту традицию продолжают развиваться восприятие и истолкование письменного текста.

Ю. Л. М-да...

Д. Д. Ты о чем?

Ю. Л. Может, это, как вы говорите, и влияние моих коллег-филологов... Но мне кажется – вопреки, кстати, утверждениям иных современных литературных критиков, – что интерпретация все же не столь значима, как сам текст.

Д. Д. Хорошо, позволь мне дать тебе российский ответ на твою дилемму. В Тбилиси я просто сказал бы, что это наши традиции, и этого было бы достаточно. Ведь там, даже если что-то делалось или понималось определенным образом, никому и в голову не пришло бы что-то менять. Но в современной России вопрос лучше ставить иначе: чему служит Тора? Это путь жизни, путь служения Б-гу. И наши традиции восприятия Торы неотделимы от нашего образа жизни, и всегда были такими. Знаешь, есть поговорка: «Если не сломано, не чини». Это верно и для евреев: наши традиции – то, что составляет путь Торы. Они составляют основу нашей жизни и сердца.

Ю. Л. Но и грузинский, и российский ответы обходят главную тему: что есть истина? А вдруг я представлю вам свое объяснение – основанное на археологических данных, на знании древнеавилонского языка или просто на здравом смысле, – которое более естественно, логично, чем предложенное мудрецами?

Д. Д. Ты так и не понял. Твой вопрос напоминает известную историю из Талмуда о рабби Элизере и круглой печи. Знаешь ее?

Ю. Л. Нет.

Д. Д. Так послушай. Однажды у наших мудрецов возник горячий спор о форме печи, которая отвечала бы законам чистоты (эти законы, между прочим, бывают крайне сложны и порождают интеллектуальные споры). Рабби Элиэзер, великий ученый, заявил, что определенной формы печь приемлема с точки зрения законов чистоты, но другие мудрецы с ним не согласились. В подобных дискуссиях действовал принцип, что побеждает точка зрения большинства, и этот принцип основан на стихе из Торы. Но Элиэзер энергично отстаивал свою точку зрения, приводя все более многочисленные и более убедительные аргументы, чем его оппоненты. Наконец, выйдя из себя, он воскликнул: «Если Алаха такая, как я сказал, пусть это подтвердит рожковое дерево». Тут же дерево оказалось вырвано с корнем и отброшено в сторону. Но это не убедило большинство. Тогда Элиэзер сказал: «Если Алаха такая, как я сказал, то пусть ручей это подтвердит». В тот же миг ручей потек в противоположную сторону. Потом накренились стены здания, угрожая обрушением, но мудрецы оставались непреклонны. Наконец, с неба раздался Б-жественный голос: «Что вы спорите с рабби Элиэзером, по мнению которого всегда устанавливается Алаха?» Но на это рабби Йеошуа ответил стихом из самой Торы: «Не на небе она (т. е. Тора)». Он имел в виду, что Тора, однажды дарованная с небес, теперь находится в руках наших мудрецов и наших традиций.

Ю. Л. А что произошло потом?

Д. Д. Что произошло? Решает большинство, вот что. В Талмуде рассказано: пророк Элияу впоследствии открылся рабби Натану, и тот спросил его, а что думает Всевышний обо всем этом. По словам Элияу, Б-г сказал: «Мои сыны победили Меня». На самом деле эта история преподает нам урок, повествуя об авторитете наших мудрецов. Традиции, которые они унаследовали, и все, что уточняли и формулировали, составляют Устную Тору. Стих, процитированный рабби Йеошуа, «не на небе она» – весьма красноречив и недвусмысленно контрастирует с концепцией, о которой мы говорили вначале: Тора мин а-шамаим. Да, изначально Тора – Б-жественного происхождения и имеет потенциально безграничный смысл. Но она дана нашему народу, чтобы ее соблюдали. Смысл ее приходилось прояснять: поэтому истолкования Торы передавались от поколения к поколению, становясь все более подробными и конкретными. Так что выражение «не на небе Тора» определяет отношение устной традиции к письменному тексту: его значение, так сказать, уже не «повисает в воздухе».

В СТРАНЕ МНОГОЦВЕТНОГО ТУФА

Èëüý Èàðì áí èí

«Барев дзес!» («Добро вам!») Так армяне приветствуют друг друга при встрече. И так называется рассказ Василия Гроссмана, побывавшего в тех краях в начале 1960-х. Вооружившись этой замечательной фразой, томиком сочинений писателя и адресом еврейской общины в Ереване, на небольшом симпатичном аэробусе мы пересекли воздушное пространство Республики Армения...

Í áðáíá áí á: àð èáí èý íò Áðì áí èè... Èáì áí ü çáèáí íáàòí-íáðíé, íí íá áððíé ñòíèò, íá óðáíí, íí - íèííèáý ðííííü çáì áí íá ííèá; áðà óí áðèá, áá íèáèáò ðáíííáèü íí ííèè. Áðáí ü ñíò áðèè, óí áðò áèèí áðð, è áíò èáèáò èííè è áðð.

(Василий Гроссман, «Добро вам!».)

Редкое солнце, частый дождь, в горах сменившийся снегом, – так встретила нас скалистая Армения. Это действительно страна камня. Как будто ее вырубали прямо из гор...

В Ереване вскоре проглянуло солнышко, озарив все многоцветие камня, из которого сложены столичные дома-дворцы. Правда, внутри этих дворцов, под потолком –

Армяне строги, но доброжелательны и чем-то неуловимо отличаются от всех остальных кавказских народов. Один мой коллега объяснил этот феномен просто: «Им присущи все кавказские добродетели, но не свойственны противные кавказские “понты”».

Две нации – армян и евреев – сближает схожая история: многочисленные войны, гнет иноземцев, рассеяние по всему миру. А еще – геноцид всего народа.

Но объединяет евреев и армян не только история испытаний, но и близость отношения к вещам символичным – книге и вину. Если говорить о виноделии (прежде всего о винокурении), то армяне преуспели в этом никак не меньше евреев...

И книгу они, как и евреи, боготворят. Оказывается, в каждом армянском селении существовали выборные «книжники», крепкие парни, в обязанности которых входило в случае опасности спасать книги – народную мудрость и общечеловеческое знание. И высоко в горах Армении, в малодоступных местах, археологи не раз находили просмоленные мешки, а в них – старинные рукописи. Говорят, во время землетрясения в Спитаке в 1988 году книги спасали наравне с людьми. «Если выживут книги – сохранится нация». Это и у армян, и у евреев в крови...

Раввин Армении Герш-Меир Бурштейн считает, что общность двух народов имеет глубокие исторические корни, ведь границы Великой Армении доходили до границ Великого Израиля. Заметно сходство и в старинной еврейской и армянской музыке, в армянском языке много слов из арамейского. У обоих народов большая диаспора, больше, чем население этих двух государств.

«Между нами, естественно, есть и различия. Не надо забывать: армяне никогда до конца не теряли свою историческую родину. А евреи две с половиной тысячи лет родины не имели, это способствовало их большему сплочению во имя национальной безопасности Израиля. Идея возвращения и объединения существовала у евреев на протяжении всей истории рассеяния», – говорит рав Герш.

Истина, приписываемая Иосифу Флавию и в обыденном сознании ставшая аксиоматичной: «Евреям в Армении живется хорошо». В наших беседах на земле армянской мы вольно или невольно приходили к выводу: на сегодняшний день проблема антисемитизма для здешних евреев неактуальна. Во всяком случае, в этих краях им всегда жилось легче, чем где-либо, – людьми «второго сорта» среди армян, уважающих народ Книги, они себя никогда не ощущали.

Другое дело – отношения с властью. Но они всегда специфичны вне зависимости от ее национальной принадлежности. Во всяком случае, с сожалением констатирует рав Герш, помощи от руководства республики в возврате еврейской собственности община не ощутила. В гуманитарной сфере, на уровне личных контактов – другое дело...

Раввин Герш-Меир Бурштейн.

ОТ ТИГРАНА ДО САРКИСЯНА

В Армении евреи живут более двух тысяч лет. Исторические документы указывают, что первые иудеи появились здесь во времена правления царя Ирода I Великого в Израиле и царя Тиграна II Великого в Армении.

Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» (V век н. э.) утверждает, что царь поселил многих иудейских пленников (согласно источникам, около 300 тыс.) в городах Армении. Как сообщают армянские летописцы, вначале – в древнем Армавире и в селении Вардкес на берегу реки Касах. Второй раз, взяв в плен евреев, Тигран II поселил их в Ване. Первая волна приняла христианство, а вторая – ванские евреи – продолжала исповедовать иудаизм.

В армянском народном сознании прочно укрепился миф: ванцы – это потомки евреев. Ведь ванец сначала спрашивает: «Дэхин канисэ?» («Желтое почему?»), то есть «Сколько стоит золото?», а потом уже говорит: «Доброе утро!»

С 1840 года евреи Эриванской губернии были представлены двумя общинами – ашкеназской и сефардской. У первых был молельный дом (шул), у вторых – синагога «Шейх Мордехай», действовавшая с 1860 года. Там наряду с ивритом был в ходу иранский язык, во время молитвы сидели «по-ирански».

В 1920-х годах численность евреев в Армении значительно сократилась: в 1926-м их было, по официальным данным, всего 335, причем мужчин вдвое больше, чем женщин. Это объясняется историей 1915 года и последующей советизацией Армении.

Современная еврейская община в основном представлена евреями, приехавшими в Армению из разных республик бывшего СССР. Первые поселенцы появились в середине 1930-х годов, сюда же эвакуировались евреи в годы Великой Отечественной. В послевоенные годы Армения переживала период бурного развития, и в республику начали стекаться евреи-специалисты; оставались по окончании срока службы многие военные с семьями.

Согласно исследованиям, 37% нынешних евреев поселились в Армении до 1960-х годов. В 1989 году около 70% евреев назвали родным языком русский, 26% – идиш и 5,6% – армянский.

Конец 1980-х – начало 1990-х ознаменовались событиями в Азербайджане, Нагорном Карабахе, землетрясением, обострением социальных проблем.

***Ի ն ի օրն արևի ա Ա-առնոսնիսն անօրնայն, զօր օ անանեալ ի օրն արևի
նաե, առ անն արև ան անանեալն և մ օն, ի ան ան օրն և անանե անան, զօր ան օ անն
աննն; օր աննն ի ան անանեալնն և ան անան աննն***

(Мовсес Хоренаци, «История Армении».)

Из-за блокады республику в 1992–1993 годах покинули около 6 тыс. евреев. «Данная алия состояла из людей, ранее об отъезде и не помышлявших. Причем они стали покидать Армению тогда, когда наконец получили возможность развивать общину», – говорит рав Герш. Сейчас, по его словам, здесь проживает до 600 евреев по Алахе: «Сегодня община пусть и малочисленна, но достаточно активна. А отток евреев из Армении в настоящее время прекратился».

Более того, в последние годы евреи начали снова съезжаться в Армению. По некоторым оценкам, это уже 10% от общего количества. Сегодняшние члены ереванской общины обладают высоким образовательным цензом и востребованными профессиями: большинство – врачи, педагоги, инженеры, музыканты, ученые, специалисты в области информационных технологий. Безработица среди евреев меньше, чем в среднем по стране.

Евреи Армении в основном говорят по-русски, в том числе и в общине. Многие изучают иврит, большинство хорошо владеют армянским. Однако национальный язык остается изучаемым, а русский – наиболее употребительным...

ДРЕВНЕЙШЕЕ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Мы километрах в 130-ти от армянской столицы, на юго-востоке страны, в марзе (области) Вайоц Дзор. Камни вокруг неповторимого зеленовато-серого оттенка – «цвета вечности». Центр марза – город Ехегнадзор. Не доезжая до него с десятков километров – село Ехегис (а может быть, Егегиз или Ерегиз – русскими буквами армянское произношение не передашь). За селом – лишь переехать мост через одноименную реку – цель нашей поездки, старинное еврейское кладбище.

Камни непривычной формы. Это не обычные плиты – мацевы, полукруглые или же треугольные сверху. Надгробия на средневековом еврейском кладбище по форме напоминают толстенные гладко оструганные бревна, «распиленные» на куски метра по полтора длиной. На многих сохранились надписи, некоторые украшены необычным орнаментом.

Ряд камней – явно ограда, разделяющая две части кладбища (скорее всего, мужскую и женскую). Видно: ничего не менялось на протяжении многих столетий. Перед нами «срез древнейших времен»...

Громкую научную славу местное захоронение обрело совсем недавно, когда профессор Майкл Стоун из Еврейского университета в Иерусалиме заявил: обнаружено самое раннее в мире еврейское кладбище, уникальное тем, что на многих надгробиях сохранились надписи на иврите и арамейском.

Усик Мелконян – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА, кандидат исторических наук и руководитель археологической экспедиции, исследовавшей это кладбище, – изучал его еще в конце 1970-х. Однако тогда серьезные археологические работы не велись.

После стоуновского открытия был подписан трехсторонний договор между Иерусалимским университетом, ереванским Институтом археологии и этнографии и Армянской апостольской церковью и в 2000–2001 годах организована совместная экспедиция. В ходе работ были найдены и изучены 12 надгробных камней с двадцатью надписями (на некоторых камнях сразу по 2–3 текста), которые датируются периодом с 50-х годов XIII века до начала XIV века. По форме камни не отличаются от армянских надгробий того же времени – очевидно, их делали армянские мастера, а затем на плиты наносился текст на иврите и арамейском (биографические сведения, указание профессии покойного и прочее).

...Однако оказывается, что открытие это еще более раннее. Заметка, посвященная Ехегисскому кладбищу, появилась в трудах Императорской академии наук «Христианский Восток» (том 1) в... 1912 году.

«Член Эчмиадзинской братии» архимандрит о. Гарегин (Овсепян) в 1910 году был в Ехегисе, сфотографировал камень и прислал снимок академику Николаю Марру. Тот обратился к крупнейшему русскому гебраисту профессору П.К. Коковцеву, который датировал надпись 1808 годом селевкидской эры, «т. е. 1496–1497 г. по Р. Х.». (Напомним, что Майкл Стоун, Усик Мелконян и другие ученые утверждают, что все надписи в Ехегисе относятся к XIII и XIV векам.) Михаил Носоновский из Бостона считает, что, если датировки памятников верны, можно говорить о существовании еврейской общины в Ехегисе не только в конце XIII века, но на протяжении более 230 лет, по крайней мере вплоть до конца XV столетия.

Так что новое – это хорошо забытое старое. Особенно если дело касается археологии.

ВЫСОКОГОРНЫЕ ИУДЕИ

Ōtēāī ī ōīçā ā īī āāī

*Í à Nããí à m̃ áã á ò ò è à ð è í à ..
Áú ò à ù è è ã ð í ú é ð ú á à è ð à m̃ è m̃ ú á
è à ç ð í ú á m̃ í è.
Ñú ò ú ð ó í ð à è è á m̃ ò ú á í í ð á ú
Í á m̃ ò í í è è ö á è í è ç ð ð ð è è á ó
Í à è ç á m̃ ò è í á m̃ í á í á*

Осип Мандельштам, «Армения»

Дом Т. Караваевой, где собирается община Севана.

Побывав на Севане – одном из самых высоко расположенных в горах озер в мире, мы отведали и форели, и сига, полюбовались синевой воды и красотой обрамляющих озеро гор и даже белизной ни с того ни с сего обрушившегося на нас снега. А главное – встретились с удивительными людьми, представляющими в Армении еврейскую общину русских-иудеев!

На высоте 2000 метров над уровнем моря, в поселке Севан (бывшее село Еленовка), в доме Татьяны Караваевой на улице Наиряна, 50, собрались наши добрые хозяева – прочитать молитву, попеть еврейские песни, отпраздновать Пурим и неожиданный приезд гостей из далекой Москвы. Председатель общины Михаил Жарков нездоров, и нас привечают другие иудеи Севана, не многочисленные, но очень радушные. Типично русские фамилии – Ершовы, Гусевы, Уткины, Королевы – соседствуют с библейскими именами: Аарон, Моисей, Иосиф, Яков...

Они появились в здешних краях в 1830-х, после присоединения этих земель к Российской империи. Как рассказывали старожилы, выселяли их на Кавказ из Тамбовской, Саратовской, Тульской губерний еще при Екатерине II. Сначала жили в горах, потом перебрались к озеру Севан, где и основали Еленовку.

Название это восходит к имени невестки московского царя Ивана III, принявшей иудаизм. Известно, что при дворе Ивана Великого позиции «жидовствующих» были достаточно сильны: к ним, помимо Елены, примыкал царский фаворит дьяк Федор Курицын; митрополит Зосима, как писал летописец, соблазнял простых людей, «питая их еврейским ядом», да и сам царь вел переписку на иврите с купцом из Кафы Хозой Кокосом, уполномоченным хана Менгли-Гирея. Однако в 1504 году руководители секты были сожжены, а Елена брошена в темницу, где вскоре умерла. Иудеи ушли в подполье.

Еленовцы показывают нам свои сидуры, по которым молились их деды и прадеды – несколько поколений субботников. На потемневшей от времени обложке – тисненая надпись: «Молитвы евреев». Юрий Ааронович Ершов открывает книгу своего деда. Это напечатанные в Эривани в 1908 году «Молитвы иудейской общины на весь год». Осуществил это издание Елиазар Ааронович Семенов, он же основал в середине XIX века еленовское еврейское кладбище.

Перед революцией в Еленовке было около 400 дворов, где жили только субботники. Лишь в XX веке появились беженцы из Турции, Ирана. Место было богато рыбой; разводили овец и коров, сажали яблони, груши, сливы, выращивали пшеницу, ячмень, картофель. Жили зажиточно. Юрий Ааронович рассказывает, что его дед Исай перед революцией ездил в Палестину, купил там землю; «но заваруха началась, и все пропало».

На той же улице Наиряна, под номером 8, – здание из черного базальта, бывшая синагога. После 1917 года дом отобрали. Сейчас здесь магазин.

До того как построили синагогу, собирались на молитву в доме Куделиных. Раньше было три Сефер Торы, сейчас два свитка находятся в Тбилиси, третий передан в Ереван, говорит Юрий Ааронович. Строго соблюдали субботу (по пятницам печку топили два раза, чтобы всю субботу сохранить в домах тепло и заготовить еды в чугунах), отмечали все еврейские праздники. Перед Песахом в русской печи пекли мацу, в огородах обязательно выращивали хрен. Вспоминают, что на Пурим всегда было много снега: «Поэтому катались на санях с гармошкой, пели, плясали. Весело справляли!»

Сегодня здесь осталось человек 20 пожилых людей, говорит Ольга Аароновна Ершова, остальные уехали, в основном в Россию, часть из них компактно поселилась на Кубани. Известны случаи, когда умерших в России привозили в Севан, чтобы похоронить на своем кладбище, прочитать кадиш.

Жизнь в общине, встречи субботы, совместная молитва, еврейские праздники – вот радости, которые остались у пожилых членов севанской общины. Они садятся кружком у теплой печи и начинают распевно... Звучит песня про Йосефа и его двенадцать братьев...

«Я ЗАБЕРУ ТВОЮ БОЛЬ...»

*Yòî áúèà íá ñ áðòüíá áíéíá ñíðáèèáí á ðúéáð, ñ áðòüéþááé, éíòíðüá ññòááèèè
áñá-òí áñí, ññü üþ, íáòíþ, íáñé, éíéã, òðááèèèþ é èñòíðèþ. Yòî - íðáñí-áí éá
áðááá áèçíé. Yòî áéááèü éíðíáé, à íá òíèüéí ááðíé é èññòüáá Yòî áééñòáí áúèè
é òáéà íáðíáá.. Yòî óí è-òíáéáí éá íáðèè.*

Василий Гроссман

В резолюции о геноциде армян, принятой недавно конгрессом США, приводятся слова Гитлера, сказанные им в 1939 году: «Кто помнит сейчас о резне армян?» Фактически с этих слов начинался Холокост. Закономерная параллель между двумя крупнейшими геноцидами XX века: геноцид армян остался безнаказанным, что и обусловило Холокост. Не будем забывать об этом!

Огромная стела серого камня вознеслась к небесам, словно вопиет о страшной катастрофе армянского народа. У подножия монумента из недр земли вырывается Вечный огонь. Оттуда же, из земли, льется траурная музыка. Мы – в Ереване, на холме Цицернакаберд, у мемориала жертвам геноцида.

Рядом, на Аллее памяти, установлены мемориальные плиты, среди которых одна – с именем еврея Генри Моргантау, посла США в Османской империи в 1913–1916 годах, организовавшего и возглавившего движение протеста против геноцида армян. Еще одна – в память о Теодоре Верфеле, авторе «40 дней Мусса Дага», одного из самых ярких романов об армянской резне.

Я уверен, что во всей истории человечества нет такого жуткого эпизода, как этот. Приказы о депортации армянских семей в 1915 году были простым смертным приговором для всей нации.

(Генри Моргантау)

Есть в центре Еревана еще один памятник. Он уникален тем, что к нему приносят и цветы, и камни. Он объединил два горя, две боли – геноцида и Холокоста, – две величайшие трагедии XX века, схожую участь армянского и еврейского народов. На двух белоснежных стелах надписи на армянском и на иврите: «Быть или забыть...» Между стелами – стилизованный огонь Памяти двух народов. Эта бронзовая свеча по вечерам горит, словно говоря: «Никогда больше!»

Мемориал открыли 27 сентября 2006 года. Инициатором его создания в центре армянской столицы стала еврейская община Армении. Открывали памятник под звуки скрипок, исполняющих «Песнь песней» композитора Вилли Вайнера.

Есть в армянском языке выражение: «Цавэт танэм». Дословно переводится так: «Я заберу твою боль». Смысл прост: я возьму на себя часть твоих страданий, и тебе станет легче. Страшная память – о геноциде и о Холокосте – объединяет два народа: «Цавэт танэм!...»

«EXODUS» ВАЙНЕРА, ИЛИ МИСТЕР ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Вилли Вайнер – замечательный композитор и великолепный музыкант. Кроме того, он президент Еврейского культурного центра «Менора» в Армении, созданного в марте 1994 года. Тогда, правда, начинали с выживания – нищета, блокада, холодные зимы, общий спад уровня жизни. Как могли помогали людям, налаживали связи с крупными еврейскими благотворительными центрами Израиля, США, Франции, Канады...

В. Вайнер.

Но наступило и новое время: «Потеплело не только в наших домах, но и в наших сердцах», – говорит Вилли. В 1997-м провели первое масштабное культурное мероприятие, – цикл концертов, посвященных 3000-летию Иерусалима, – которое вместе с ЕКЦ отмечала вся общественность Армении.

Потом были спектакль «Поминальная молитва», концертная программа из ретро-песен еврейских авторов в исполнении Вилли Вайнера и Армена Арнаутова, запись оркестровых пьес Вайнера – «Хасидский танец», «Мой Иерусалим» и «Еврейская колыбельная» – с эстрадно-симфоническим оркестром Гостелерадио Армении; создание концертной программы на иврите и идише.

Сегодня ЕКЦ «Менора» объединяет более 50 человек, в основном людей искусства и творческую молодежь. По-настоящему дружеские отношения у центра «Менора» сложились с Управлением по делам национальных меньшинств и религий правительства Армении, которым руководит Грануш Харатян.

Полтора года назад состоялось открытие Культурного центра национальных общин Армении, расположившегося на двух этажах одного из самых высоких зданий в центре Еревана. Еще один друг еврейской общины – советник президента Армении Серго Ерицян – прозвал этот центр Домом наций. Здесь евреи Армении – полноправные хозяева.

Конечно, наряду с остальными нетитульными нациями республики. В общем, по словам Серго Ерицяна, если говорить об антисемитизме и ксенофобии, Армении можно поставить диагноз «практически здорова». И прилагаются все усилия, чтобы межнациональное и межконфессиональное «здоровье» только укреплялось.

С. Ерицян.

Вилли Вайнер последовательно движется в том же направлении. Ведь он – признанный «Мистер Толерантность» Республики Армения! ЕКЦ «Менора» разработал долгосрочный проект «Через культуру к толерантности», который осуществляется при поддержке и содействии МИД РА и ереванского бюро ОБСЕ (2005–2008 годы). С основными положениями проекта Вилли Вайнер в июне 2005 года в Кордобе (Испания) выступил на международной конференции стран ОБСЕ.

Тогда же, под патронажем того же МИД РА и ереванского бюро ОБСЕ, было организовано мероприятие, ставшее ярчайшим событием в культурной жизни города. 29 сентября 2005 года в ереванском Оперном театре прошел концерт, посвященный культуре толерантности, с участием симфо-джаз-оркестра общественного радио и телевидения РА и лучших солистов республики, которые исполнили сочинения композитора. А это целый цикл еврейских оркестровых произведений! Вайнер – создатель трех авторских альбомов: «Exodus» («Исход»), «Мечта» («Халом»), «Мой народ» («Ами»).

Обратившись к зрителям на двух языках, русском и армянском, композитор сказал:

– Сегодня я дарю вам кусочек своей души. Очень надеюсь, что моя музыка тронула ваши сердца. Я верю, что Доброта и Любовь помогут каждому совершить свой Исход...

ЕВРЕЙСКИЙ КОРАБЛЬ

Конечно, здесь, в Армении напрашивается сравнение не с кораблем, а с ковчегом. Но это было бы некорректно. Я не знаю, сколько на ковчеге было палуб. А в ереванской синагоге – знаю: три.

Пристань еврейского корабля – в Ереване на улице Нар-Доси, 23. Это Еврейский религиозный центр Армении «Мордехай Нави». Капитан – раввин Герш-Меир Бурштейн, а его верная подруга в трудном плаваньи по высоким волнам веры – ребецн Лея Премыслер, возглавляющая благотворительный общинный центр «Орот Хесед».

Общинный центр «Мордехай Нави» – это, конечно, молельный зал, а также благотворительная столовая и воскресная школа. Еженедельно в шабат после молитвы в Центре устраиваются трапезы, на которых беседуют обо всем, что связано с еврейскими традициями, на курсах для взрослых разъясняются недельные главы Торы. Здесь же проходят торжества по случаю каждого еврейского праздника.

История еврейской религиозной общины Армении начиналась в 1980-х, рассказывает рав Герш. А Вилли Вайнер вспоминает аж 1970-е, когда они с Давидом Верхом, открыв телефонный справочник Еревана, просто обзвонили всех «-штейнов», «-еров» и «-манов». Благодаря чему удалось перезнакомить большое количество еврейских семей. Потом собирали книги, еврейские журналы, пластинки, ноты:

– Кто-то уберег старый сидур своего деда, у кого-то нашлась Тора... Все приносили в созданный нами центр для общего большого дела. Стремилась таким образом вернуться к своим корням.

В конце 1980-х учреждается «АРЕВ» – организация армяно-еврейских культурных связей. Инициативная группа (в нее, помимо Герша-Меира Бурштейна, входили тот же Вилли Вайнер, Игорь Улановский, Александр Стольберг и др.) в 1991 году организует еврейскую религиозную общину Армении, первым председателем которой стал Улановский. Тогда же была открыта первая в республике еврейская воскресная школа «Тора Ор» («Свет Торы»). В дальнейшем появился и Еврейский культурный центр (сначала «Тхия», а позже – «Менора»).

«В 1992 году в Комитете по делам религий при президенте мы зарегистрировали еврейскую религиозную общину Армении. В начале 1993 года был создан объединительный Совет евреев Армении», – рассказывает рав Герш.

В самые тяжелые годы экономической блокады республики (с середины 1992-го по 1994 год) община и ЕКЦ привлекали в Армению гуманитарную помощь. Вилли Вайнер, который именно в те годы был председателем общины, вспоминает, как получали контейнеры с продуктами, одеждой, лекарствами, покупали свечи, керосиновые плиты и керосин, доставляли все это больным и старикам:

– Все работали не покладая рук. Руководители, члены общины, а зачастую и спонсоры, привозившие помощь, бежали со свечками в руках по темным подъездам холодного Еревана.

В 1995 году раввин Герш-Меир Бурштейн возвращается в Армению в качестве главного раввина Армении, посланника Любавичского Ребе и представителя международного благотворительного фонда «Ор Авнер». Тогда же при спонсорской

поддержке приобретает здание под Еврейский религиозный общинный центр Армении «Мордехай Нави», названный в память о разрушенной ереванской синагоге.

Вспоминает Вилли Вайнер:

– Достоинo пережив вместе с армянским народом эти тяжелые годы, евреи Армении с особым трепетом и гордостью в 1995 году зажгли первую в своей жизни ханукальную свечу в настоящей синагоге – на Хануку в столице республики открылся центр «Мордехай Нави». Благодаря ему «пятая графа» стала превращаться в форму самоопределения, самосознания, возрождения еврейского образа жизни.

В настоящее время в центре «Мордехай Нави» реализуются различные программы – религиозные и образовательные, для взрослых и детей, благотворительные программы «Орот Хесед» – всего более 20. Программы «Хеседа» курирует хазан синагоги «Мордехай Нави» Артур Петросян. Он историк, а потому – большая находка для общины. Кроме всего прочего, он преподает курс истории еврейского народа в воскресной школе и в ульпане.

Продолжает работать детская воскресная школа «Тора Ор», идут занятия по традициям и истории, ивриту, музыке и английскому языку; ребята изучают основы Торы, а в старших классах – Талмуда, еврейского закона. Здесь же кошерно и бесплатно обедают. Ученики школы принимают активное участие в общинных торжествах, театрализованных представлениях и праздничных концертах. Выпускники продолжают образование в Израиле, а также в Институте XXI века в Москве.

Рав Герш рассказывает: историческая синагога, расположенная в старом районе того Еревана, что подвергся коренной перестройке в советские времена, увы, была утрачена. Община сумела купить это здание на Нар-Доси, 23, но городские власти всё никак не успокоятся: не так давно мэрия Еревана сообщила в письме, что оно подлежит... «отчуждению в пользу государства»!

В связи с этим рав Герш-Меир Бурштейн обратился к руководству страны, подчеркнув:

Евреи Армении в годы советской власти уже теряли синагогу, еврейские кладбища. Этот ущерб общине не был компенсирован за все годы существования новой, демократической Армении. Свое гражданское сознание община проявила и в том, что, не дожидаясь компенсации со стороны властей города Еревана, сама изыскала средства и нашла спонсоров для приобретения небольшого, но своего Общинного центра. Учитывая значимость синагог для еврейских общин как основной платформы их возрождения и существования, попытка лишить общину ее сердца – это не лучшее из правительственных решений.

ТЕПЛО ДУШ

«Тепло души» – так называлась статья в общинной газете «Коэлет», рассказывающая о семье Кишиневских – Владимире и Тамаре, их детях Давиде и Анне. Глава семьи – активист религиозной общины, а его супругу здесь называют «Доктор Тамара» – она уже много лет самоотверженно трудится в благотворительном центре «Орот Хесед», на ее попечении – больше 100 пенсионеров и инвалидов.

На улице Агатангехоси, дом 7, в обычной квартире 252 обычной панельной многоэтажки расположился еврейский центр. Здесь – и офис раввина Армении, и библиотека, и медицинский центр, куда к Доктору Тамаре (да-да, именно так, с большой буквы!) за помощью, поддержкой и просто добрым словом и участием приходят многие евреи Еревана.

Здесь же, в библиотеке, – обширный выбор книг на русском, английском, иврите и идише, а также издания по иудаизму, еврейской истории и культуре, учебная и художественная литература, периодика стран ближнего и дальнего зарубежья.

Это – центр проведения интеллектуального досуга, литературных вечеров, встреч с читателями. В том числе и с читателями издаваемой при общине с 1997 года газеты «Козлет». Виталий Степанов, ее редактор, рассказывает о том, какие замечательные люди – евреи Армении! Но лучше один раз увидеть...

Мы знакомимся с Олегом Винницким, он – сотрудник Института физики НАН, уникальный специалист по ядерной электронике.

Нелли Зиновьевна Карапетян-Гольдина – блокадница «в квадрате»: ей пришлось пережить блокаду и в Ленинграде, и в Ереване. И при этом удалось сохранить бодрость и оптимизм! «Я прихожу в общину, как к себе домой, со всеми своими печальями и радостями, – говорит Нелли Зиновьевна. – И армяне, наши соседи, и евреи не дают чувствовать себя одинокой, ведь меня окружают очень хорошие люди».

Посетили мы и Розу Ушеровну Макееву (урожденную Скульник), чья жизнь и вправду достойна экранизации: чего только не пережила она за свои 85 лет! Еврейская молодежная организация в Коломые; тяжелейшие испытания в годы войны в Украине, в России, Польше; гибель родителей, работа на заводе, в передвижном госпитале – санитаркой, медсестрой... Разве всё перескажешь!

Рабанит Лея Премыслер.

Игорь Заславский – член-корреспондент Академии наук Армении, профессор, доктор наук, автор более 100 научных работ, выдающийся ученый-математик и удивительный человек. Родом из Ленинграда, из преподавательской семьи, окончил с золотой медалью школу, с первого раза поступил в Ленинградский университет и в 1954 году по распределению попал в Ленинградский институт телефонии, а в 1957 году был арестован за участие в диссидентской группе Револьта Пименова. Кроме того, у него нашли дневник, в котором он «записывал все свои эмоции по поводу советской власти»: «Я помню одну формулировку – “Коммунистическое государство – враг цивилизации!” Естественно, они решили, что я главный идеолог этих диссидентов».

И. Заславский.

Игорь Дмитриевич получил два года, которые провел в Мордовии в исправительно-трудовом лагере в поселке Явас. Он считает, что «отделался легким испугом». Выйдя на волю, вернуться домой в Ленинград не смог – только за 101-й километр! И снова, считает он, повезло невероятно: в 1959-м, после тщетных попыток найти работу, «неприкаянного молодого человека» взял к себе Рафаэль Александрян, будущий академик, в то время директор вычислительного центра АН Армении.

С тех пор Игорь Заславский живет в Ереване (где сначала его отказались даже прописать), работает в Академии наук, преподает в Ереванском университете. Стал кандидатом, потом доктором наук, профессором, членом-корреспондентом. Читает курсы математической логики, теории алгоритмов, увлекся философскими вопросами основания математики, стал членом Армянской философской академии. Параллельно занялся математической лингвистикой, машинным переводом...

Т. Кишиневская.

Конечно, развал науки в Армении его удручает:

– Все рухнуло, лишь кое-что уцелело. Ведь здесь был мировой научный центр, а сейчас на этом месте коровы гуляют...

Но, несмотря на инсульт, инфаркт, две тяжелейшие операции и житейские трудности, Игорь Заславский остался, как назвал его кто-то из друзей, «розовым оптимистом». Он, например, считает:

– Невзирая на все жуткие последствия развала Союза, на катастрофическую ситуацию в науке, я все-таки вижу один положительный момент – в советские времена к науке примазывались люди, которые имели к ней слабое отношение, а теперь таких людей нет.

Молельный зал.

...Мы сидим в гостях у Кишиневских, едим вкуснейшую далму (ее рецепт можно узнать из рубрики «Кошерное меню»), слушаем живую музыку Вилли Вайнера и душевно беседуем. О жизни в Ереване, ее радостях и трудностях, об общине, о возрождении армянского идишкайта. И начинаем понимать: если закрыть глаза на материальные трудности, то по-человечески евреям в Армении живется неплохо. Ведь, как сказал кто-то из присутствовавших, «армяне сами себе евреи»...

В библиотеке. Слева В. Кишиневский.

НАЛОГ НА ВОЗДУХ

– Не забудьте оставить денег на то, чтобы оплатить «налог на воздух», – предупреждает нас Владимир Кишиневский.

– Налог... на что?

Оказывается, в аэропорту Еревана каждый вылетающий пассажир обязан заплатить 10 тыс. драмов (порядка 35 долларов) за право покинуть гостеприимную армянскую землю. Плата за въездную визу предусмотрена в большинстве стран мира. Но, наверное, только хитроумные армяне додумались продавать визу... выездную!

Захотелось спросить:

– А если не заплатим – не выпустят?

...Мы неохотно расстаемся с гостеприимным Ереваном, трудолюбивым и мудрым народом Армении, евреями этой страны, с течением времен ставшими естественной составляющей сурового и прекрасного горного пейзажа. И говорим:

– Цтесуцюн, Хайястан! Минч хандипум! До, свидания Армения! До встречи!

ВОСПОМИНАНИЯ

Записки актера

Мотл Сирота

«Культурное строительство», осуществлявшееся в рамках создания «еврейской советской государственности» в Биробиджане и придававшее всей программе характер еврейского национального предприятия, изобиловало в большей или меньшей степени известными проектами, изначально получившими статус «государственных», как-то: еврейские газеты и радиовещание, писательская организация, сеть учебных заведений с преподаванием на идише, национальные клубы и библиотеки, научно-исследовательская комиссия, этнографический музей, литературно-публицистические альманахи и издательство на идише, симфонический оркестр, вокальный ансамбль и даже опера. Наиболее значимым среди этих национальных проектов был, несомненно, Биробиджанский государственный еврейский театр (БирГОСЕТ), действовавший с мая 1934-го по ноябрь 1949 года. На протяжении пятнадцати лет театр был самым важным культурным центром национальной жизни еврейской автономии, сосредоточив вокруг себя творческую деятельность десятков артистов, режиссеров, художников, композиторов, драматургов, критиков и других деятелей культуры.

Выступление М. Калинина на конференции, посвященной еврейским поселениям в СССР.

1926 год.

Начало деятельности БирГОСЕТа символически совпало с провозглашением Еврейской автономной области в мае 1934 года. Его положение было принципиально иным, нежели положение двух десятков других советских еврейских профессиональных театров, включая и три ведущих театра в Москве, Минске и Киеве, пользовавшихся государственной организационной и финансовой поддержкой. И центральные, и провинциальные еврейские театры существовали в сложных культурных, языковых и политических условиях, при наличии значительной конкуренции со стороны «не-национальных» театров, тогда как Государственный еврейский театр Биробиджана, единственный театр области на протяжении всей своей истории, был официальным

национальным театром автономии, где идишу декларативно отводилась роль государственного языка.

Поначалу, однако, БирГОСЕТ практически ничем не отличался от других провинциальных советско-еврейских театров и делал свои первые шаги, будучи бледной тенью Московского ГОСЕТа. Необходимость поисков особенного, «автономного» лица встала перед БирГОСЕТом только к началу 1935 года, после закрепления официального статуса ЕАО на Первом областном съезде Советов. Взятый центральными властями в 1935–1937 годах курс на превращение Биробиджана в «центр советской еврейской национальной культуры», квинтэссенцией которого стало заявление председателя Президиума ЦИК СССР Михаила Калинина 29 августа 1936 года о планах правительства по трансформации Еврейской автономной области в автономную республику, подвел под деятельность БирГОСЕТа более крепкую организационную базу и предоставил ему необходимую идеологическую поддержку. В рамках этой политики театр стал рассматриваться как один из приоритетных культурных атрибутов биробиджанского проекта, важный не только для внутреннего обслуживания переселенцев, но и как направленный вовне агитационно-пропагандистский инструмент. БирГОСЕТ должен был стать отражением идеи советско-еврейской государственности как способа решения еврейского вопроса в СССР. Для этой цели театру было присвоено в том же августе 1936 года имя члена Политбюро Лазаря Кагановича, что придало театру совершенно особый статус. Постепенное смещение «советско-еврейского акцента» в сторону Биробиджана привело к некоторому противостоянию между БирГОСЕТом и еврейской театральной элитой во главе с Соломоном Михоэлсом. Биробиджанский проект, и раньше воспринимавшийся еврейской интеллигенцией не слишком восторженно, начал превращаться в ощутимую угрозу для деятелей еврейской культуры в европейской части СССР, не собиравшихся связывать свою судьбу с Дальним Востоком. С другой стороны, в самом Биробиджане возникли определенные амбиции.

Кульминацией этого противостояния явилась новаторская деятельность ученика Алексея Грановского и Евгения Вахтангова, художественного руководителя БирГОСЕТа в 1937–1938 годах Мойше (Моисея) Гольдבלата, сформировавшего у Биробиджанского театра особое сценическое лицо и собственный стиль. Гольдблат фактически попытался, подведя определенную теоретическую основу и используя административно-территориальную базу и особый статус Еврейской автономии, превратить БирГОСЕТ в ведущий еврейский театр в СССР и в движущую силу запланированной трансформации Биробиджана в центр еврейской советской культуры. В этот период, например, репертуар советско-еврейской сцены часто апробировался именно в Биробиджане, а не в Москве, как это было прежде. Однако ежовские репрессии и изменение общеполитического климата в стране привели летом 1938 года к фактической остановке движения Биробиджана по пути к автономной республике и помешали осуществлению далеко идущих планов Гольдבלата. Некоторые сотрудники театра были арестованы и погибли в лагерях, самого же Гольдבלата арест чудом миновал, и ему пришлось бежать из Биробиджана.

Именно к этому драматическому и во многом трагическому периоду в истории театра и ЕАО и относятся впервые публикуемые воспоминания ветерана еврейского театра Мотла Сироты, исполнявшего должность коммерческого директора БирГОСЕТа в 1936–1939 годах – в период деятельности Гольдבלата. Особый интерес представляет утверждение Сироты, что это он буквально спас БирГОСЕТ от волны репрессий, сумев летом 1938 года вывезти театр на незапланированные гастроли в Иркутск и Новосибирск.

Биробиджанский период – лишь короткий фрагмент в театральной деятельности Сироты, начавшейся еще во время первой мировой войны в черте оседлости. В Биробиджан он приехал из Тирасполя по направлению ОЗЕТа (Общества по земельному устройству трудящихся евреев). Его записанные на русском языке в 1968–1970 годах мемуары хранятся в архиве Киевского института иудаики. Текст приводится с сокращениями.

Борис Котлерман

1936–1939 годы.

Биробиджан

Из Тирасполя мы поехали в Москву, а оттуда поездом Москва – Владивосток до Биробиджана. Поездка эта заняла 12 дней. Она была очень удачной, так как с нами в поезде ехала большая группа переселенцев. Мы все перезнакомились между собой, а общая цель поездки сблизила нас. Все говорили о том, что нас ждет, каждый строил планы, высказывал свои мысли и надежды, которые он связывал с этой поездкой... Некоторые вели переписку со своими родственниками, которые выехали в ЕАО раньше и утверждали, что там все очень хорошо. Другие говорили, что там, наоборот, не все хорошо. А они едут туда для того, чтобы своими глазами увидеть, что это такое за Биробиджан такой, о котором в последнее время все говорят... В разговорах, спорах время летело незаметно, и в первых числах июля 1936 года мы прибыли в Биробиджан. <...>

Директором Биробиджанского еврейского театра тогда был тов. Корман^[1]. По специальности он был учителем и театральные дела понимал довольно слабо. Это было заметно почти сразу же. Встретил он меня без особой радости, но все же сказал, что люди им очень нужны и он надеется, что сразу включусь в работу. Приказ о начале моей работы был сразу подписан, причем с того дня, с которого я был завербован, таков был общий порядок. <...>

Что собой представлял тогда Биробиджанский театр? Здание театра было деревянным одноэтажным. Зал вмещал около 500 человек. Кроме партера были только две небольшие ложи – одна, так называемая правительственная, которая почти всегда пустовала, и вторая – ложа дирекции театра, которая почти всегда была переполнена... Сцена была средних размеров, без поворотного круга, но с хорошим освещением. Мебель была тоже неплохой. В здании театра имелось центральное отопление, а во дворе театра размещалась своя котельная, которая кроме театра отапливала расположенный во дворе дом артистов. За время моей работы в театре рядом с этим домом был построен второй дом артистов. Во двор театра выходил также ресторан, тогда единственный в городе, если не считать ресторан на вокзале. Театр содержался в чистоте, и вид у него был довольно приличный. Коллектив театра был очень хороший. Постоянного художественного руководителя тогда в театре не было, а на отдельные постановки приезжали приглашенные режиссеры.

Сцена из спектакля БирГОСЕТа. Около 1935 года.

По количеству зрителей город не мог тогда обеспечить полную загрузку зала. Любая пьеса проходила при полных сборах только 8–10 раз. За год театр выпускал всего 6–7 премьер, так что театр работал с дотацией. Более того, выделенная дотация в сумме 300 тыс. рублей не покрывала образовавшегося дефицита, и в конце каждого года облисполком должен был изыскивать дополнительные средства. Для улучшения работы театра необходимо было увеличить количество новых постановок – это первое решение, которое напрашивалось само собой. Кроме того, необходимо было в летнее время выезжать на гастроли в другие города, зрители которых не видели наших постановок. А главное – необходимо было пригласить на постоянную работу хорошего режиссера, который был бы художественным руководителем театра.

В то время наш театр вел переписку с артистом Московского еврейского театра (ГОСЕТ) Гольдблатом Моисеем Исааковичем^[2]. Переговоры увенчались успехом, и <...> в начале 1937 года он приехал к нам. М.И. Гольдблат оказался не только хорошим артистом и режиссером, но и хорошим организатором. С прибытием М.И. Гольдבלата лицо театра значительно изменилось, и, конечно, в лучшую сторону. Театр не только приступил к подготовке новых пьес, но даже те, которые были в репертуаре театра, были обновлены и зазвучали по-новому. Появились новые, молодые актеры, и в театре была создана настоящая творческая обстановка. Среди новых работ театра были такие фундаментальные постановки, как «Блуждающие звезды», «Уриэль Акоста», «Тевье-молочник», «Разбойник Бойтрэ» и др. Это были отличные пьесы, они были хорошо поставлены и хорошо сыграны.

Широкий зритель знал М.И. Гольдבלата как режиссера фильма «Цыганский табор». Мы его узнали и как блестящего художественного руководителя театра. Все пьесы, поставленные Гольдблатом, оформлялись такими художниками, как Шифрин из Московского театра Красной Армии, Рабичев^[3] и наш Гольдберг. Музыка писали такие знаменитые композиторы, как Пульвер из ГОСЕТа, Богачевский из театра «Ромэн», Сандлер и др. Танцы были в отличной постановке нашего балетмейстера Ицхоки^[4].

Учитывая, что актерский состав у нас был очень хороший, можно себе представить, что каждый спектакль принимался зрителями исключительно хорошо. Помню, например, что спектакль «Разбойник Бойтрэ» проходил всегда при битковых аншлагах. Многие смотрели его по нескольку раз. Особенно впечатляющим был последний акт пьесы. В спектакле были две свадьбы. Одна из них – свадьба самого Бойтрэ – проходила в лесу. Это было очень красочное зрелище, которым заканчивался спектакль.

Конечно, перелом в работе театра наступил не сразу. И не сразу были поставлены эти спектакли. Но с самого начала была взята правильная линия, и с каждым месяцем это ощущалось. Напряженная работа всего коллектива приносила свои плоды. Обком партии очень интересовался работой театра и помогал нам во всем. <...>

Руководство театра решило в начале мая, что летом нужно выехать на гастроли. Пока наметили только два города – Хабаровск и Владивосток. Под словом «руководство» я понимаю только М.И. Гольдבלата и себя, так как наш директор театра Корман меньше всего руководил работой театра. Основное свое время он тратил на разъезды по области для выполнения различных заданий обкома партии по делам, ничего общего с театром не имеющим <...>

Работа предстояла огромная. Но я был рад этому, так как только в таких условиях можно проверить свои способности и постараться сделать все необходимое для пользы дела. Я сразу выехал в Хабаровск и Владивосток готовить наши гастроли. В обоих городах этих работало по два русских коллектива – драматический и оперетты. Они периодически обменивались сценическими площадками. Чтобы могли работать, одному из этих театров надо было куда-то выехать на гастроли. Но театры возражали, так как на своих базах они и без выездов работали при полных сборах, и им незачем было выезжать. Мне пришлось обратиться в обком и крайисполком, и они вмешались в этот вопрос. В Хабаровске крайком и его первый секретарь товарищ Лаврентьев^[5], а также председатель крайисполкома товарищ Крутой поддержали нас, и Хабаровский драмтеатр выехал на гастроли, освободив нам площадку. После Хабаровска мы поехали во Владивосток. И на этом наши первые гастроли закончились. В общем, они продолжались около двух месяцев и прошли неплохо. По окончании гастролей во Владивостоке у нас были творческие встречи с коллективами Владивостокского театра оперетты (которому был предоставлен отпуск на время нашей работы в городе), постоянного Китайского театра, который работал во Владивостоке, и представителями Хабаровского русского театра. Встречи были очень интересными и полезными. А после них мы все собрались на банкете в ресторане «Золотой рог».

Мы были очень довольны результатами наших гастролей. Наши спектакли понравились публике, и сборы были хорошие. Нужно сказать, что еврейский зритель не мог обеспечить полные сборы театру, так как этого зрителя было в этих городах относительно мало. Потому мы с самого начала рассчитывали и на русского зрителя. С этой целью к каждому спектаклю была выпущена специальная программа, в которой кроме указания участников спектакля и исполнителей ролей был приведен на русском языке подробный сюжет пьесы по актам и картинам. Была выпущена и хорошая реклама, усердно поработали и организаторы зрителей. Учитывая, что все наши спектакли были поставлены в синтетическом плане, т. е. они шли в сопровождении оркестра, с пением и танцами, зритель, даже не знавший языка, смотрел эти спектакли с удовольствием. <...>

С приходом в театр М.И. Гольдבלата количество постановок увеличилось. Он сам в течение года ставил 4–5 новых пьес, 3–4 премьеры готовили приглашенные режиссеры. Это сразу улучшило работу театра. Увеличились сборы, и значительно

улучшились наши материальные дела. Естественно, что коллектив театра все это чувствовал и старался работать как можно лучше.

В этом же году наш театр посетили высокие гости из Москвы. Помню приезд товарища Гамарника Яна Борисовича, который по линии Наркомата Оборона СССР объезжал Дальний Восток и приехал также в Биробиджан. Конечно, он был приглашен к нам в театр на спектакль^[6]. <...>

Приехала к нам в город как-то товарищ Жемчужина (жена т. Молотова). Она была тогда наркомом рыбной промышленности СССР^[7]. Приехала она специальным поездом в сопровождении советников и специалистов рыбной промышленности. Когда товарищ Кушнир узнал, что т. Жемчужина делает остановку в Биробиджане, он позвонил мне и попросил подготовить для показа фрагменты из пьесы «Блуждающие звезды» Шолом-Алейхема. Хотя спектакль еще не был готов к постановке, а только репетировался, Моисей Исаакович отобрал несколько сцен и подготовил их для показа. Когда гости приехали, я сел в зрительном зале рядом с т. Жемчужиной, чтобы назвать ей действующих лиц и переводить по ходу сцен.

Сцена из спектакля «Нашествие» по пьесе Л. Леонова в постановке Алексея Штейна. БирГОСЕТ.
1947 год.

– Я все сама хорошо понимаю, так что не трудись переводить, – прервала она меня. – Назови мне только фамилии артистов.

После показа, которым она осталась очень довольна, она поделилась с нами своими замечаниями. Затем она очень долго разговаривала со всеми нами и в конце концов, после беседы, сказала, обращая ко мне:

– Будешь в Москве, звони, если что-нибудь нужно будет. – И она назвала номер <...> телефона.

Телефон я записал, но, конечно, не звонил... А затем мы пригласили т. Жемчужину и товарищей, которые ее сопровождали, в ресторан на обед. Но мы только оконфузились перед ними.

– Что это за ресторан в Биробиджане, – спрашивала она, – где подают обычный шницель или отбивные? А где же еврейские национальные блюда – фаршированная рыба, кисло-сладкая, кигл? Плохо вы руководите своим рестораном. Приходите вечером ко мне в вагон, и я вас угощу настоящими еврейскими блюдами.

В этот вечер в спектакле были заняты все основные актеры театра, в том числе и Гольдблат, поэтому они не могли пойти. А я один счел неудобным пойти. Но Кушнир на следующий день рассказал мне, что их угостили действительно настоящими еврейскими блюдами, и при том очень вкусно приготовленными. Оказалось, что вместе с т. Жемчужиной ехала ее мать, которая и готовила все эти вкусные блюда.

А наш ресторан получил соответствующие указания и перестроил свою работу так, что там всегда были, кроме обычных, национальные еврейские блюда. И когда вскоре после этого к нам приехал народный артист [Зубов^{\[8\]}](#) для постановки спектакля русской группы, он не мог нахвалиться обедами нашего ресторана. К этому же времени относится появление в магазинах и кондитерских еврейских лакомств: штруделей, маковых и т. д.

^[1] Корман Натан – до 1934 года аспирант Киевского института еврейской пролетарской культуры, в 1934 году директор биробиджанской совпартшколы. Директор БирГОСЕТа в 1935–1938 годах. Репрессирован в мае 1938-го, освобожден в начале 1950-х годов.

^[2] Гольдблат Мойше (Моисей Исаакович; 1896, Герца – 1974, Хайфа) – актер, режиссер. На сцене с 1914 года, начал играть на румынском языке в передвижной труппе в Галаце. В 1917-м он бежал со службы в румынской армии и организовал в Хотине любительский театр. В 1918 году присоединился к труппе Бидеско, в 1920-м – к Одесскому еврейскому театру под руководством Йеошуа Бертонова, а после его закрытия играл в еврейских театрах Гомеля и Минска. С 1922-го в Москве, играл в Театре Шолом-Алейхема, а затем был принят студийцем в Московский ГОСЕТ. Был одним из руководителей театрального техникума при МосГОСЕТе, преподавал драму в Московском коммунистическом университете народов Запада. Заслуженный артист РСФСР (1935), основатель и художественный руководитель цыганского театра «Ромэн» (1931–1936 годы). Художественный руководитель БирГОСЕТа (1937–1938 годы), УкрГОСЕТа (1939–1950 годы), Казахского театра драмы в Алма-Ате (1942–1943 и 1951–1959 годы). С 1972 года в Израиле.

^[3] Рабичев Исаак Бенъевич (1896, Киев – 1957, Москва) – театральный художник, мастер советского плаката. Работал в «Правде», оформлял вместе с Владимиром Маяковским «Окна РОСТА». Сотрудничал с МосГОСЕТом и другими еврейскими театрами СССР. Главный художник БирГОСЕТа (1936–1939 годы).

^[4] Ицхоки Яков – хореограф, работал в Большом театре, в Биробиджан приехал по приглашению Гольдבלата (1937–1938 годы). Основал балетную студию при Биробиджанской музыкальной школе.

^[5] Лаврентьев Лаврентий (Картвелишвили) – репрессирован в 1937 году и расстрелян.

^[6] Первый заместитель наркома обороны СССР Ян Гамарник (1894–1937) посетил Биробиджан в конце октября 1936 года. На торжественном приеме в его честь были показаны отрывки из спектакля «Зянке Копач» по пьесе М. Даниэля.

^[7] Полина Жемчужина (Перл Карповская; 1897–1970) посетила Биробиджан в начале июня 1939 года по пути в Москву из Владивостока, где она инспектировала рыбный флот.

^[8] Зубов Константин Александрович (1886, Вятка – 1956, Москва) – режиссер. В 1925-м дебютировал в Москве в Театре Революции, во главе которого стоял Всеволод Мейерхольд. Руководитель Московского театра имени Ленсовета (1932–1938), с 1936 года актер и режиссер, а с 1947 года главный режиссер Малого театра. Преподавал в Театральном училище имени М.С. Щепкина (1935–1955).

ЧЕРНЫЕ ЕВРЕИ В США

Yäááää I èòíááää

Еще в эпоху рабства в США среди чернокожего населения время от времени появлялись религиозные лидеры – «пророки» и «мессии», обещавшие чудесную помощь в борьбе за свободу. А после ликвидации рабства на сельском Юге, где тогда проживало девять десятых всего чернокожего населения, начали возникать во множестве культы и секты, представлявшие собой форму пассивного сопротивления американских негров расистскому угнетению, расовой сегрегации и дискриминации, получившей название системы Джима Кроу (по имени неграмотного чернокожего героя популярной песенки). Основатели новых культов преподносили своим ученикам некую истину, гарантировавшую поверившим в нее «спасение». Тем самым, снимая с души сектанта ощущение бессилия и приниженности и давая ему руководство чуть ли не на все случаи жизни, секта выполняла важную психологическую функцию – избавляла его от мучительного комплекса личной и социальной неполноценности. Кроме того, оказавшись в среде близких по духу и готовых помочь в трудную минуту людей, он ощущал здесь столь необходимое «чувство локтя».

В синагоге Уэртуорта А. Мэтью.

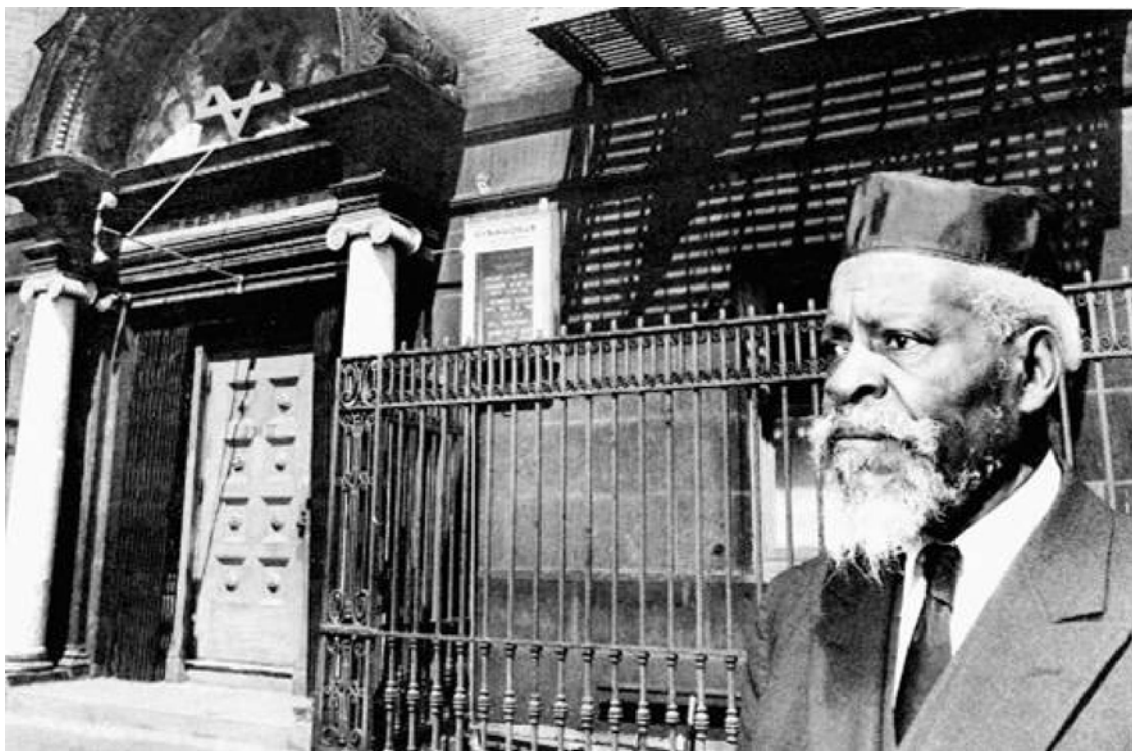
Особенностью такого рода сект было то, что созданная их основателями мифология обычно опиралась не только на особую религиозную концепцию, но и на длительную и респектабельную политическую историю, придающую ей особое социальное звучание. Понимая, как важны эти два элемента, но не имея возможности просто «изобрести» для афроамериканцев мифологическую прародину и национальную идентичность, основатели сект вынуждены были отождествить их с каким-либо известным народом, угнанным в рабство и потому якобы забывшим о своем древнем происхождении. Поскольку американские негры поколениями жили и воспитывались в

атмосфере библейской символики, то история «Б-гоизбранного народа», который за грехи свои обращен был по воле Б-жьей в рабство и угнан на чужбину, а затем, раскаявшись, опять-таки по воле Б-жьей обрел свободу и родину, легко отождествлялась афроамериканцами с их собственной судьбой.

Не случайно поэтому, что уже в XIX веке попытки черных рабов «найти себя как народ» не раз приводили их к сомоотождествлению с древними евреями. Их плантационные песни – спиричуэлс были заполнены библейскими еврейскими именами и географическими названиями (Моисей, Иордан, Иерусалим и др.). После ликвидации рабства, и особенно на рубеже XIX и XX веков, с началом становления в южных штатах системы Джима Кроу, среди американских негров появились группы, заявлявшие, что название «негры» было придумано рабовладельцами, которые лишили рабов их подлинной идентификации и религии, навязав им христианство – религию белого человека. На самом же деле они потомки древних евреев и религия их – иудаизм. Так, в 1896 году некий Уильям С. Крауди основал в Канзасе секту «черных евреев» и объяснял своим последователям, что в действительности предками американских негров были «потерянные племена Древнего Израиля». Первые древние евреи, утверждал он, были чернокожими людьми, и лишь впоследствии в результате длительного процесса межрасового смешения появились белые евреи. Члены этой секты праздновали еврейскую Пасху и пользовались еврейским календарем с соответствующими названиями месяцев. Однако многое в их предписаниях и практике было христианским, и секта назвалась «Церковь Бога и Святого Христа». С 1900 года штаб-квартира ее находилась в Филадельфии, а с 1917 года – в Западной Виргинии^[1].

К началу первой мировой войны секты «черных евреев» появились в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Вашингтоне. Некоторые из них представляли своего рода коммуну, возглавлявшиеся самозваными «пророками». Идеология и ритуалы их варьировались, и нередко христианские верования смешивались в них с иудаистскими, создавая новую синкретическую веру, обычно с африканским оттенком^[2].

В период с 1916 по 1981 год только в Гарлеме возникло не менее восьми различных культов «черных евреев». Их исповедовали группы и группки, которые то появлялись, то исчезали. Лидеры этих групп называли себя «раввинами» и принимали еврейские имена (Мордехай Герман, Иши Кауфман, Израэль Бен Йомен, Израэль Бен Ньюмен, Симон Шурц), а в своих учениях использовали и истолковывали по-своему историю и религиозные традиции древних евреев.

Черный раввин на фоне своей синагоги в Бронксе.

Крупнейшая и одна из наиболее известных сект «черных евреев» – «Хранители заповедей Бога живого» – была основана Уэртуортом А. Мэтью. Он прибыл в Нью-Йорк в 1913 году с острова Нэвис в Британской Вест-Индии и первые шесть лет выполнял здесь самую различную работу, в том числе по соседству с синагогами Нижнего Гарлема, где тогда еще жило немало евреев. «Осознав», что он на самом деле еврей, Мэтью стал брать уроки иврита, знакомиться с ритуалами иудаизма и его институтами. Затем он, объявив себя «раввином», основал в 1919 году свою синагогу и секту. В начале 1920-х годов ее якобы посетили члены некой еврейской организации, решившей, что черных сектантов можно считать фалашами – потомками группы эфиопов, чье происхождение восходит к еврейской колонии в Эфиопии, появившейся, согласно легенде, после брака царя Соломона с царицей Савской. В соответствии с этим, Мэтью и его последователи стали теперь называть себя «эфиопскими евреями» – фалашами. «Черный человек, – говорили они, – является евреем потому, что он потомок Авраама по прямой линии». Все библейские патриархи также были черными, и поэтому все подлинные евреи – черные^[3].

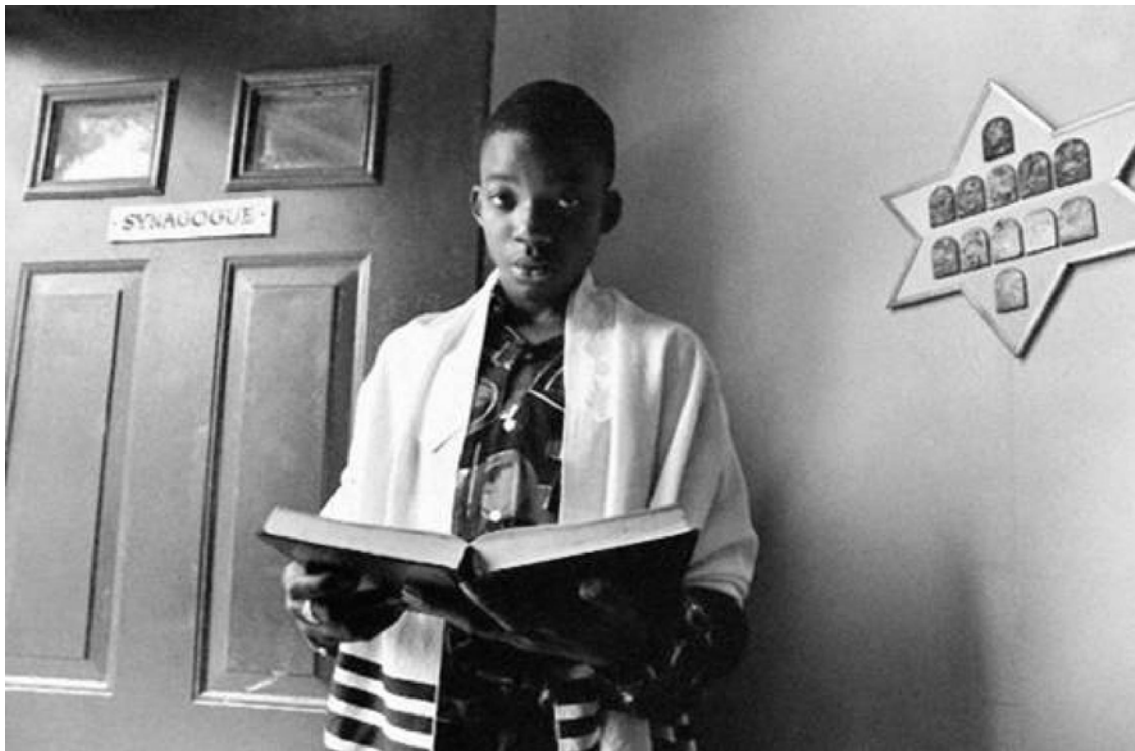
В 1920-х годах секта выросла до 500 человек, но в период экономического кризиса 1929–1933 годов влачила довольно жалкое существование. Однако Мэтью сумел вскоре привлечь новых последователей; он кодифицировал основные постулаты культа в виде «Двенадцати принципов доктрин Израиля с доказательствами из Священного Писания» и в конце 1930-х годов опубликовал их в «Книге собраний Хранителей заповедей», включавшей также учебный план колледжа по подготовке раввинов и «Антропологию эфиопских евреев». Богослужение в секте представляло собой синкретическую смесь различных религиозных и культурных форм, существовавших в черных гетто^[4]. В интервью социологу Г. Бротцу в 1950-х годах Мэтью так изложил свою доктрину: «В эпоху рабовладения у рабов отняли единственное, что они имели, – наше имя, религию и науку и навязали христианство, чтобы сделать их более послушными. Слово “негр” является символом рабства и происходит от испанского слова “нигер”, означающего черную вещь. Поэтому те, кто идентифицирует себя с неграми, отождествляют себя с черными вещами, а не с человеческими существами... Все так

называемые негры являются потерянной овцой Дома Израиля, что может быть подтверждено Священным Писанием. Яков был черным человеком...» Убежденные в том, что культурное наследие фалашей было их наследием, «черные евреи» Мэтью придерживались целого ряда ритуалов и предписаний иудаизма. Они наладили эффективную систему экономической взаимопомощи, и к 1943 году секта владела более чем 50 заведениями мелкого бизнеса. Характерно, однако, что «черные евреи» патронировали магазины, принадлежавшие не только членам секты, но и белым евреям, и относились к ним, в отличие от многих обитателей черных гетто, вполне дружелюбно. В 1950-х годах 70% членов секты представляли выходцы из Вест-Индии, в большинстве своем женщины, часто малограмотные и не имевшие достаточной квалификации, занятые в домашнем услужении, легкой промышленности, ремонтных мастерских. Имелись среди членов секты и владельцы мелких лавок. В Гарлеме «черные евреи» были на хорошем счету у полиции и считались «хорошими работниками»^[5].

Другой из сравнительно крупных групп «черных евреев» в период между двумя мировыми войнами была секта «Церковь Бога» в Филадельфии, руководимая Ф. С. Черри. Уроженец Юга, он в молодости был матросом и повидал разные страны; позже, будучи железнодорожником, ездил по США, пока однажды Бог не поручил ему стать «пророком» и основать церковь. Подобно Мэтью, Черри приобрел некоторые познания в иврите и в иудаизме и тоже утверждал, что Бог – черный, что Ной и его сыновья Шем, Яфет, Хам, библейские патриархи и «Б-гоизбранный» народ Израиля – все были чернокожими людьми. Поэтому потомками подлинных израэлитов являются те, кого белые называли «неграми», а так называемые белые евреи просто обманщики. Так же, впрочем, как и христиане, утверждающие, что Иисус Христос был белым, тогда как в действительности он был чернокожим.

Но, в отличие от Мэтью, Черри отрицал, что «черные евреи» являются эфиопами, или фалашами. Во время богослужения он, например, восклицал: «Иисус Христос был черным человеком, и я предлагаю полторы тысячи долларов наличными любому, кто сможет воспроизвести достоверный облик Иисуса Христа и доказать, что я не прав!» При этом он размахивал портретом белого Христа и вопрошал: «Кто это, дьявол поberi? Никто не знает! Они говорят, что это Иисус. Это гнусная ложь»^[6].

Молитвенный дом «Церкви Бога» освещался масляными лампами, привезенными якобы из Палестины, а на стенах его рядом с изречениями на иврите висели старинные мечи. «Священной Библией» секты Черри называл Талмуд, хотя изучение талмудического текста среди членов секты не практиковалось. Проповедь и молитва время от времени перемежались пением религиозных гимнов в сопровождении оркестра, состоящего из тамбуринов, барабанов, кастаньет, гитар^[7].

Юное поколение черных евреев.

В Вашингтоне и Бельвилле (Западная Виргиния) в 60-х и 70-х годах XX века продолжала функционировать основанная еще У. С. Крауди «Церковь Бога и Святого Христа». Как и руководимая Черри «Церковь Бога», она заметно отличалась от более последовательного иудаизма Хранителей заповеди У. А. Мэтью. В Бельвилле последователи Крауди имели общую ферму, свою школу, торговые и другие заведения^[8].

Независимо от, зачастую, весьма серьезных различий, общей чертой богослужения, характерной для всех групп «черных евреев», являлись строгость и размеренность, отсутствие исступления и экстаза. Обычно богослужение проводилось регулярно по вечерам в пятницу и субботу. Хотя «черные евреи» предпочитали оставаться «вне политики», они поддерживали связь с некоторыми местными еврейскими религиозными организациями. Отвергая образ жизни деморализованных низов темнокожего населения, они возлагали вину за его положение на белое общество. Отказ от догматического христианства – религии белого человека – и утверждение своей синкретической системы верований, включавшей в той или иной степени элементы иудаизма, различных христианских конфессий и пережитков африканского культового наследия, давали «черным евреям» определенное чувство превосходства в мире, где афроамериканцы продолжали подвергаться расовой дискриминации и унижениям. Они считали, что вернули себе подлинное имя, идентификацию, язык и таким образом сами освободили себя.

Тем не менее трудности в отношениях с остальными афроамериканцами, так же как и психологические различия с белыми евреями, объективно способствовали изоляции «черных евреев» и стремлению части из них к бегству от американского общества. Во всяком случае, осенью 1967 года более 170 «черных евреев» уехали из США и поселились в Либерии, откуда в 1969 году около половины их под руководством бывшего водителя грузовика из Чикаго Бена Картера, переименовавшего себя в Бен-Амми, переехали в Израиль. Расселили их в пустыне Неgev в городах Димона и Арад вместе с выходцами из стран Северной Африки, Индии и Грузии.

Работали «черные евреи» в строительстве, текстильной и кожевенной промышленности. Главарь группы Бен-Амми именовал себя «Принцем мира». Однако и в Израиле «черные евреи» оказались в такой ситуации, что уже в августе 1971 года Бен-Амми Картер на созванной им пресс-конференции заявил, что в сфере найма на работу и жилья в отношении их проводится «политика Джима Кроу, подобная той, которую мы испытали» в США. В 1972 году дело дошло до столкновения между «черными евреями» и другими израильтянами и обострения отношений с властями, запретившими въезд в страну «черных евреев» из США. Все же в 1970-х – начале 1980-х годов некоторым из них удавалось поселиться в Израиле^[9].

К концу XX века численность «черных евреев» в США составляла от 25 тыс. до 30 тыс. человек. Многие из них по-прежнему придают большое значение еврейскому аспекту своей этнокультурной идентичности, однако молодое поколение все чаще связывает свои интересы и надежды с движением афроамериканцев за равные гражданские права^[10].

^[1] Clark E.T. The small sects in America. Nashville, 1949. P. 189–190.

^[2] Weisbord R., Kazarian R. Israel in Black American perspective. Westport, 1985. P. 64–65; Simpson G. Black religion of the New World. N. Y., 1978. P. 268–289.

^[3] Brotz H. The Black Jews of Harlem. Negro nationalism and the dilemmas of Negro leadership. N. Y., 1970. P. 15–49; Ottley B. New World A-Coming. Inside Black America. Boston, 1943. P. 143–144.

^[4] The Black Church in America. N. Y., 1971. P. 199–202.

^[5] Ibid. P. 201, 203, 207.

^[6] Fouset A. Black gods of the metropolis. Philadelphia, 1944. P. 34.

^[7] Ibid.

^[8] Brotz. P. 9; Washington J. Black sects and cults. N. Y., 1973. P. 132–133.

^[9] Lincoln S. Race, religion. Continuing American dilemma. N. Y., 1984. P. 174–175; Weisbord R., Kazarian R. P. 62–70, 86–89.

^[10] Simpson G. P. 270.

ПОСЛЕ ХОЛОКОСТА: ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ááí èèè Ðíí àí íáíèèé

Вопреки многим ожиданиям, нацистский геноцид не вызвал в послевоенной Европе сочувствия к его жертвам-евреям. Евреи, чудом пережившие нацистские лагеря, прошедшие годы войны в эвакуации в тыловых областях СССР или в эмиграции в странах Америки, в нейтральных странах или в колониях; евреи, пережившие немецкую оккупацию в Румынии, Франции или в Будапеште, спрятанные в монастырях в Бельгии или в Польше, спасенные югославскими или греческими партизанами или просто сердобольными крестьянами от Атлантики до Волги, – все они, вернувшись на родину, столкнулись, в лучшем случае, с недоброжелательно-равнодушным отношением к себе, в худшем случае – с агрессивным антисемитизмом.

Тяжелая война, которую только что пережила Европа, вообще не породила чувства солидарности между народами и социальными классами. В Польше и Греции немедленно после освобождения этих стран вспыхнула гражданская война, в Прибалтике и Западной Украине началось антисоветское партизанское движение. Нанесенные войной травмы и обострение внутренних конфликтов порождали равнодушие к евреям как жертвам нацизма, равнодушие, часто помноженное на традиционный антисемитизм.

Острой проблемой, особенно в странах Восточной Европы, стала реституция еврейской собственности. Уцелевшие евреи требовали возвращения своего «ариизованного» имущества, и прежде всего – своего довоенного жилья, которое, как подачка немецких оккупантов «туземцам», досталось полякам, голландцам, украинцам и т. д. Власти, часто более сочувствовавшие основному населению, нежели евреям, в этом конфликте, возвращали еврейскую собственность медленно и неохотно. В ряде мест реституция привела к вспышкам антиеврейского насилия. Кроме собственности еврей-репатрианты и реэмигранты стремились вернуть себе свои довоенные социальные позиции, также часто занятые неевреями; этот процесс вызвал конкуренцию между еврейскими и нееврейскими торговцами, врачами, юристами и т. п. и как следствие ее – конфликт. Это противостояние было особенно сильно в тех странах, где основное население остро ощущало свою социальную неразвитость – например, отсутствие национальной буржуазии или интеллигенции.

Хуже всего было то, что многие европейцы рассматривали нацистскую оккупацию как возможность решить в стране проблему национальных меньшинств, а в особенности «еврейский вопрос». К их числу принадлежали не только поляки, мечтавшие о «Польше для поляков», или украинцы, мечтавшие об этнически чистой Украине, но и многие французы, которые перед войной начали очень болезненно воспринимать присутствие евреев в стране. Возвращение евреев – из лагерей или из эмиграции – означало для них одно: возвращается национальная проблема.

Евреи, пережившие войну на оккупированной территории, были еще и опасными свидетелями: они помнили, кто из их сограждан сотрудничал с оккупантами, кто нажился на «ариизированном» еврейском имуществе и т. п. Для властей предрержащих присутствие евреев было напоминанием о том, что их народ вышел из войны с не совсем чистой совестью.

В свете этого не следует удивляться, что наиболиберальнейший Эдвард Бенеш, президент чехословацкого правительства в изгнании, заявил в Лондоне, что послевоенное возвращение евреев в Чехословакию «поставит режим перед большими трудностями», а руководство французского Сопротивления предупредило де Голля, чтобы он не обещал во всеуслышание вернуть евреев во Францию, ибо это может повредить его авторитету в глазах французов^[1].

Урок польского языка в еврейской школе

1. СССР

Освобождение от нацизма первым пришло к советским евреям. Уже в 1942 году на освобожденных территориях появились евреи, пережившие немецкую оккупацию. С 1943 года начали возвращаться в родные места и эвакуированные. В процессе реэвакуации они обнаружили, что власти недовольны их возвращением и стараются воспрепятствовать ему; они сталкивались с нежеланием местных властей предоставлять им вид на жительство, а часто и работу, и с нежеланием властей возвращать им собственность, незаконно захваченную местными жителями.

Жалобы на дискриминацию евреев в реэвакуации поступали в Еврейский антифашистский комитет. 18 мая 1944 года Михоэлс и Шахне Эпштейн направили Молотову от имени ЕАК письмо, где они привлекли внимание советского премьера к препятствиям, которые власти чинят возвращению еврейских трудящихся, столь необходимых для восстановления хозяйства в западных областях. Письмо осталось без ответа^[2].

Помехи, чинимые властями в реэвакуации евреев в 1944–1945 годах, не остались незамеченными, в частности, иностранными журналистами, и Советы по временам вынуждены были давать этому какое-то объяснение. Обычно они оправдывали подобную политику антисемитизмом местного населения, подвергшегося воздействию нацистской пропаганды: власти ограничивают возвращение евреев в районы, бывшие под оккупацией, чтобы не обострять там межнациональные отношения^[3]. Большая часть населения СССР на оккупированных территориях, в тылу и даже в действующей армии и в самом деле испытала влияние нацистской пропаганды. Не только от жителей Украины или Латвии, но и от некоторых советских военнослужащих можно было услышать, что войну развязали евреи, что советская власть – еврейская, и другие нацистские

пропагандистские клише. Несмотря на то что власти, как видно, признавали это, в стране ни во время войны, ни после нее не была проведена кампания контр-пропаганды. Потакая локальным антиеврейским настроениям, власти старались не возвращать евреев на руководящие позиции, не давали им устроиться на работу в торговле и вообще на любую мало-мальски «чистую», нефизическую работу.

Проблемой тех, кто сумел возвратиться на родину в бывшие оккупированные районы, было возвращение своей собственности. В белорусских и украинских местечках дома евреев чаще всего оказывались занятыми их бывшими соседями. Демобилизованные солдаты-евреи находили вещи – свои и своих погибших родных – в домах у бывших коллаборационистов. В адрес местных властей посыпались заявления с требованиями вернуть жилье и имущество. Заявлявшие подчеркивали не только то, что они остались без единой рубахи, но и то, что если их имущественные права не будут восстановлены, то их имуществом и жильем окажутся вознаграждены бывшие полицаи и предатели.

Советские власти взяли за правило возвращать евреям их бывшие квартиры в городах и – хотя бы частично – дома в местечках, но не возвращали прочее имущество, боясь вызвать возмущение неевреев. Несмотря на такую установку высших властей, местные власти, особенно в послевоенные годы, чинили всевозможные препятствия к возвращению прав евреям на их квартиры. У многих реэвакуантов ушли месяцы, а иногда годы на то, чтобы через суд вернуть свой дом. Доказывать свои права в суде всегда должны были евреи, а не те, кто захватил их квартиры во время оккупации. Власти на местах не спешили выполнять судебные решения.

Реституция жилищ и собственности породила много конфликтов неевреев с евреями. Те, кого суд заставил вернуть евреям квартиру и хотя бы часть их имущества, мстили удачливым истцам. Так, в Речице Гомельской области в 1945 году Ципа Каганович, вдова военнослужащего и мать двоих детей, возвратила по суду свой дом. Спустя несколько дней она была застрелена неизвестными на пороге собственного дома; убийцы не были найдены^[4].

В 1945 году в Днепропетровске и Киеве произошли антиеврейские беспорядки, которые не переросли в кровавые погромы (и там и там толпа ограничилась избиением случайно подвернувшихся евреев) только благодаря решительной реакции властей.

2. Польша

Почти девять десятых евреев довоенной Польши погибло от рук нацистов. Тем не менее уцелевшим удалось восстановить общину и к июлю 1946 года в ней было более 240 тыс. зарегистрировавшихся.

В июле 1944 года советские войска перешли Западный Буг, а 22 июля в освобожденном Люблине был создан Польский комитет национального освобождения. Менее чем через три недели, 10 августа, в Люблине был создан Комитет помощи евреям, преобразованный позже в Центральный комитет евреев в Польше. Уже на следующий день Комитет обсуждал помощь евреям Влодавы, подвергшимся нападению «деструктивных элементов». В последующие дни основной темой обсуждения в Комитете была проблема безопасности польских евреев. Председатель д-р Гельбарт посоветовал евреям Люблина не собираться группами и не говорить на идише на улице. Комитет также порекомендовал евреям возвращаться в большие города, а не в свои местечки – в городах было безопаснее. Было решено направлять большинство реэвакуируемых евреев в Нижнюю Силезию, аннексированную у Германии, – там все были новыми поселенцами, и

поляки, и евреи, соответственно, не было конфликтов по поводу собственности и вообще меньше межэтнических инцидентов.

Белава. Нижняя Силезия (Польша). 1946 год.

Итак, освобождение Польши и строительство социализма в ней сопровождались возрождением антисемитизма, причем в неслыханной прежде степени.

Постоянной причиной конфликта была реституция еврейской собственности: в ней не были заинтересованы ни простые поляки, к которым перешли еврейские жилища, часто с мебелью и вещами, еврейские магазины, мастерские и попросту рабочие места, ни коммунистические власти Польши, уже наложившие руку не только на крупные довоенные еврейские предприятия, но и на помещения синагог и других общинных институтов.

С первых дней освобождения в Польше начались антиеврейские инциденты, включая убийства, и новые власти не спешили наказывать виновных. Последнее поразило и шокировало евреев, которые по довоенной инерции продолжали рассматривать коммунистов как своих защитников. Между тем новой власти, непопулярной среди населения, надо было доказывать, что она истинно польская и патриотическая, и ей не следовало «слишком» защищать евреев. На низовом уровне дело обстояло еще хуже. Провинциальная милиция нередко становилась на сторону погромщиков; низовые власти не выполняли приказов вышестоящих властей о реституции еврейской собственности и т. п.

Власти на местах старались воспрепятствовать возвращению евреев: от них требовали доказательств, что они жили в данном месте до войны, и для этого необходимо было привести свидетелей. Однако нередко свидетельства такого рода от евреев не принимались. Еврей-реэвакуанты дискриминировались при приеме на работу, а при жалобах на это властям (жалобы обычно передавались через местные отделения Еврейского комитета) – власти стандартно предлагали послать безработных евреев на шахты. Еврейские ремесленные кооперативы не регистрировались государством, и ремесленникам не выдавали лицензий.

После окончания войны в Европе по Польше прокатилась волна погромов. Первый погром – без человеческих жертв – состоялся 12 июня 1945 года в Жешуве. Накануне в городе была убита девятилетняя девочка, и ее тело было обнаружено вблизи дома, где проживали евреи. Сама милиция распространила слух, что это ритуальное

убийство, дело рук евреев, которым нужна кровь для переливания после возвращения из лагерей. Милиционеры пошли арестовывать евреев – причем не только жителей указанного дома, но и всех остальных, кто жил в Жешуве, а толпа ринулась грабить еврейские квартиры. Милиция провела арестованных евреев по городу, толпа кидала в них камни. В тот же день вышестоящие власти приказали отпустить всех арестованных; почти все евреи покинули Жешув в последующие дни. Власти не пытались ни установить подлинных убийц, ни наказать погромщиков.

События в Кракове 11 августа 1945 года начались при похожих обстоятельствах – со слухов о ритуальном убийстве. Толпа, с участием милиции и солдат, ринулась на синагогу, где якобы состоялось убийство, оттуда вывели евреев и прогнали их через район Казимеж. В ходе беспорядков среди евреев были убитые и раненые. Имели место грабежи еврейских магазинов. Медсестры больницы Св. Лазаря отказались брать раненых евреев, они заявили: «Мы их перевяжем, и пускай они уходят». Раненых били – и милиционеры, и пациенты больницы. Здесь, правда, вмешались власти: они ввели в Краков силы безопасности, и войска подавили погром.

Самый кровавый погром, надолго опозоривший послевоенную Польшу, произошел в городе Кельце 4 июля 1946 года. Как и предыдущие погромы, он начался с кровавого навета.

1 июля 1946 года в Кельце пропал восьмилетний Хенрык Блащик. Отец заявил в милицию. Через два дня мальчик нашелся, после чего его отец снова пошел в милицию и заявил, что его сына похитили евреи, но он от них убежал. Отца отослали, так как он был сильно пьян. Тем не менее наутро 4 июля милиция отправилась по указанному адресу – к дому по ул. Планты, 7, где находилось отделение Еврейского комитета, а также общежитие для евреев-реэвакуантов и уцелевших. Юный Блащик подтвердил, что в подвале этого здания его продержали два дня, а также, не без помощи взрослых, показал на еврея (Калмана Сингера), который якобы заманил его в дом. Сингера арестовали. Попутно милиционеры успели рассказать прохожим, что евреи захватили мальчика, он бежал, но возможно, в подвале томятся другие, и они идут их освободить.

По городу распространился слух, что евреи убили польского мальчика, и к дому на Планты, 7, собралась толпа. Между тем, обыскав дом, милиция выяснила прежде всего, что дом не имеет подвала. Офицер милиции устроил Блащику нагоняй за ложь и потребовал говорить правду. Собравшаяся толпа пришла в неистовство: милиция покрывает евреев! В евреев, выведенных из дома, начали кидать камни. Замначальника Комитета безопасности, не рассчитывая на своих людей, позвонил советским военным властям; русские отказались вмешиваться.

На место прибыли войска безопасности, и толпа слегка утихла. Но тут солдаты начали сами стрелять по еврейскому общежитию, а затем пошли «искать детей» в здание. Поняв, что войска вышли из подчинения и встали на сторону погромщиков, толпа начала убивать евреев. Солдаты выводили евреев на улицу, где толпа и милиция их приканчивали. Представители силовых структур, в том числе советских, находились поблизости, но не вмешались – вероятнее всего, по малодушию.

Около полудня прибыли новые войска, разогнали толпу и доставили раненых в больницу. Толпа между тем ринулась в другие районы города, где также проживали евреи. Часть погромщиков отправились на вокзал, где они убивали евреев, прибывавших в город, – пока власти не ввели войска и на вокзал.

8 июля на еврейском кладбище было похоронено 42 человека. Тяжело ранено было около 80. Участники погрома были отданы под суд, многие приговорены к смертной казни.

За погромом в Кельце последовала новая волна инцидентов на железных дорогах. Евреев снимали с поездов на станциях и убивали, скидывали с поездов на полном ходу. У таких убийств были застрельщики, входившие в поезда на вокзалах, но им помогали и пассажиры, и железнодорожники. Имели место также попытки погромов в Радоме, Мехуве, Хжануве, Рабке. Оценки числа евреев, убитых в Польше с момента освобождения до конца 1947 года, варьируются от 500 (явно заниженная оценка) до 1500^[5].

Поразительно отсутствие должной реакции на погромную волну в Польше. Партия приписала ее «работе реакционеров в массах». Еще до погрома в Кельце к кардиналу Хлонду, примасу Польши, дважды обращались с просьбой о пастырском послании или о заявлении, осуждающем антисемитизм и объясняющем, что кровавый навет – вымысел. Официальная реакция Келецкой диоцезы на погром последовала 6 июля и была составлена в расплывчатых выражениях. В частности, не было сказано, что в Кельце произошло именно массовое убийство и что жертвами были евреи. 11 июля решился сделать заявление и Хлонд; он свалил всю вину на евреев: они-де создали в Польше режим, который отвергает большинство поляков.

Погром в Кельце произвел шоковое воздействие на евреев Польши. Из страны начался исход евреев, и вскоре большинство из тех, кто пережил немецкую оккупацию или репатриировался из СССР, оказались в лагерях перемещенных лиц в Германии, Австрии или Италии.

3. Румыния

Навязчивой идеей румынских антисемитов со дня основания этого государства была идея о том, что евреи в Румынии – это иностранцы, и большинство из них должны оставаться таковыми навечно. Румынские власти не раз предпринимали акции по выдворению «лишних» евреев из страны. 21 января 1938 года новое, право-консервативное, правительство Румынии выпустило декрет о «пересмотре гражданства иностранцев», по которому к концу 1939 года 225 тыс. евреев было лишено румынского гражданства. Осенью и зимой 1941–1942 годов «кондукэтор» (вождь) Румынии Ион Антонеску выселил в новую провинцию Транснистрия, выкроенную в основном из украинской территории, всех евреев Бессарабии и часть евреев Буковины и Дорохоя.

Возвращение евреев из Транснистрии началось еще в разгар войны, до падения диктатуры Антонеску. В июле 1942 года семьи специалистов по деревообработке, всего 12 семей (30 человек), были возвращены из гетто в Могилеве-Подольском в Ватра-Дорней (Южная Буковина). Возмущение жителей Ватра-Дорней было столь велико, что вернувшихся евреев пришлось поселить в отдельном доме и выставить охрану. Еще несколько десятков семей специалистов возвратились в другие места в 1942 – начале 1943 года, и это вызвало сходную реакцию^[6].

После Сталинграда Антонеску, напуганный тем, что «мировое еврейство» накажет его за депортацию евреев в Транснистрию, начал обдумывать возвращение депортированных назад. Поползли слухи, и в апреле 1943 года губернатор Бессарабии написал Антонеску, что ни при каких обстоятельствах депортированным не должно быть позволено возвратиться в Бессарабию – по всей Молдове начнутся беспорядки. В декабре

1943 года спецслужба сообщила, что весь район Буковины и Дорохоя кипит от возмущения ноябрьским решением правительства возвратить евреев. В народе говорили, что если так, то, значит, румынские солдаты зря проливали кровь; ходили слухи, что правительство подкуплено^[7].

Похороны жертв погрома в Кельце. 1946 год.

Организованное возвращение румынских евреев началась в марте 1945 года, после падения Антонеску и перехода Румынии на сторону СССР в войне. Новые румынские власти стремились не допустить их возвращения в Южную Буковину, а селили в Северной Трансильвании, возвращенной Румынии от Венгрии. К концу 1946 года в стране было 40 тыс. репатриированных из Транснистрии. Кроме них, в Северную Трансильванию возвратилось 20 тыс. евреев из немецких лагерей и 15 тыс. евреев из числа мобилизованных в венгерские «рабочие батальоны».

Отношение румын к евреям, возвращающимся в страну, было враждебным. Ходили слухи о том, что Советы собираются ввезти в Румынию два миллиона евреев с тем, чтобы на выборах 19 ноября 1946 года привести к власти коммунистов. По всей стране происходили нападения на евреев, особенно в Южной Буковине и Северной Трансильвании, были десятки убитых. Сельским евреям крестьяне не давали селиться в своих деревнях. Те евреи, которые возвращались на свое прежнее место жительства, обнаруживали, что их имущество «румынизовано» и разграблено. Многие евреи переехали в Бухарест, где было безопасней; у значительной части не было работы, что особенно возмущало румынское население. В еврейской среде царил чемоданное настроение; большинство мечтало уехать в Страну Израиля.

В 1944–1947 годах ни переходное, ни коммунистическое (с ноября 1946 года) правительства не занимались всерьез социальной реабилитацией репатриированных и не пытались вернуть им собственность, кроме части квартир. Декрет от 14 декабря 1944 года о реституции собственности остался не выполнен. Тысячи заявлений, поданных евреями в суды о восстановлении их имущественных прав, не рассматривались. Пережившим Транснистрию не было выплачено никаких компенсаций.

Возвращение евреев из Транснистрии. 1940-е годы.

В «новой» Румынии происходили такие же события, как в «старой». Так, в сентябре 1944 года в Бухарестском университете группа еврейских студентов была избита националистами, не желавшими, чтобы евреи учились в нем. Коммунисты оказались на удивление бессильны в борьбе с антисемитизмом. Не чувствуя народной поддержки, они старались привлечь в партию «левое крыло» «Железной гвардии» – самой массовой фашистской партии довоенной Восточной Европы. Только в 1948 году коммунисты решились отдать под суд виновных в Ясском погроме 1941 года, унесшем жизни не менее 7–8 тыс. евреев.

Министерство юстиции (во главе которого стоял коммунист Пэтрэшкану) не спешило возвращать румынское гражданство тем евреям, у которых оно было аннулировано правыми националистами в 1938–1939 годах. Министерство «обсуждало» этот вопрос с 1944 по 1947 год, и все это время евреям, не имевшим гражданства, не платили ни пенсий, ни пособий. Только в 1947 году коммунисты возвратили таким евреям (их оставалось всего 60 тыс.) их гражданство.

Ἰεὶ ἀνὰ τὴν αἰώνιον

^[1] D. Bankier (ed.). *The Jews Are Coming Back: The Return of the Jews to Their Countries of Origin after WWII*. New York: Berghahn Books; Jerusalem: Yad Vashem, 2005. P. VIII, IX.

^[2] Ibid. P. 79.

^[3] M. Altshuler. *Antisemitism in Ukraine toward the End of World War II* // Zvi Gitelman (ed). *Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 79, 86.

^[4] L. Smilovitsky. *The Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Postwar Decade* // *East European Jewish Affairs*. 30. 2 (2000). P. 65–66.

^[5] J. T. Gross. *Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz: An Essay in Historical Interpretation*. New York, 2006. P. 73–117.

^[6] J. Ancel. «The New Jewish Invasion»: *The Return of the Survivors from Transnistria* // D. Bankier. P. 232.

^[7] Ibid. P. 234–235.

ТРОЕ

Аאאא עׁ עאאא אאא

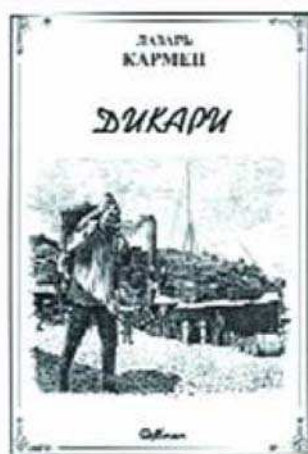
Владимир Жаботинский любил использовать сюжет, как бы взятый из задачника по арифметике: из пункта А одновременно вышли и так далее. Именно так построен его роман «Пятеро», где представители младшего поколения семьи Милгромов, покидая отчий кров, двигались каждый в своем направлении. Их судьбы пересекаются с судьбами одесситов, среди которых начиналась жизнь Жаботинского. В книге «Чуковский и Жаботинский» я попыталась провести одну из таких параллелей, связанных с судьбой самого Жаботинского. В пункте А, каковым была редакция газеты «Одесские новости», сошлись судьбы Жаботинского и Чуковского. Но был и еще один герой, который тогда же вышел из той же точки.

Одесский порт.

Журналист Лазарь Осипович Кармен (Коренман или Корнман; 1876–1920) давно и прочно забыт, о нем вспоминают разве как об отце знаменитого кинооператора Романа Кармена. Умер он рано. Друзья и родственники два-три раза переиздали его рассказы, опубликовали несколько мемуарных очерков о нем – вот, пожалуй, и все.

Темой Кармена-журналиста была жизнь обитателей одесского порта. Жизнь местных Карменсит также находилась в поле его зрения. Их судьбам были посвящены рассказы и очерки Кармена. Повесть «Берегитесь!» тоже о них. Начинается она патетически: «Берегитесь! Я обращаюсь к вам – женщины! Берегитесь страшного чудовища, имя которого – проституция! Обходите старательно расставленные на вашем пути капканы и соблазны! Защищайтесь до последней капли крови и не давайте закоренелому врагу вашему победить. Ибо горе побежденным. Горе! Горе! Чудовище скомкает вас и безжалостно разобьет вашу жизнь». В том же году вышла еще одна книга Кармена «Проснитесь!» с подзаголовком «Доброе слово к обитательницам “веселых домов” и “одиночкам”».

В «Повести моих дней» Жаботинский вспоминал об их триумвирате: «Когда мы входили с ними в кафе, соседи перешептывались друг с другом: может, было бы лучше, если бы мы не слышали, что они шептали, но, поверьте мне, они пели нам дифирамбы, и Кармен подкручивал кончики своих желтых усов, Чуковский проливал свой стакан на землю, ибо его чрезмерная скромность не позволяла ему сохранить спокойствие духа, а я в знак равнодушия выпячивал свою нижнюю губу, хотя и знал, что в этом не было надобности – она и без того была достаточно выпяченной от природы...»^[1]

Кармен вслед за Горьким открыл для себя тему одесского дна. Как и ранние очерки Горького, репортажи Кармена написаны в романтическом духе. Да и сам журналист в душе всю жизнь оставался романтиком. Корней Чуковский так описывал своего друга, «талантливого сотрудника одесских газет» в воспоминаниях о днях, связанных с броненосцем «Потемкин»: «Кудрявый, голубоглазый, румяный, сентиментальный, восторженный, он бросается меня обнимать <...> Я разделяю его энтузиазм вполне. Он близко связан с рабочими одесских предместий. В порту у него много друзей среди “босяков” и грузчиков»^[2].

Описал Кармена и Жаботинский в романе «Пятеро», правда не назвав имени: «Один из них был тот самый бытописатель босяков и порта, который тогда в театре сказал мне про Марусю: котенок в муфте. Милый он был человек, и даровитый; и босяков знал гораздо лучше, чем Горький, который, я подозреваю, никогда с ними по настоящему и не жил, по крайней мере, не у нас на юге. Этот и в обиходе говорил на ихнем языке – Дульцинею сердца называл “бароха”, свое пальто “клифт” (или что-то в этом роде), мои часики (у него не было) “бимбор”, а взаймы просил так: нема “фисташек”? <...> Его все любили, особенно из простонародья. Молдаванка и Пересыпь на его рассказах, по-видимому, впервые учились читать; в кофейне Амбарзаки раз подошла к нему молоденькая кельнерша, расплакалась и сказала: – Мусью, как вы щиро вчера написали за “Анютку-Боже-мой”...»^[3]

Кармен и Жаботинский занимали в газете «Одесские новости» прочное положение, а Чуковский был еще в начале своего литературного пути. Судьбу его во многом определил Жаботинский, по совету которого Чуковский в 1903 году поехал корреспондентом в Лондон. Именно там произошло его окончательное самоопределение как критика.

И Кармен, и Жаботинский писали Чуковскому в Лондон письма, но если Жаботинский писал ему как наставник, то тональность писем Кармена была

приятельской, его письма рисовали обстановку в редакции, семейные новости, поверял он Чуковскому и сердечные тайны^[4].

Узнаем мы из этих писем и подробности, касающиеся Жаботинского. «Володя сейчас в Италии, – писал Кармен Чуковскому осенью 1903 года. – Он должен скоро приехать. Но я отношусь к его приезду довольно холодно. Я и он – два противоположных полюса. Некоторые обстоятельства показали мне, что он типичный мещанин и человек черствый и бездушный и с большим самомнением. Я ничего не имею против его самомнения, Б-г с ним. Но он душит тебя. Временами он больно наступает тебе на мозоль и дает тебе понять, что ты ничтожество, а он гений. Но Б-г с ним»^[5]. Это письмо было написано во время пребывания Жаботинского в Риме, куда он поехал сразу после 6-го Сионистского конгресса в Базеле, проходившего 9–23 августа по старому стилю, Жаботинский пробыл тогда в Риме до ноября.

Пребывание на конгрессе, встреча с Теодором Герцлем многое изменили в его жизни, он отходил и от прежних своих тем, и от старых друзей. Чуковский недоумевал по поводу критических нот по адресу Жаботинского, которые появились в письмах Кармена. 22 августа 1904 года он записал в дневнике: «От Кармена получил письмо. Опять жалуется на Altalen’у. Что это значит – не пойму»^[6].

Будни одесского порта. Грузчики отдыхают.

Причиной обиды стал один из фельетонов Жаботинского, о котором он позднее вспоминал в «Повести моих дней»: «Однажды <...> я назвал себя и всех остальных своих собратьев по перу черным по белому “клоунами”. Статья была направлена против одного журналиста из конкурирующей газеты, человека достойного, спокойного и безликого, не умного и не глупого, анонима в полном смысле этого слова, который стал для меня своего рода забавой и над которым я потешался при всякой возможности и без всякой возможности, просто так. Однажды я обратился к нему прямо и написал: разумеется, без причины и нужды травил я тебя и буду травить, потому что мы клоуны в глазах бездельника-читателя. Мы болтаем, а он зевает, мы желчью пишем, а он говорит: “Недурно написано, дайте мне еще стакан компоту”. Что делать клоуну на такой арене, как не отвесить пощечину своему собрату, другому клоуну?»^[7]

Грузчики обедают.

С иронией о профессии журналиста он писал и в своей постоянной рубрике «Вскользь». Эти публикации заделали Кармена, он писал Чуковскому: «Я – не рыжий. Если бы я на минуту подумал или пришел к убеждению, что я рыжий, я бросил бы работу. <...> Я задумал большое дело. Я хотел широко осветить, как никто, это темное царство, показать, что падшая – наша сестра и, что если поскоблить с нее грязь, мы натолкнемся на чудный розан, на чудную душу, чего нет у многих девиц и дам, умащающих свои телеса благовонными маслами. У этих – чистое тело, но на месте души – ком грязи. <...> Удивительный народ! Некоторые говорят, – вот их подлинные слова: “к чему нам это знать?”, т. е. как живут и страдают проститутки. Зачем писать об этом. А одна модная артистка, вся сотканная из лучей, звуков и молитв, говорит мне – “у вас, Кармен, хорошие струны, но зачем вы занимаетесь гнилью? Пусть гниет. Оставьте ее”. Как ты думаешь – оставить ее – гниль эту самую, или иначе всё, что в слезах и обливается кровью?! Да отсохнет моя десница, если я ее оставлю!.. Помнишь рассказ мой “Моя сестра”? Ты знаешь, что первые ласки я получил от падшей, проститутки, и я никогда не забуду их. погоди! Я напишу когда-нибудь рассказ под заглавием “Сверхпроститутка”. Молодец Ницше. Если бы он только и сочинил всего одно слово “сверх”, и то он был бы гениален. “Сверхпроституткой” я называю даму – семейную, так называемую “порядочную”, фотографическая карточка которой находится в альбоме в Колодезном переулке. Если карточка ее нравится тебе, хозяйка посылает к даме служанку, и та вызывает ее. Дама бросает детей, мужа, чай, гостей, садится в дрожки и лупит в Колодезный переулок, получает за свой сеанс 25 руб. и возвращается назад к столу и разливает опять свой чай. А завтра у нее – новая шляпа, шелковая нижняя юбка и фильдекосовые чулки. Она, которая продает себя ради шляпки, – порядочная, смотрит смело в глаза полиции, а та, которая бродит по улице и продает себя потому, что – голодна, – падшая, непорядочная и т. д. Сволочи и фарисеи! Не привыкла публика к смелым и правдивым фельетонам, но надо ее приучить»^[8].

Отдельное издание рассказа Кармена «Моя сестра» вышло под заглавием «Одна из многих» в книге «Ответ Вере. Одна из многих» в Одессе в 1903 году. Автором предисловия был Altalena. Книга не случайно называлась «Ответ Вере», подразумевалась весьма популярная в конце 80-х годов книга немецкой писательницы Бетти Крис (псевдоним Вера^[9]). Содержание этой книги Кармен пересказал в предисловии: добродетельная и целомудренная барышня Вера вышла замуж за Георга, надеясь на то,

что и он столь же добродетелен, как и она. Но, узнав, что у него были до нее женщины, она уходит из жизни. Кармен ответил этой псевдо-Вере рассказом «Моя сестра» – о том, как согрела и поддержала его в тяжелую минуту проститутка. Рассказ предварял эпиграф за подписью Altalena:

Áëÿ ò íã äîëæíú ì ù ñ ò í ðã

í ò ä ä ä ä ò ù ñ ñ è ò ä ä ä

÷ ò í á ú ä ä ä ñ ò ä ä í é ö ä ä ä ä ñ ò ä ä

í ð ä í ÿ ò ù ä ñ ä ä í í ä ä ..

В послесловии этот же Altalena назидал Веру: «Не в том дело, имел ли он “прошлое”, имела ли она, – а в том, вышел ли он и вышла ли она из этого прошлого благородным и человеческим».

Вскоре после возвращения Чуковского из Лондона и он издал в Одессе вместе с Карменом любопытную книжечку. Содержание ее составляли предсмертные стихи Наума Грановского, одесского мастерового, покончившего с собой, бросившись со скалы в море. Перед смертью Грановский попросил передать его стихи Кармену, с которым даже не был знаком. Кармен был тронут и издал эти беспомощные стихи на свои средства под названием «Предсмертные песни», с собственным послесловием. Редактировать стихи он поручил Чуковскому, который серьезно подошел к своей задаче и отобрал для сборника то немногое, что могло представлять литературный интерес. Редактура Чуковского не понравилась Кармену, с точки зрения которого качество стихов не имело значения. В послесловии он писал, что его друг «выкинул и урезал больше половины стихов. Уважая г. Корнея Чуковского как художественного критика, я, однако, не солидарен с ним. Я лично отпечатал бы все стихи Н. Грановского, ничуть не заботясь об их дефектах»^[10].

В точке, именуемой Одесса, Чуковский, Жаботинский и Кармен были и оставались друзьями, несмотря на все разногласия. И не случайно один за другим перебрались они в Петербург. Свой отъезд в Петербург Жаботинский связывал с историей, которая произошла у него в театре с приставом Панасюком, вот как описал он ее в «Повести моих дней»: «Не только в городском театре, но и в остальных одесских театрах у меня было постоянное место в первых рядах партера. В тот вечер, незадолго до христианского Нового года, Панасюк не узнал меня, когда я поднялся со своего кресла во время антракта в Русском театре. Он остановил меня у выхода и заревел как бык: “Почему ты пролез вперед?” У меня было лицо подростка и одет я был по-цыгански (то, что теперь называют за границей “в стиле богемы”) – согласно полицейской мерке место мое, как видно, было среди студентов на галерке, а не здесь, внизу, среди городской знати. Я оскорбился и ответил ему. Вокруг нас собралась толпа. Жандармский генерал Бессонов, начальник охранного отделения, которого я встречал некогда в тюрьме, привлеченный криками, подошел и обратился ко мне с наставлениями. Я и здесь не полез за словом в карман. По прошествии нескольких дней я получил повестку: явиться к градоначальнику графу Шувалову.

Я надел свой парадный костюм, как это было заведено в те времена, – тот самый черный редингот, достававший мне до щиколоток, который я заказал в честь премьеры своей пьесы, и стоячий воротничок, врезавшийся мне в уши, и отправился в крытой пролетке во дворец градоначальника. Перед отъездом я сунул свой паспорт в один карман, а в другой положил весь капитал, оказавшийся в наличии дома, около 30 рублей,

и, подъехав к дворцу, велел извозчику ждать меня. Аудиенция была назначена на 11 часов, а в полдень из Одессы отходил прямой поезд на север. Я собрал дома также свой чемодан и вручил его одному из своих друзей, чтобы он принес его к этому поезду.

Беседа моя с правителем города была очень краткой. “Он всегда рычит, – сказал Шувалов, показав на Панасюка, который стоял перед нами, вытянувшись в струнку. – Говоря со мной, он тоже рычит. Мы уведомим вас еще сегодня о том, какое наказание мы наложим на вас”.

Я вышел, вскочил в пролетку и помчался на вокзал. Купил билет до Петербурга. Друг не поспел с чемоданом к отходу поезда, и я отправился в двухдневную поездку без мыла и зубной щетки»^[11].

Так Жаботинский перебрался в Петербург, где включился в работу журнала «Еврейская жизнь».

В 1905 году отбыл в Петербург и Чуковский, но для него сотрудничество в «Еврейской жизни» стало лишь эпизодом. Чуковский погрузился в литературную жизнь столицы и стал влиятельным критиком.

В 1906 году приехал в Петербург и Кармен. Он, который в Одессе гремел, в Петербурге как-то потерялся. 8 марта 1909 года Чуковский записал в дневнике о своем визите к Кармену: «Он был и в Палестине, и в Константинополе, но говорить с ним не о чем. Как с гуся вода. “Дам я, понимаешь ли, картинку!” – это на его языке называется “написать очерк”. Я спрашиваю: ну что же Палестина? – “А это, понимаешь ли, пальмочка, пилигримчик и небо голубое, как бирюза”. Мне стало безнадежно»^[12].

В Палестине Кармен побывал приблизительно в конце 1907 года, его рассказ о Палестине «Ибрагам Михель», фрагменты из которого перепечатал Роман Тименчик (Лехаим, 2006, № 4 [168]), был опубликован в журнале «Русская мысль» за 1908 год.

Кармен остался приверженцем романтического стиля, повествований с душераздирающими сюжетами. Но то, что на страницах одесских газет находило отклик, в столице его не получило. Кармен утратил то, что можно было бы назвать «своей темой». Он общался с известными писателями, но печатался в основном в маргинальных, хотя и имевших большие тиражи журналах. И только в Одессу по-прежнему наезжал как триумфатор.

К. Чуковский в своем кабинете.

Чуковский и Кармен жили в Куоккала – дачном пригороде Петербурга. От этого времени сохранилось несколько стихотворных экспромтов Кармена, записанных в Чуоккалу, упоминается Кармен и среди посетителей куоккальских сред, которые устраивал Илья Репин у себя в Пенатах. Но тесного общения с Чуковским уже не было, не упоминал о встречах с Карменом в последующие годы и Жаботинский.

Кармен первым из троих ушел из жизни. По воспоминаниям В. Львова-Рогачевского, в 1918 году у Кармена обнаружилась опухоль груди (по другим сведениям – туберкулез) и семья переехала в Одессу, в которой тогда происходила непрерывная смена властей. Кармен занял пробольшевистскую позицию. «...Когда наступил 1917 год, – писал О. Семеновский, – у Кармена не было сомнений: Октябрьская революция была его революцией. “Под красной звездой” – так писатель озаглавил вышедший в Одессе сборник рассказов о первых днях советской власти, предварительно они были опубликованы в красноармейской газете “Красная звезда”».

Скончался Кармен в апреле 1920 года, вскоре после того, как в Одессе установилась советская власть. Позднее в журнале «Силуэты» была помещена заметка о могиле писателя: «Четыре года тому назад скончался в Одессе популярный в рабочих кругах писатель Лазарь Осипович Коренман, писавший под псевдонимом Кармен. <...> Похоронен писатель на 2-м еврейском кладбище, где могила его почти заброшена. Следовало бы нашим культурно-просветительным органам увековечить память покойного писателя воздвижением на его могиле достойного памятника».

В. Жаботинский. 1910 год.

Памятник поставили, но само кладбище было снесено в 70-х годах, и, как писала Анна Мисюк, «на христианское кладбище напротив перенесли поспешно несколько памятников еврейским писателям, революционерам»^[13]. Среди этих памятников был и памятник Лазарю Кармену, который сейчас находится на Новодевичьем кладбище в Одессе.

^[1] В. Жаботинский. Повесть моих дней. Иерусалим, 1989. С. 35–36.

^[2] К. Чуковский. 1905, июнь // Чуковский К. Собр. соч. в 15 т. М., 2006. Т. 4. С. 527.

^[3] В. Жаботинский. Пятеро. Роман. Рассказы. М.: Независимая газета, 2002. С. 34–35.

^[4] Полностью письма Кармена к Чуковскому опубликованы в четвертом выпуске «Архива еврейской истории».

^[5] Письма журналиста Лазаря Кармена Корнею Чуковскому / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е.В. Ивановой // Архив еврейской истории. Т. 4. М., 2007. С. 226.

^[6] К. Чуковский. Дневник 1901–1921 // Чуковский К. Собр. соч. Т. 11. С. 83.

^[7] В. Жаботинский. Повесть моих дней. Иерусалим, 1989. С. 39.

^[8] Письмо от 12 октября 1903 года // Письма журналиста Лазаря Кармена. С. 232–233.

^[9] Крис Бетти. Одна за многих. Из дневника молодой девушки / Пер. с нем. А.А. Малинина. М., 1902.

^[10] Кармен. Послесловие // Н. Грановский. Предсмертные песни. Издание Кармена. Под редакцией К. Чуковского. Одесса, 1904. С. 49.

^[11] В. Жаботинский. Повесть моих дней. С. 54–55.

^[12] К. Чуковский. Дневник 1901–1921. С. 152.

^[13] Мисюк Анна. Кармен из Одессы. «Его все знали в Одессе, знали и любили. И... Забыли?» // Мигдаль. Еврейский журнал для всех. Одесса, 2000. № 4. С. 13.

ВЫБОР

Ēāī ēā Dāāçēōīāñēē

Выборы президента США касаются всего мира. Нравится кому-то или нет (в основном – нет), но США влияют на этот мир не только больше, чем любая другая страна. США влияют на мир сильнее, чем мир – на США.

Да, уже поэтому можно сказать: «Выборы президента США – слишком серьезное дело, чтобы доверять его одним американцам».

Есть и другая причина. Как ни здорово отлажена политическая система Штатов, но выборный механизм у них, увы, дает за сбоем сбой.

Сами американцы клянут свой предыдущий выбор, на несчастного Буша вешают мыслимых и немыслимых собак.

А сейчас? В ходе выборной кампании осталось три кандидата: 72-летний ветеран Вьетнама Маккейн, «жена Клинтон» и «сладкоголосая птица юности» темнокожий Обама... И это – не в самый легкий для страны час, когда нужен Сильный Лидер! Заметьте, кстати: ни один из кандидатов ничем реальным в жизни не руководил – не был ни губернатором, ни министром, ни даже главой крупной фирмы. Честно говоря, когда смотришь вот на эти – несомненно максимально открытые, демократичные, зрелищные – выборы, начинаешь сомневаться в справедливости Черчилля. «Демократия – самый худший вид правления. Не считая всех остальных».

Но любителей «осуждать Америку» без меня хватает. Попробуем посмотреть на выборы с «нашей» точки зрения: «как это будет для евреев?».

Среди еврейской общины очень популярен был Рудольф Джулиани. Считалось, что если бы этот бывший мэр Нью-Йорка стал кандидатом от Республиканской партии, то многие евреи перешли бы из рядов демократов и ради такого случая проголосовали за «слона». Но – не случилось! Опять же, не знаю, как это так случилось, но Джулиани – которого даже враги считали сильным кандидатом – вышел из гонки на ранних этапах.

Во внутренней политике США давно нет «еврейского вопроса». Политики-антисемиты есть – например, негритянский лидер Луис Фаррахан, многие считают таким и крайнего консерватора Пэта Бьюкенена. Но шансов попасть в конгресс, не говоря уж про Белый дом, у них – как и у любых других расистов – нет.

Поэтому нет и разногласий по «еврейскому вопросу» среди политкорректных кандидатов. Могли бы быть расхождения в отношении Израиля – но и их нет, разве что в нюансах. Так, Маккейн и Клинтон придерживаются самой жесткой линии в отношении Ирана. Обама, которого считали «голубем», тоже подтянулся, встал в строй и хоть не в столь угрожающей форме, но ясно объяснил, что в случае конфликта США твердо поддержат Израиль.

Тем не менее среди евреев сильны «антиобамские» настроения. Есть даже соответствующие движения. Одна из причин в том, что проповедник Обамы, чернокожий священник Дж. Райт, делает одно за другим скандальные антиизраильские (и антиамериканские!) заявления, в стиле скорее исламиста, чем христианского священника. Впрочем, сам Обама, похоже, в ужасе от сорвавшегося с цепи «святого отца» и не знает, как от него дистанцироваться, не потеряв лица.

Однако мнение о том, что большинство евреев против Обамы, очень далеко от истины. Его главный спонсор – Пенни Прицкер, внучка основателя династии (кстати, денег Обама собрал пока что больше всех), один из руководителей кампании – Дэвид Аксельрод. Вообще, среди элитных сторонников Обамы (тех, кто упомянут в «Who is who») очень много евреев, в основном голливудских звезд (Спилберг, Хофман, Стрейзанд, Майкл Дуглас и др.), а также Сорос. Евреи составляют 22% высокопоставленных сторонников Обамы наравне с неграми. Англоамериканцев – 35%.

Впрочем, по этому параметру Обама далеко уступает г-же Клинтон. Вот там действительно «евреи, кругом одни евреи» – 35% элитной группы поддержки Клинтон (кстати, почти все политизированные звезды Голливуда выступают за обоих кандидатов-демократов). Столько же и англоамериканцев. Негров среди «клинтонов» в четыре раза меньше, а вот женщин больше, чем в группе поддержки Обамы, – почти 30% (у Обамы – около 20%).

Слабее всего евреи (как и другие «нацмены», как и женщины) представлены, разумеется, в штабе сурового республиканца Маккейна. Правда, и у него почти 15% евреев (на втором месте после англоамериканцев, но разрыв велик – англосаксов почти 70%). Что, впрочем, не мешает еврейским избирателям активно выступать за Маккейна.

Вот такая пестрая картина. Вполне очевидны лишь два вывода: американские евреи куда более политически активны, чем остальные группы населения, поэтому так велик их вес среди политических элит, и «евреи разные бывают» – разногласия между ними ничуть не меньше, чем в американском обществе в целом.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В ЭЙЛАТЕ

Ī eōāēē Āġōāēēē

В одном из госпиталей Аммана в конце января скончался Джордж (Жорж) Хабаш – ему было за восемьдесят. Он умер насыщенный годами и признанием, более того – славой. Его называли «аль-хаким» (мудрец). Все, конечно, зависит от дефиниции: если он и был мудрецом, то весьма специфическим. Джордж Хабаш – одна из самых ярких фигур палестинского террора, более того, он не только региональная знаменитость – он один из отцов современного террора, качественно отличающегося от всех форм террора, существовавших ранее.

Председатель Палестинской автономии Абу Мазен объявил о трехдневном трауре. Национальные флаги Палестинской автономии были приспущены, в президентском комплексе в Рамалле установлена траурная палатка. В палестинских посольствах по всему миру принимали соболезнования. В Москве отбоя не было от желавших его выразить.

Изгнанник

Джордж Хабаш родился в 1925 году в арабской семье в Лоде – это около пятнадцати километров к юго-востоку от Тель-Авива; рядом с Лодом расположен самый большой аэропорт Израиля, носящий имя Бен-Гуриона.

Лод упоминается в Библии и Талмуде. В талмудические времена Лод был центром еврейской учености. Евсевий Кесарийский^[1], сам уроженец Палестины, говорит о Лоде как о «большом и богатом городе, все население которого состоит из иудеев»^[2]. Блаженный Иероним^[3] рассказывает о еврее из Лода, который учил его пониманию Книги Иова. Евреи жили в Лоде на протяжении более двух с половиной тысяч лет: в какие-то моменты это была большая община, в какие-то – несколько семей, порой (ненадолго) в результате гонений Лод оставался без евреев.

Теперь о более близкой истории. В 1921 году евреи были изгнаны арабами из города, потом стали понемногу возвращаться. В 1936-м были изгнаны окончательно, город стал judenfrei. То были времена британского мандата; британскую администрацию часто упрекали в злонамеренном попустительстве, но в случае изгнания евреев из Лода следует говорить скорее уж о бессилии: 1936-й – год кровавых арабских беспорядков, в ходу было даже слово «восстание». (Представляю, с каким чувством читали об этом в Берлине.)

Сразу же после провозглашения 14 мая 1948 года Государства Израиль началась интервенция пяти арабских стран в Палестину, в войне участвовали и отряды местных боевиков. В Лод вошли отряды иорданского Арабского легиона. 12 июля в результате контрнаступления они были выбиты из города подразделениями только что созданной Армии обороны Израиля. Население частично бежало, частично было изгнано.

Бегство арабского населения началось сразу же после резолюции ООН о разделе Палестины в ноябре 1947 года, то есть еще до начала боевых действий, в разные моменты времени оно было вызвано разными причинами: экономическими, политическими, психологическими. Люди покидали дома сами: боялись врагов (евреев), боялись оказаться в зоне боевых действий. Надеялись вернуться – в скором еврейском поражении никто особенно не сомневался. Арабская пропаганда прямо и косвенно (страшая ужасами неукротимой еврейской злобы) поощряла бегство. Но бывали случаи применения силы, причем не только по инициативе командиров, но и по приказу политического и военного руководства. Лод как раз относился к таким случаям. Солдаты приказали семье Хабашей покинуть дом, покинуть город и направили колонну беженцев в сторону позиций, занятых Арабским легионом.

Лод был важным стратегическим пунктом сразу в двух отношениях: во-первых, из-за находящегося по соседству аэропорта, во-вторых, как один из ключевых пунктов на пути из Тель-Авива в осажденный Иерусалим. Снятие блокады являлось не только военной, но и политической задачей: речь шла о послевоенной принадлежности Иерусалима.

Это самый разгар войны, судьба только что созданного государства – а вместе с ним и судьба евреев – висели на волоске. Арабские лидеры делали заявления, не сулящие евреям в случае их поражения ничего хорошего. Лод был в зоне боевых действий. В городе было полно вооруженных людей, и они не затруднялись пускать оружие в ход. Арабское население, только что с ликованием встретившее Арабский легион, рассматривалось как враждебное и потенциально опасное.

Подавляющее большинство населения, по своей воле или вынужденно, Лод покинуло. Правда, кое-кто и остался. Их потомки благополучно живут в городе до сих пор. Арабское население понемногу восстановилось. После смерти Джорджа Хабаша обсуждали, не назвать ли улицу в честь знаменитого земляка. Идея, которую вряд ли удалось реализовать.

В 1948 году Джордж учился в Бейруте. Вернулся в Лод: волновался за близких или хотел принять участие в боевых действиях? Или просто приехал на каникулы? Мать была против возвращения, должно быть, боялась за него. Он оказался дома в самый драматичный момент своей семейной истории.

В ночь, когда евреи вошли в Лод, от брюшного тифа умерла сестра Джорджа. И в этом тоже были виноваты евреи – не было возможности оказать своевременную

медицинскую помощь, – во всяком случае «все» так считали. Не будь войны, разве она умерла бы? Будто от брюшного тифа никто не умирал без всякой войны. Будто евреи развязали эту войну. Сестру похоронили тут же, за домом.

В одночасье Джордж Хабаш потерял дом, потерял сестру, потерял родину, и в этом были виноваты евреи. Он испытал чувство горечи и бессилия. И это в значительной мере определило всю его дальнейшую жизнь. Пепел Клааса стучал в его сердце.

Потеря родины как важный идеологический лозунг, актуальный сегодня, как и шестьдесят лет назад, требует комментария.

Хабаш говорил: они «оккупировали мою землю». Что это значит: «моя земля»? Что это значит: «оккупировали»? Лодом владели ханаанеи, египтяне, филистимляне, римляне, византийцы, арабы, крестоносцы, мамелюки, турки. На протяжении своей большой истории Лод входил в состав многих государств, в том числе еврейского. Вот только арабского палестинского государства здесь никогда не было.

До первой мировой войны это была провинция Османской империи; в 1925 году, когда Джордж Хабаш родился, Лод был городом подмандатной территории Великобритании. Согласно решению ООН в ноябре 1947 года о разделе Палестины, Лод находился на границе ее арабской части. Однако в середине мая следующего года, по истечении срока британского мандата, арабское палестинское государство так и не было провозглашено, Лод оказался на территории с неопределенным правовым статусом. Арабский легион короля Абдаллы захватил Лод вовсе не затем, чтобы учредить здесь какое-то мифическое, совершенно не нужное королю государство. О чем король неоднократно и заявлял. Что значат в этом контексте слова «оккупировали мою землю»? В 1917 году она была оккупирована? А в 1925-м, когда он родился? А летом 1948-го, когда там стояли королевские войска? Но не королевские солдаты заставили его покинуть дом.

Семья Хабашей оказалась после своего исхода из Лода в Иордании, Джордж Хабаш умер и похоронен в Иордании. Это совсем недалеко: та же земля, те же люди, тот же (с несущественными оговорками) язык, тот же менталитет (ну, допустим, не тот же, но уж во всяком случае, очень близкий). Вчера жил под властью английской королевы – сегодня живет под властью хашемитского монарха. Человек, перебравшийся из Рязани в Тверь, находится в изгнании?

Кроме того, если говорить не вообще, а в частности, до описываемых событий Джордж Хабаш жил в Бейруте, куда потом благополучно вернулся и прожил там еще четыре года. Взятие израильянами Лода никак на его решение не повлияло. После завершения учебы он работал в Аммане – вполне возможно, что останься Лод под королевской властью, Хабаш все равно работал бы в Аммане: столица.

Семья Хабашей потеряла дом и уже никогда не вернулась в город, который она считала своим. Конечно, они были жертвами войны и заслуживают сочувствия. Война в Палестине была продолжением самой большой в истории человечества войны, унесшей более шестидесяти миллионов жизней, десятки миллионов были искалечены, остались без крова, голодали. Депортации, интернирование, изгнание населения были обычной практикой, причем отнюдь не только национал-социалистов и коммунистов. Израильяне в Войне за независимость не сделали ничего такого, чего не делали ли бы в то время в других странах. Причем в ситуациях куда менее критичных, чем это было в Лодде. Десятки миллионов людей стали беженцами, лишились семьи, претерпели ужасные страдания,

были брошены на другой край света, в совершенно чужой социум, без средств к существованию, без знания языка, с неподходящим климатом. Число еврейских беженцев из арабских стран сопоставимо с числом арабских беженцев в Палестине. А сколько беженцев было за прошедшие после войны десятилетия?! И конца этому не видно.

Говоря об изгнании арабов из Лода, важно помнить, что изгнания и убийства евреев во время этой войны, фактически начавшейся задолго до провозглашения Государства Израиль, были обычным явлением. На территории Палестины, вошедшей после войны в состав Израиля, остались сотни тысяч арабов, на территории Палестины, поделенной между Египтом и Иорданией, – ни одного еврея! Ни одного! Факт, кажется, не требующий комментария?

Евреев изгнали из Лода за двенадцать лет до изгнания арабов. Джорджу Хабашу было одиннадцать: должен был помнить. Или к нему это совсем не имело отношения? Да с какой стати это должно было его занимать?! Всякую ерунду не упомнишь. То они, а то мы: как можно сравнивать! Это что, хоть как-то оправдывает случившееся с ним? Он испытал боль, которая сопровождала его потом всю жизнь. Страдание, которое испытываешь ты по этой самой причине, всегда самое большое. Чужая кровь не липнет к телу, только к коже – так уж сделан любой приличный человек.

Джордж Хабаш и его товарищи сумели сделать из своего страдания политический бренд, каких мало, причем с годами не только не тускнеющий, но все прибавляющий блеску, вот уже шестьдесят лет находящийся в центре мирового общественного внимания, – сегодня не меньше, чем тогда. Ни с одной другой группой беженцев этого не случилось. Проблема палестинских беженцев при желании могла бы быть разрешена, но в значительной мере она поддерживалась искусственно: усилиями арабских стран, СССР и ООН, которые несут прямую ответственность за страдания, воспроизводство и разжигание ненависти и намеренное разращение многих поколений палестинских арабов, ставших марионетками в большой политической игре. Одних талантов Джорджа Хабаша отнюдь не хватило бы. Но свой вклад он внес.

Бронетанковым подразделением, захватившим Лод, командовал Моше Даян (1915– 1981), опытный офицер, ставший через месяц командующим Иерусалимским фронтом. Это был первый в израильской армии опыт широкого танкового маневра, неожиданная дерзкая операция, вызвавшая панику в рядах Арабского легиона – самой боеспособной тогда воинской части во всем арабском мире.

В 1967-м во время Шестидневной войны, когда Моше Даян был министром обороны, он сам призывал арабов не покидать свои дома, не уходить за Иордан. Акция, до сих пор подвергающаяся самой жесткой критике со стороны израильских правых. Было понятно, что бегство арабов будет несомненно представлено как насильственное изгнание. Израильское правительство было по горло сыто такого рода обвинениями. Вспоминал ли Даян изгнание арабов из Лода?

Джордж Хабаш. На стене наглядная агитация: свастика и звезда Давида уравнены – этому его научили в Москве.

От Лода до Лода

Отец Джорджа Хабаша был человеком небедным, война его не разорила, и послевоенная судьба Джорджа сложилась вполне благополучно. Он продолжал учиться, в 1951 году окончил кафедру медицины в Американском университете Бейрута – самом либеральном учебном заведении на Ближнем Востоке, если не считать, конечно, университеты Израиля. Кстати, тот же университет окончили и человек номер два в созданной им впоследствии партии – друг и соратник Вади Хадад, и недавно убитый в Дамаске Имад Файез Мугни – человек уже совсем другого поколения. По иронии судьбы именно Американский университет был на протяжении десятилетий альма-матер людей, посвятивших себя борьбе против американского империализма.

Джордж Хабаш мог бы лечить людей, – благородное занятие. Он был детский врач. Несколько месяцев он действительно практиковал в лагере палестинских беженцев в Аммане, но это занятие быстро ему прискучило: его влекла хирургия, но не медицинская, а социальная.

Он создал арабское националистическое движение, готовил восстание против реакционного короля, за что и оказался в конце концов в иорданской тюрьме. Выйдя из тюрьмы, усовершенствовал политическую формулу, которой никогда уже не изменял. Он осуществил синтез национализма и марксизма-ленинизма.

В августе 1967 года его формула обрела военно-политическую плоть: он организовал Национальный фронт освобождения Палестины (НФОП), или «Красные орлы» – поэтическое именование, обнаруживающее тягу к прекрасному. Он стал бессменным генеральным секретарем НФОП вплоть до 2000 года. Август 1967 года не случаен: создание НФОП – ответ на поражение арабского мира в Шестидневной войне, поиск новых форм борьбы с сионистским врагом.

Лозунгом НФОП была борьба против сионизма как неокOLONиализма и порабощения народов еврейским капиталом и освобождение оккупированной сионистами Палестины. «Освобождение» означало (и означает сегодня) уничтожение Государства Израиль. В этом Джордж Хабаш был принципиален и последователен. Не мог поступиться принципами. Был убежденным противником Осло. Тактическая «мирная» риторика была для него совершенно неприемлемой, идея признания Израиля даже на словах – чистой воды предательством. Отречься от идеалов? От идеалов не отрекаются. Язык не поворачивался говорить о праве еврейского государства на существование. В этом был корень его расхождений с Ясиром Арафатом. Арафат, должно быть, считал Джорджа Хабаша твердолобым идиотом: простых вещей не понимает.

В отличие от коллеги Арафата, Джордж Хабаш ориентировался в первую очередь не на арабские страны, а на Москву и Пекин. Там были его спонсоры, они предоставляли оружие, техсредства, спецсредства, инструкторов, тренировочные базы (в СССР, ГДР, Болгарии, в зависимой от СССР Сирии), осуществляли оперативное прикрытие, занимались совместным стратегическим и оперативным планированием, снабжали идеологической литературой.

Чем прославился Хабаш? Что нового привнес в теорию и практику террора? Чем заслужил титул «мудреца»?

Именно он придумал захваты самолетов и теракты в аэропортах. Он стоит у самых истоков этого ужаса, он стоит у истоков 11 сентября. Именно ему пришла в голову идея человека-бомбы, использованная, правда, однократно, и что характерно, в аэропорту, и развитая много позже совсем другими людьми.

Убийство гражданского населения, разумеется, придумал не он. Кто и когда с гражданским населением особенно церемонился? Но все-таки это был побочный эффект. В рамках концепции Джорджа Хабаша гражданское население стало главным, если не единственным, объектом террористических ударов. Сейчас все это более-менее общее место, так действуют «Хизбалла», «Хамас», «Аль-Каида», да ведь и колесо – общее место: все общие места кем-то и когда-то изобретены. Ион Михай Почепа, который в бытность свою начальником румынской внешней разведки неоднократно встречался с Джорджем Хабашем, цитирует его слова: «Убийство одного еврея вне поля боя эффективнее, чем убийство сотни евреев в бою, поскольку оно привлекает больше внимания». А еще больше внимания оно привлекает, если совершено не в Израиле, а за границей.

Джордж Хабаш наладил широкую кооперацию с террористическими организациями разных стран: ему удалось интернационализировать террор, придать ему глобальный масштаб.

Конечно, подвиги Джорджа Хабаша с коллегами по сравнению с 11 сентября могут показаться детскими игрушками. По масштабу теракта, по числу жертв, по общественному резонансу – безусловно. Но ведь он все это придумал, ему принадлежит

патент. Разработавший и осуществивший этот теракт Мухаммад Ата был хотя прилежным и творческим, но всего лишь учеником. Отличником.

В 1968 году «красные орлы» Джорджа Хабаша захватили первый израильский самолет. В 1970 году – одновременно четыре самолета, три из которых направили в Иорданию и взорвали. Эта акция, наряду с некоторыми другими (палестинские боевики чувствовали себя в Иордании как дома), переполнила чашу терпения короля Хусейна: он не стал ждать, пока неблагодарные гости вышибут из-под него трон, нанес превентивный удар и очистил королевство от палестинских боевиков, не проводя особого различия между вооруженными людьми и их гражданским окружением в палестинских лагерях. В палестинской летописи эти события получили название «Черного сентября».

В 1972-м совместно с японской «Красной армией» НФОП устроил бойню в тель-авивском аэропорту. В 1976-м совместно с группой «Баадер-Майнхоф» захватил самолет, летевший из Афин в Париж, и угнал в Энтеббе (Уганда). Самое громкое его дело. Завершившееся, правда, провально: израильские десантники прилетели в Африку, перебили «орлов» и освободили заложников.

Теракт в аэропорту в 1972 году имел для Джорджа Хабаша особое значение: аэропорт называют тель-авивским, но это же Лод! Каким ужасным эхом откликнулось.

Смена «орлов»

С распадом СССР и мировой коммунистической системы НФОП потерял главных спонсоров и патронов. Да и марксизм перестал быть ходовым товаром. Так проходит слава мирская! Муллы потеснили товарищей. «Хамас» уверенно обошел НФОП.

В 2000 году Джордж Хабаш ушел на покой. Трудно судить, было это его собственное решение или потеснили молодые «орлы». Что-то мне другие такие пенсионеры неизвестны. Впрочем, к этому времени он действительно был тяжело больным человеком.

На смену патриарху пришел Абу Али Мустафа, правая рука Хабаша с эпических времен создания НФОП. Как и Хабаш, он жил в эмиграции. Эхуд Барак, бывший в то время премьер-министром Израиля, лично разрешил террористу вернуться в Палестину в обмен на отказ от террористической деятельности. Абу Али Мустафа оказался «хозяином своего слова», тем более что, данное сионистскому врагу, оно было заведомо не обязательно для исполнения. Цель очевидным образом оправдывала средства. Он организовал череду кровавых терактов в Израиле, в том числе взрыв на иерусалимском шукке (рынке). В 2001 году Абу Али Мустафа был убит. Его гибель – образец ювелирной точечной ликвидации: израильский вертолет направил ракету в окно кабинета террориста в Рамалле, где тот планировал очередную акцию.

Несмотря на многие свои достижения в конвейере смерти, которому Абу Али Мустафа посвятил жизнь, масштаб у него, по сравнению со знаменитым предшественником, был много скромнее. А вот наследовавший ему Ахмад Саадат сделал нечто такое, что по своему общественному резонансу вполне сопоставимо с деяниями Джорджа Хабаша: под его руководством НФОП организовал и успешно осуществил убийство министра туризма Израиля Рехавама Зеэви – ответ на ликвидацию Абу Али Мустафы, последовавший через пару месяцев. Какая еще террористическая организация могла бы похвалиться убийством израильского министра? Да никакая. «Хамас» отдыхает!

Мало того, Рехавам Зеэви по прозвищу Ганди был не просто одним из израильских министров – он был едва ли не самым радикальным политиком правого фланга, он был символом правого Израиля, он был символом жесткости по отношению к арабам, сторонником трансфера, хотя и, что важно, ненасильственного. Свое дружеское прозвище Рехавам Зеэви получил отнюдь не за миролюбие и призыв к ненасильственному сопротивлению, чем прославился вовсе не похожий на него Махатма Ганди, а потому что во время службы в армии любил на досуге заворачиваться в простыню. Учитывая, кем был Махатма Ганди и кем – Рехавам Зеэви, это, уже не отделимое от него, прозвище звучало особенно остро. Все, кто был правее Ганди (не Махатмы, а Рехавама Зеэви), были уже заведомо неизбираемы. Ничем не был похож израильский Ганди на Ганди индийского – смерть оказалась похожа: оба пали от руки террориста.

Гибель израильского Ганди стала торжеством всего террористического мира. НФОП, как в былые времена, оказался в центре общественного внимания. Ахмад Саадат купался в лучах славы. Кто сказал, что НФОП исчерпал себя? Однако это был первый и последний крупный успех НФОП после отставки Хабаша.

Из тактических соображений Арафат, декларировавший отказ от террора и заблокированный в своей резиденции израильскими войсками, осудил политическое убийство и даже был вынужден арестовать Саадата – демонстрации сотен вооруженных радикалов, вставших на защиту борца с сионистской оккупацией, не помогли: Арафат умел обращаться с палестинской улицей. Террор против Израиля входил в концепцию Арафата в той же мере, как дистанцирование от него в речах на английском языке. Он цинично использовал НФОП в собственных политических целях. Боевики НФОП прекрасно это понимали, приходили в ярость, но ничего не могли поделать.

Ты не узник: ты уважаемый гость, – сказал Саадату Арафат и заключил его в тюрьму в Иерихоне, где тот содержался в условиях, скорей напоминающих гостиничные. Контроль за заключенными осуществляли американские и британские инспекторы. В 2006 году после победы на выборах «Хамаса» власти автономии заявили о своем намерении освободить узников, а также о том, что не могут гарантировать безопасности инспекторов, – те удалились. Тогда вмешались израильские десантники. Тюрьма представляла собой крепость. В руках у номинальных узников появилось оружие. Но иерихонские стены вновь пали.

Ахмад Саадат поклялся, что не дастся израильтянам живым, что готов к смерти, встретит ее в бою, покажет, как умирают настоящие шахиды. Заявление было растиражировано в средствах массовой информации по всему миру. У Саадата и его товарищей были все шансы пополнить ряды святых мучеников, стяжать славу. Далее все развивалось по сценарию «Брата-2», где русский гангстер отдает себя в руки американской полиции с криком: «Русские умирают, но не сдаются!». Несостоявшийся мученик сидит теперь в израильской тюрьме, где условия не столь привольны, как в иерихонской.

Встреча в аэропорту имени Бен-Гуриона заложников, освобожденных в Уганде.

1976 год.

Выбери жизнь

Джордж Хабаш был человеком талантливым и энергичным. Он положил жизнь ради спасения своего народа. Он так считал. На самом деле – вверг его в пучину новых бедствий, деятельно способствовал гибели и новому изгнанию сотен и тысяч, как это было в Иордании в 1970-м (эпические времена), приложил все силы, чтобы народ его застрял в безвыходном историческом тупике.

«Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло<...> Жизнь и смерть предложил я тебе<...> Избери жизнь» (Дварим, 30:15, 19). Это щедрое библейское предложение адресовано народу Израиля. Но оно адресовано каждому человеку: еврею и нееврею. Иные проживают жизнь, даже не заметив предложенный им выбор. В случае Джорджа Хабаша он предстает в художественной простоте и выразительности: Хабаш начинал как детский врач, но предпочел не сохранять жизнь, а разрушать ее. Любовь к своему народу он подменил ненавистью к Израилю. Наполнил свою жизнь ненавистью и смертью. Избрал смерть. И совратил многих на то же самое.

Речь не только о его деятельных товарищах: речь идет о культе смерти, о приоритете смерти, продолжающих разрушать сознание палестинских арабов, накрывающих волной арабские и сопредельные страны. Люди, участвующие в терроре пассивно или даже вовсе не участвующие, но дышащие этим воздухом смерти, оказываются опасно инфицированными. Конечно, не он один был отравителем колодцев, но он был одним из самых ярких и эффективных.

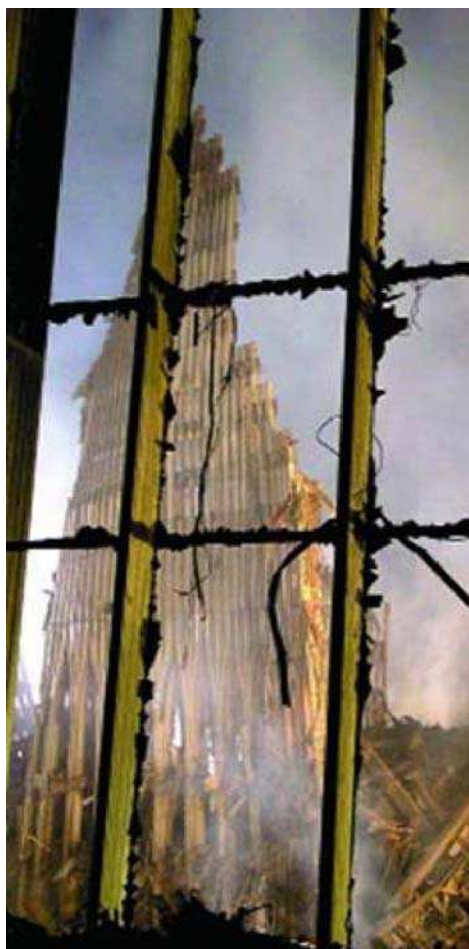
Чего Джордж Хабаш добился? Он хотел уничтожить Израиль – что из этого вышло? Израиль жив – Хабаш мертв.

Он начал свою революционную деятельность в начале пятидесятых – за это время Израиль из начинающей, в общем-то третьесортной, страны превратился в региональную сверхдержаву, одну из самых развитых стран мира. В конце шестидесятых он изобрел угон самолетов – сегодня аэролинии безопасны как никогда. Он хотел свергнуть короля – король изгнал палестинских беженцев из королевства, где жить им было комфортней, чем где бы то ни было. Более того, король простил его и милостиво

разрешил старому, больному врагу доживать в Иордании – унижительная милость. Он боролся за секулярную модернизацию арабского мира – умирая, он видел едва ли не повсеместное торжество исламского фундаментализма, некогда казавшегося ему отживающей исторической формой. Социализм советского типа представлялся ему оптимальной социальной моделью, неизбежное торжество которой он приближал своей борьбой, – восхищавшая его модель оказалась нежизнеспособной: коммунистический лагерь рухнул. Некогда самая влиятельная военно-политическая организация после «Фатха», на выборах 2006 года в Палестинское национальное собрание НФОП получил унижительные четыре процента, и не считали ли это еще успехом?

Джордж Хабаш сокрушительно проиграл по всем своим ставкам.

А ведь казалось – оседлал волну истории, сам был ее творцом, славен и любим, удачлив и победителен, истинный ньюсмейкер, за что ни брался, все получалось, по одному слову его взлетали и приземлялись самолеты, куда велел, туда и летели, когда хотел, тогда и взрывал, границы были проницаемы, весь мир был оперативным полем, тюремные замки Европы по одному слову его распахивали свои двери и выпускали боевых товарищей, жизнь сотен и тысяч зависела от одного его слова, могущественные враги, да, ненавидели, но ведь такая ненависть возвышает, и все их армии и все их Джеймсы Бонды были бессильны, и все их могущество не стоило ломаного гроша – такие вещи не могут не опьянять.

В основе мегатеракта в Нью-Йорке модель, введенная в оборот Джорджем Хабашем, – правда, развитая и усовершенствованная.

Понятно, история не терпит сослагательного наклонения, но если представить себе невероятное – что Джордж Хабаш и его товарищи, вопреки духу времени, направили всю свою энергию на созидательные цели, что они выбрали жизнь, – как знать, может быть, рядом с Израилем существовало бы сейчас мирное и процветающее арабское палестинское государство, чьи жизненные стандарты, благодаря тесным экономическим связям с Израилем, были бы предметом зависти для всего арабского мира? Да ведь как пойти против духа времени? Свои же и убили бы.

Патриарх террора, Джордж Хабаш пережил своего преемника. Но пришел и его черед. Хабаша похоронили в Акабе, совсем рядом с курортным беззаботным Эйлатом. На похоронах собралось несколько тысяч друзей, коллег, учеников, поклонников. Вся радикальная палестинская «левая» была здесь. Выкрикивали проклятия в адрес Израиля и мирового империализма. Слово «смерть» повторялось беспрерывно: смерть Израилю, смерть Америке! Проклинали продавшегося сионистам и империалистам Махмуда Аббаса, объявившего в честь именитого покойника траур и приспустившего флаги. Гнусный лицемер. Приватизатор чужой славы. Мертвые хоронили своих мертвецов.

Nòiyě í ðàéðàññ ùé çèì í éé àáí ù

Nààò èèì ññéí óá

Áóè èáñ-àéøéé ààò àññé

Áùéí òáí'èí, í í í á æàðéí.

Nàì úá í ò-àýí í úá, àíéæí í áùò ù èç ðíññé, éóí'áéèññ

Í í ðá áùéí ññéí èì, í ááí - àíéóáùì.

Óááèè ðíçí.

Í í çàééáó ññéí èç èéè ýòò ù ñ ðàçí í óááò í ùì è í áðññàì è.

Áíðù í í í àì í í ñó ì áí ýéè ññé é óááò.

Ýééàò ññéý í áááðæéí àý áùéà í í éí à àíéýðùéé

^[1] Евсевий Кесарийский (260–340) – в христианской традиции один из Отцов Церкви, заслуживший именование «отца церковной истории».

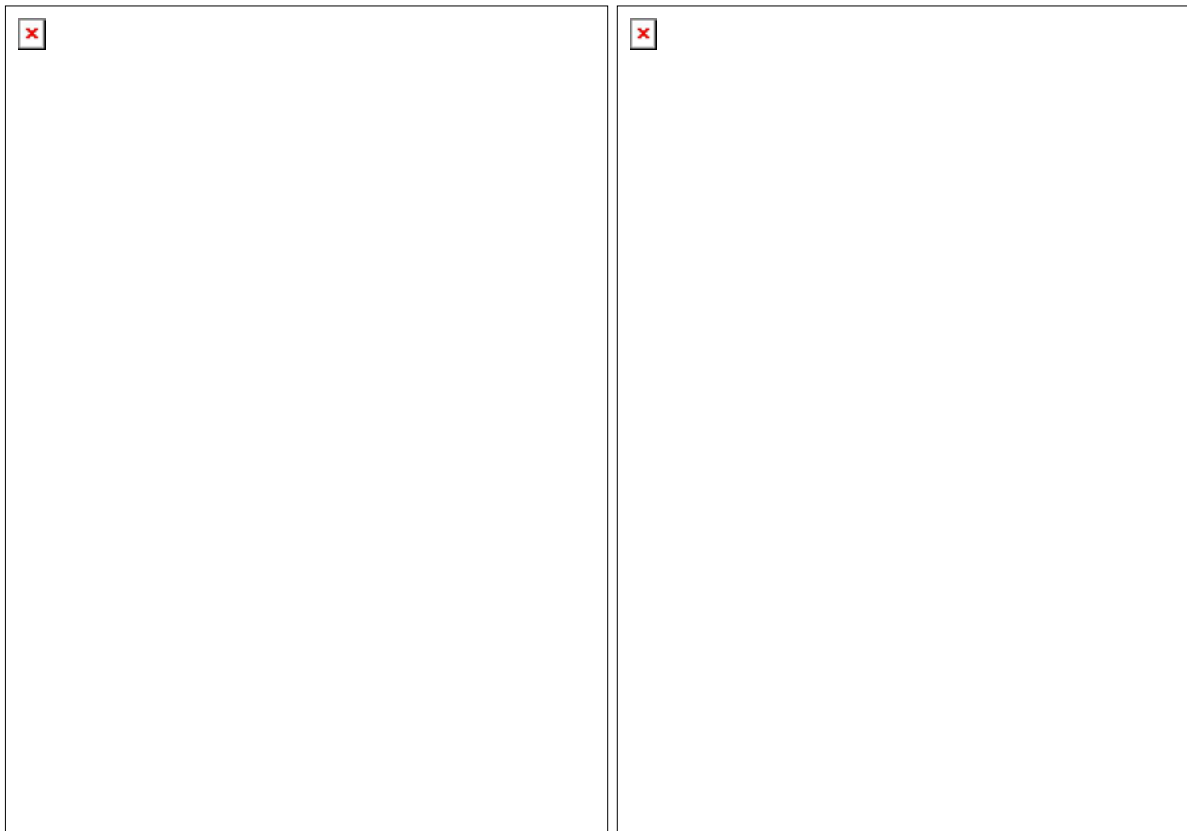
^[2] «О палестинских мучениках». Цит по: Библейская энциклопедия. М., 1891. Репринтное издание. М.: Терра, 1990. С. 432.

^[3] Блаженный Иероним (между 340 и 350–420) – в христианской (западной) традиции один из Отцов Церкви, создатель Вульгаты – первого перевода Библии на латынь с еврейского языка. При переводе консультировался с раввинами.

ДВЕ «СТЕКЛЯШКИ» В РУКАХ ИСТОРИИ

Áíðeñ Áóò íáñéé

О существовании двух фотографий Исаака Бабея, снятых Татьяной Тэсс, исследователям творчества писателя было известно. Да и сама Татьяна Николаевна упоминала о них в своих воспоминаниях. Но мало кому известно, с чьей легкой руки и при каких обстоятельствах она, прежде никогда не державшая в руках фотокамеру, сделала их. В редакции журнала оказались два снимка, переснятые со «стекла» известным художником Борисом Жутовским, другом Татьяны Тэсс. Он же рассказал историю возникновения фотографий. Научный сотрудник Одесского литературного музея Елена Яворская дала нам справку, что фотографии эти публиковались лишь несколько раз и порознь. Мы впервые публикуем оба фотопортрета вместе, причем такими, какие они есть, со всем «мусором», как выражаются профессионалы.

– Танька, ты дура!..

– Почему, Рома?

– Так сними его на карточку. Он никому не дает, а тебе даст!

– Но я же не умею, Рома!

– А я тебя научу. Посадишь Исаака в это кресло, зажжешь лампочку. Аппарат на штативе поставишь сюда. Посмотришь в эту дырочку, чтобы Исаака было видно.

Потом выдвинешь железную пластиночку. На этом тросике нажмешь кнопочку и скажешь: двадцать один, двадцать два, двадцать три, отпустишь кнопочку, задвинешь пластиночку, вынешь кассету. Вставишь вот эту, вторую, пластиночкой от себя. Выдвинешь ее, как первую, нажмешь кнопочку: двадцать один, двадцать два, двадцать три. Выдвинешь пластиночку и все отдашь мне. Поняла?..

Начало 30-х годов прошлого века. пляж на шестнадцатой станции. Лето. Одесса. Терраса дачной халупы. Худой, загорелый, молодой кинооператор Рома Кармен и молодая, привлекательная, энергичная начинающая «репортерка» Таня Сосюра, дочь недавнего хозяина ассенизационного обоза города Одессы Николая Сосюры. Мужчиной Тани на тот момент был знаменитый и таинственный Исаак Эммануилович Бабель. Уговорить его сфотографироваться не удавалось никому. Техника того времени была громоздка и нетороплива. Сфотографировать незаметно и мгновенно, как это делают порою сейчас, было невозможно. Да и вообще, без согласия «клиента» – неприлично. Тогда «неприлично» еще считалось.

Сообразительная Таня все сделала, как сказал Рома. Два стеклянных негатива 6х9 сантиметров оказались в руках Истории.

По рассказу Татьяны Николаевны, глядя на одну из фотографий, Исаак Эммануилович, вздохнув, сказал: «Вот в борьбе с этим человеком и проходит вся моя жизнь!»

Я познакомился с Татьяной Николаевной Тэсс (псевдоним Тани Сосюра) где-то в начале 1960-х годов в доме Владимира Львовича Кассиля, старшего сына знаменитого писателя Льва Кассиля, чья книга «Кондуит и Швамбрания» была для ребят тех времен не менее любима, чем для сегодняшних книжки про Гарри Поттера. Дом был красивый, хлебосольный, гостеприимный. Володя и его жена Вера – оба серьезные врачи-доктора – очень любили и берегли друзей, как Льва Абрамовича, так и своих. Татьяна Николаевна досталась им от Кассиля-старшего.

Она была легка на подъем, по-журналистски любопытна, по-своему хороша и неизменно доброжелательна.

По первому зову готова была пропустить рюмочку и поговорить-посплетничать про жите-бытье.

Те времена в нашей стране отличались от сегодняшних глухой, непреодолимой закрытостью, слухи и сплетни были единственной формой, утешающей страх и любопытство живущих. Татьяна Николаевна была громкой журналисткой важной газеты «Известия». Темой ее публикаций были женские судьбы, осторожные неурядицы существования, трудовые подвиги, – словом, угодная власти журналистика. Заметная доля вздохов и паточки, полное отсутствие «аллюзий» и фиги в кармане, верная служба власти – такую судьбу выбрала для себя Татьяна Николаевна. Она хотела и умела жить хорошо и красиво. Никогда не принимала участия ни в чем «против» или «не согласна». Дружила со многими известными талантами своего времени – Львом Кассилем, Ираклием Андрониковым, Аркадием Райкиным. Когда у кого-то из журналистской братии возникали «неурядицы», она говорила: «Защищать не могу, а денег дам сколько надо».

Такую судьбу выбрала Татьяна Николаевна.

Когда оглядываешься на прожитые лихолетья советской жизни, по сложившейся в России исторической традиции вспоминаются в первую очередь люди, протестовавшие в той или иной форме против существовавшего режима. Курбский, Радищев, Новиков, декабристы, народовольцы... Уже в советские времена Авторханов, диссиденты, Солженицын, Сахаров. Но кроме них и Власти жили-были, творили, составлялись и великие ученые, писатели, художники, просто люди, которые хотели жить хорошо и покойно, сытно и удобно. Забывать их, не помнить, вычеркивать – в моем представлении неправильно. Татьяна Николаевна относилась именно к этой части людей, живущих на 1/6 части суши, обнесенной большевиками колючей проволокой – от периметра страны до внутренних островков существования.

Она относилась ко мне добро, доверительно и однажды дала мне две стекляшки негативов той, легендарной теперь съемки. Я отпечатал их себе, а теперь делюсь памятью с вами, милый читатель.

МОЙ ПЕРВЫЙ БАБЕЛОН

На четыре вопроса отвечают: Давид Маркиш, Михаил Одесский, Давид Фельдман, Асар Эшпель

Àáííáò ááááò Àòáí áííé Í àí ááíá

Середина июля 1985 года. Ночь. Через месяц я оставлю Баку, перееду в горбачевскую Москву. Холодно прощаюсь с городом, он же, напротив, одаривает последними знаками внимания. Один из них – коротенький рассказ о Бабеле. К нам в гости приходит актер театра Рауф Ханджанов – между прочим, шекинский хан, – и я провожаю этого эстета и интеллектуала, вывожу из «бермудского треугольника» – нашего блатного района Кёмюр Мейданы. А он с подобающим актеру мастерством рассказывает мне, как сдружился однажды в пансионате с Алексеем Яковлевичем Каплером и как тот поведал ему совершенно головокружительную историю. Оказывается, Каплер последним видел Исаака Эммануиловича: Каплера вводили на допрос, а Бабеля выводили. Бабель был без очков, глаза его медленно подступили к Каплеру, передавая по эстафете тщету простой человеческой правоты. Бабель не поздоровался с кинодраматургом: не до знаков внимания на сталинской одной шестой. Каплера усадили на тот же самый стул, на котором сидел Бабель. Он окинул взглядом стол и увидел две папки. На одной стояла печать: «Хранить» – то был его, Каплера, сценарий, на другой: «Уничтожить» – роман Бабеля. Роман – о чекисте, возвратившемся в родную деревню (местечко?) строить новую власть, роман о земле и крестьянстве... По заверению Каплера, Бабель писал его давно, прятал в сундуке, иногда доставал что-то подправить и снова прятал. Случалось, читал друзьям отрывки. Одним из слушателей был Алексей Яковлевич. Он не сомневался в том, что буде роман дописан и уцелей, мы открыли бы для себя нового Бабеля – романиста. Предстоящий отъезд, волнующая опасность налитых свинчаткой улиц, ощущение причастности к тайне – пусть и через «вторые руки» – запомнились мне. Не читанный тогда мною Бабель заочно стал любимым писателем. Но, что бы ни читал я впоследствии у него, пресловутая папка с треугольной печатью всплывала перед глазами: «Почему о чекистах? Чтобы в итоге оказаться на том самом стуле, под той самой лампой?..» Вместо ответа – перечитываю «Сына рабби» и вновь обретаю мой бабелевский Вавилон – вернее, мой первый Бабелон.

БАБЕЛЬ-ЛЮТОВ МОГ, В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ, ЗАРУБИТЬ ГУСЯ

Давид Маркиш,

писатель

– Не раз ловил себя на том, что фамилия Исаака Эммануиловича как-то нелепо звучит во множественном числе. Необходимо совершить некое усилие над собой, проделать путь в прошлое, к Талмуду, идишу, допогромной почтенной Одессе, чтобы «оправдать» словосочетание: «Семейство Бабелей» или «Дом Бабелей». Это грамматика выкидывает коленца или таково «вавилонское» свойство фамилии? А может, дистанция, выработанная уникальным стилем, блистательным писательством, обеспечила Бабелю будущее в единственном числе?

– Не уверен, что звучание фамилии Бабель напрямую или опосредованно связано со словом «Бавель» («Вавилон» на иврите). Привести какие-либо доказательства в пользу такой трактовки сегодня, строго говоря, невозможно – остается опираться лишь на красивые предположения. К тому же еврейские фамилии в России – за недолгий, в исторической ретроспективе, век их существования – подвергались трансформации. По одной из версий, прадед Исаака Эммануиловича носил фамилию Бобель, звучащую для русского уха несколько неблагозвучно. В иноязычной среде, в частности русской, многие еврейские фамилии представляются неблагозвучными. «Иванов», к примеру, звучит куда приятней, чем «Срулевич»; это данность, ничего с этим не поделаешь. Впрочем, к часто повторяемым фамилиям скоро привыкают и абстрагируются от ассоциативного смысла, заключенного в рамке слова. «Абрамович» сегодня ассоциируется с миллиардным богатством и футбольным клубом «Челси», а не с каким-то неведомым местечковым Абрамом, давшим имя своему роду. Что же до «Бабеля», звучание этого слова никогда не резало мне слух.

– Мне казалось и поныне кажется, что даже еврейю-интеллигенту, интегрированному в среду воюющего казачества, обеспечившему саблей «облегченный» вариант иудаизма, никогда не удастся стать в полной мере лютым зверем и остаться им: лютость звериная противоречит Талмуду, самому току еврейской крови. Зачем же Бабелю понадобился военкор Лютов, еврей, восхищающийся лютостью красных казаков? Как литературный ход, обеспечивающий некую степень отстраненности от конармейского цикла? Но Бабель очень рациональный писатель – этого бы для него было мало? Вы согласны с

вашим братом Шимоном Маркишем, писавшим, что Лютов – еврейская половина Бабеля, жаждущая обрести вторую, революционную, но при этом не теряя первой?

– Думаю, что совершенная лютость может овладеть всяким человеком, евреем в том числе. Все дело в обстоятельствах и степени одичания. Военкор Кирилл Лютов не одичал на войне, среди казаков – хотел, казалось бы, но не одичал. Влекомый своим великолепным творческим любопытством, он хотел «быть как все» на той дикой войне, в том гиблом польском походе. Ничего из этого не вышло, мы убеждаемся в этом, вчитываясь в «Дневник 20-го года»; Бабель-Лютов мог, в лучшем случае, зарубить гуся – но не зарезать человека. Зачем Исаак Бабель стал Кириллом Лютовым? Потому что еврей Бабель был белой вороной в чужеродной и чуждой ему казачьей среде, которую он, как истинный писатель, стремился познать и понять «на равных». Для того чтобы осуществить задуманное, ему надлежало перевоплотиться в Лютова, русского человека. Но «еврейская половина» перевешивала... Характерно, что, вернувшись с войны, Бабель больше не использовал свой армейский псевдоним.

– Вячеслав Полонский писал, что Бабель в своих произведениях ходит по лезвию бритвы – вот-вот сорвется в пошлость, что не все метафоры у него удачны. Возможно, Полонский отчасти прав, но, по мне, куда хуже, что современная отечественная литература вообще избегает метафор, более того, метафоричная, «излишне» художественная проза стала как бы признаком дурного тона. О чем это говорит – о черствости душевной или об извращенном взгляде на искусство вообще и литературу в частности?

– Бабель уже при жизни узнал известность и славу. Он создал свой литературный мир, со своими неоспоримыми правилами и законами – и взошел в этом мире на царский престол. Бабелевские метафоры уходят далеко за горизонт русской литературы. Только Юрий Олеся может с ним соперничать в этом волшебном деле. Современная русская литература, как и вся русская культурная жизнь, зияет многими пробелами. Примеры таких зияний – исчезновение с литературного поля пейзажа, портрета, метафоры. Быть может, это просто дурная мода, большое поветрие – умышленно не использовать перечисленные ювелирные инструменты литературы. А может, на фоне общего культурного декаданса писатели разучились ими пользоваться.

– Какой рассказ Бабеля вы любите особой любовью?

– Среди шедевров Бабеля мой любимый рассказ – «Иисусов грех».

ИСТОКИ БАБЕЛЕВСКОЙ ПОЭТИКИ В ИУДЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Михаил Одесский,

филолог, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ

– Вы согласны с Шимоном Маркишем, что «Закат» оказался началом и бабелевского заката: «“Великий перелом” переломил хребет и ему. Будут еще взлеты, и высокие, но уверенного, последовательного подъема больше не будет»?

– Действительно, «Закат», наверное, не лучшее произведение Бабеля. Это – с одной стороны. С другой – формулировка Маркиша мне представляется излишне «журналистской» и ригористической. Во-первых, Бабель, мягко говоря, не самый плодовитый автор и оценочно избавляться от его текстов – непростительное расточительство. Во-вторых, Бабель практически всю литературную жизнь прожил в условиях тоталитарного общества, далеко не благоприятных для свободной творческой реализации и требующих обязательного политического маневрирования. Применительно к его писательскому пути я не вижу какой-то точки решительного превращения эпохи свободы в эпоху «великого перелома», и уж точно не должно толковаться в качестве такой точки время написания и постановки «Заката» (1926–1928): в частности, «Конармия» дорабатывалась после «Заката». Более того, если строго рассмотреть «Конармию», то и там есть строки о Ленине, отнюдь не безукоризненные с точки зрения либеральной идеологии (и правдоподобия). В-третьих, жизнь писателя оборвалась неожиданно, трагически, безвременно. Разумеется, с философской или религиозной точки зрения, можно утверждать, что путь писателя таков, каким он должен быть, каким он, так сказать, «запланирован» и предустановлен. Однако такой подход представляется мне некорректным. И поздний Бабель порой поражает как своей всегдашней силой, так и зрелой («закатной»!) пронзительностью, чаянием невозможного бегства. 1936 год, воспоминания о Багрицком: «Я вспоминаю последний наш разговор. Пора бросить чужие города, согласились мы с ним, пора вернуться домой, в Одессу, снять домик на Ближних Мельницах, сочинять там истории, стариться... Мы видели себя стариками, лукавыми, жирными стариками, греющимися на одесском солнце, у моря – на бульваре, и провожающими женщин долгим взглядом...»

– Как вы думаете, почему рассказ «Поцелуй» не вошел в «конармейский» цикл? «Поцелуй» ведь не только по сюжету, но и по фактуре, и по атмосфере мог бы его дополнить?

– Вопрос понятен, занимателен и важен: хотя «Поцелуй» был опубликован в 1937 году, он явно принадлежит, как вы говорите, к «конармейскому» циклу и (продолжая полемику с Маркишем) обладает бесспорными литературными достоинствами. Более того, известно, что рассказ «Аргамак», который, так же как и «Поцелуй», был напечатан после завершения «Конармии» (1932), тем не менее, при переизданиях включался автором в текст. Значит, загадка существует, и сразу скажу, что не знаю убедительной разгадки. В предварительном (!) порядке же можно напомнить один общий тезис. Место новелл в составе целого «Конармии» – от издания к изданию – менялось. Но эти текстологические

изменения, насколько я представляю, до сих пор не подвергнуты систематическому анализу, а без такого рода данных трудно установить, почему какая-то конкретная новелла вошла в цикл, а какая-то – нет. Остается фантазировать. К примеру, в «Аргамаке» разрешается одна из принципиальных тем «Конармии» – причащение интеллигента казачьему миру, и с этой точки зрения последняя фраза рассказа вполне подходит для текстов, завершающих цикл: «Сон мой исполняется. Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь». Напротив того, печальное завершение «Поцелуя» – эротическая победа, одержанная рассказчиком, становится скорбным фоном для смерти старого учителя и поражения красных, отступивших из Польши, – едва ли было ко времени во второй половине 1930-х (не исключено, что и раньше Бабель не отважился бы на подобное). Такая схема – одно из вероятных объяснений судьбы рассказа «Поцелуй». Впрочем, столь же вероятно, что рассказ не был включен по каким-то «случайным», то есть биографическим, экстралитературным мотивам.

– Виктор Шкловский писал, что Бабель обладал редким дарованием, а именно: «писать о триппере и о звездах одним языком». Не кажется ли вам, что истоки этого дара, мировосприятия напрямую связаны со знанием Агады?

– Во-первых, я совершенно согласен с тем, что контраст верха/низа значим для интерпретации поэтики (и мировосприятия) Бабеля. Кстати, в воспоминаниях о Багрицком (о которых шла речь) Бабель предложил еще одну замечательную формулу для описания своей художественной системы. Характеризуя личность умершего друга, мемуарист пишет: «И вот – охотничьи его рассказы стали пророчеством, ребячливость – мудростью, потому что он был мудрый человек, соединивший в себе комсомольца с Бен-Акибой». Во-вторых, я также согласен с тем, что истоки бабелевской поэтики следует искать в иудейской традиции. Однако в совместной статье с Давидом Марковичем Фельдманом («Литературное обозрение», 1995) мы предлагали рассматривать в качестве основного источника знакомства с этой традицией не Агаду, а хасидизм, встреча с которым (как демонстрируют дневники 1920 года) поразила писателя-конармейца. Упоминания о хасидах часты не только в дневниках, но и в тексте «Конармии». Более того, в невольных хасидов неожиданно превращаются красные казаки, чем, похоже, они и любопытны автору. В конармейцах Бабель увидел верующих, в польском походе – молитву, восторженную, вдохновенную, на пределе и за пределами физических и духовных сил, самозабвенный порыв к Б-гу. В новелле «Сын рабби» рассказчик Лютов повествует о смерти Ильи Брацлавского, сына цадика и большевика: «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я – едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, – я принял последний вздох моего брата». А ведь, как известно, в изданиях до 1933 года новелла «Сын рабби» венчала «Конармию», что придает особую весомость свидетельству Лютова о приобщенности к хасидской мудрости. Показательно, что официальный критик – по совместительству еврей-интеллектуал – Петр Семенович Коган вполне уловил хасидский подтекст «Конармии»: «Почувствует ли Бабель, что его дорога не там, где “с вытекшими глазницами стоит хасидизм на перекрестке яростных ветров истории”, а там, где напряженно, лихорадочно строятся новые формы жизни, где на беспредельных фронтах ведется беспримерная борьба за их торжество?»

– Ходили и продолжают ходить упорные слухи, что Исаак Эммануилович писал роман, что роман-де был о чекистах, я слышал, будто даже о конкретном чекисте, вернувшемся в свою деревеньку достраивать советскую власть. Насколько сие вообще вероятно, почему именно эта тема, и не связана ли она, пусть косвенно, с держательницей литературного салона, женой Ежова, Евгенией Соломоновной, с

давнишним сотрудничеством с иностранным отделом петроградской ЧК, с работой в колхозном правлении?..

– Сведения о последнем романе Бабеля, сгинувшем на Лубянке, давно доступны историкам. Например, в дневниках критика и редактора Вячеслава Полонского за 1931 год содержится информация об интересе Бабеля к теме «рождения колхозов», о его желании писать по-новому, о его не подлежащих публикации «сплошь контрреволюционных» произведениях, о работе в ЧК, о «жадности» «ко всему страшному», о «почти садистской страсти к страданиям» (цитирую дневник по публикации Аброскиной 2000 года – сейчас более полный вариант публикуется в «Новом мире»). Насколько можно судить, роман – при благоприятных обстоятельствах – мог попасть в печать и получиться одновременно советским и антисоветским, в любом случае – бабелевским и замечательным (опять же в порядке полемики с теорией «заката»). Вопрос о том, был ли роман полностью закончен и уничтожена ли рукопись сотрудниками НКВД/КГБ/ФСБ, на мой взгляд, остается (вопреки зловещему свидетельству Каплера) открытым. Что касается визитов к несчастной жене Ежова (и давней приятельнице писателей-одесситов), то не исключено (согласен), что среди причин был и болезненный исследовательский интерес к «кругам».

НЕТ ДОКУМЕНТА – НЕТ АРГУМЕНТА

Давид Фельдман,

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ

– Давид Маркович, наверняка вы работали с архивными материалами, вернувшимися «из мест заключения», по существу, из небытия. На отобранной чекистами папке с предполагаемым романом Бабеля могла стоять печать «Уничтожить» или ставить такие печати людям с холодной головой и каким-то там сердцем просто незачем было: свалили все в мешок – и сожгли? И еще: верите ли вы, что когда-нибудь в Президентском архиве обнаружат двадцать четыре папки с рукописями Бабеля? Хотя бы четыре из отобранных двадцати четырех?

– Начнем с начала. Я не знаком с актером Ханджановым, почему и не могу судить. Во-первых, насколько можно доверять его сообщению о писателе Каплере, во-вторых, насколько точно сказанное писателем было передано актером, наконец, я не знаю, насколько точно сказанное актером передано вами. Да, нечто похожее могло случиться. Но обычно рассказы писателей о себе и других писателях – та же беллетристика. Что касается штампа «Уничтожить», мне лично такое видеть не приходилось. А рукописи

Бабеля вполне могут появиться. Помнится, летом 1995 года проводилась бабелевская выставка, там присутствовали руководители соответствующих архивов, и я не мог добиться от них ответа на простой, вроде бы, вопрос: был ли составлен акт об уничтожении бабелевских материалов. Опрашиваемые мной архивисты не отрицали, что уничтожение материалов следствия проводилось только при составлении акта, однако настаивали, что у них нет ни акта, ни бабелевских материалов, изъятых при аресте и обыске. Звучало все это нелепо, но что поделаешь: люди служивые, лишнего им говорить не положено. Архивы же в большинстве своем открытыми так и не стали. Открытый архив – это доступная информационно-поисковая система, то есть каталоги, описи. Если этого нет, считайте, что архив закрыт. Выводы каждый может сделать сам.

– Бабеля отпускали за границу под честное слово Горького. То есть отпускали, но как человека не совсем благонадежного? Не коробило ли его такое отношение к себе? Сам какое-то время работал в ЧК, не мог не понимать, что герой-буревестник не вечен, а до Парижа становится все дальше и дальше. Почему он не остался там, ведь «выцарапать» его оттуда было бы тяжелее?

– Полагаю, Бабелю не нравилось любое ограничение свободы. А насколько его «коробило» – не знаю. И могу лишь догадываться, почему он не остался за границей. Во-первых, писатель живет гонорарами, которые у эмигранта были бы мизерными. Во-вторых, если бы Бабель остался за границей, за это ответили бы его родственники и друзья, о чем он не мог не знать.

– Роман о коллективизации «Великая криница» не был ли еще и тем самым пресловутым «романом о чекистах»? Мог Бабель обойтись без евреев и еврейства в «Великой кринице»?

– Полагаю, что и такое допустимо. Сказать точнее не могу: нет документа – нет и аргумента. Так называемая «еврейская тема» была органична. Бабелевские рассказы часто базируются на еврейской эзотерике. Кое-что об этом уже написано. Вероятно, когда-нибудь появятся и обстоятельные исследования. Не исключено, что «еврейская тема» доминирует и в «Великой кринице».

– Полки книжных магазинов пестрят сериями ЖЗЛ. Но почему-то до сих пор нет жизнеописания Исаака Бабеля. Еврейское счастье писателя-еврея? Осторожность издательства, наверняка выполняющего госзаказ? Вообще, возможно ли написать полновесную биографию Бабеля без одобрения и помощи организации, которая прервала его жизненный путь?

– По сути на эти вопросы я уже ответил. Да, пресловутая «еврейская тема» доминирует в прозе Бабеля, для адекватного восприятия бабелевского наследия необходимо знакомство с еврейской культурой. Теперь попробуйте представить себе, каково придется бабелевскому биографу. Попробуйте представить, как рассказать читателю (на уровне ЖЗЛ!) об ортодоксальном иудаизме и хасидизме, о еврейской эзотерике, о быте еврейской диаспоры, о событиях первой мировой войны и Гражданской войны, о польском походе и специфике быта Первой Конной, о литературной Одессе и литературной Москве 1920-х и 1930-х годов, о взаимоотношениях Бабеля с еврейской родней, а еще – о полководцах, чекистах, цензорах, критиках, чиновниках... При этом учтите: бабелевская биография толком не исследована – источниковая база крайне мала. Так что издательство «Молодая гвардия» тут вряд ли виновно... Кстати, не стоит в смерти Бабеля винить исключительно НКВД. Уничтожение писателей и не только писателей не в НКВД планировалось. НКВД – инструмент. Чекисты делали то, чего от них требовала

власть, а власть поддерживало большинство населения... Создать же научную бабелевскую биографию можно. И с помощью «компетентных органов», и без нее. Вопрос исследовательской прагматики.

БАБЕЛЮ БЫЛ ПО РУКЕ ЛЮБОЙ МАТЕРИАЛ

Асар Эпфель,

писатель

– **Вопрошаю вас и как почитаемого новеллиста, переводчика, эссеиста, и как человека, «виновного» в появлении нового «Заката» и фильма «Биндюжник и Король». Блок утверждал, что стиль величина метафизическая, художник не может без видимых причин, чаще всего трагических, расстаться со своим стилем. Если таковое происходит, то, по мнению Блока, не было никакого стиля, а одно лишь шарлатанство. Стиль Бабеля возможен исключительно в условиях короткого рассказа. А как вы думаете, мог Бабель, не разменяв монету, стать ко всему еще и блистательным романистом?**

– **Думай не думай, а среди пяти папок конфискованных при аресте рукописей были два начатых романа. Конечно, стилистическая интенсивность Бабеля небывалым образом воплощена в рассказах, но ведь есть две пьесы, есть сценарии, да и разнородные по писательской яростной живописи «Конармия» и «Одесские рассказы» безусловно свидетельствуют, что автору был по руке любой материал, любая пластика и любая метода. А вообще-то, романы для великих мастеров рассказа хотя и не противопоказаны, но вовсе не обязательны. Вспомним Чехова.**

– **Бабель хорошо знал белоэмигрантскую литературу, в письме к Полонскому восхищенно писал о прозе юного Набокова: «Как шпаклюет, как шпаклюет!...» Была возможность остаться, не остался, тянуло назад, хотя прекрасно понимал, что происходит. Рок?..**

– **Вернувшись в конце двадцать восьмого года в Россию, в письме к матери он писал: «Несмотря на все хлопоты, чувствую себя на родной почве хорошо. Здесь бедно, во многом грустно, – но это мой материал, мой язык, мои интересы. И я все больше чувствую, как с каждым днем я возвращаюсь к нормальному моему состоянию, а в Париже что-то во мне было не свое, приклеенное. Гулять за границей я согласен, а**

работать надо здесь». Хотя все сказано ясно, не думаю, что сказано все. Насчет же того, где надо работать, вспомним, что пьеса «Мария» писалась в Неаполе.

– Насколько сегодняшний Бабель еврейский писатель? Не по канону Рут Вайс, – по-нашему, по-здешнему. Не кажется ли вам, что даже хорошо севший на коня еврей все-таки остается евреем? Вариант второй – для очаровательных русских женщин, коих Исаак Эммануилович ценил чрезвычайно еще и за то, по мнению Шкловского, немаловажное качество, что они ценят красноречие.

– Вопрос законный, но отчетливый ответ на него вряд ли сыщется. Во всяком случае, я бы сперва определил сочинительское отечество Гоголя. Где оно? Диканька? Миргород? Степи погибельного неврастеника Тараса Бульбы? Или Петербург? Рим? Как отнестись к обаятельному способу малороссийского мышления, воплощенного в удивительную русскую речь? Вспомним также Гомера, о котором спорили семь городов. Согласившись с наблюдением Шкловского, что красноречие важный компонент очаровывания и обольщения, позволю себе заметить, что в данном случае широкоумный Виктор Борисович непростительно сузил проблематику вопроса. По достоверным слухам, спектр воздействия на прекрасный пол у Исаака Эммануиловича был куда богаче.

– Издательство «Время» выпустило практически полного Бабеля, четыре тома. Если бы вас попросили написать еще один сценарий, на сей раз к «Конармии», вы бы воспользовались этим собранием сочинений или вам бы хватило одной книги, в которой собран весь лучший Бабель?

– Писать сценарий по «Конармии» я бы не стал, да и никто меня об этом не попросит. В остальном же ваш вопрос озадачивает. Конечно, для любой работы я стараюсь воспользоваться любым материалом, который найдется. Между прочим, когда я сочинял в Дубултах свой бабелевский мюзикл, ни в одной библиотеке города Риги не оказалось так называемого «кемеровского» Бабеля, в котором только и был опубликован «Закат».

Нет сомнения, что полный Бабель необходим и необходима документально выверенная, не лакированная, не поднадзорная биография Исаака Эммануиловича, которая, как мы теперь понимаем, все-таки возможна при помощи/участии компетентных органов, хранящих по сей день или предусмотрительно уничтоживших в свое время вместе с автором и его архив (двадцать четыре папки или пять, в данном случае не суть). Все так. Но почему тогда молчит старик Д.Д. Сэлинджер, почему уничтожил вторую часть «Опасных связей» Шодерло де Лакло? Потерялся ли чемодан с рукописями Хемингуэя или он сам его успешно потерял на перроне вокзала, как потом нашел «Праздник, который всегда с тобой»? Пути рукописей неисповедимы, как и человеческие пути. Понятно, что приведенные примеры не совсем корректны по отношению к Бабелю, у которого отобрали и жизнь, и тексты помимо его воли. Понятно, что избавляться от текстов подлинного художника, будь он плодовитым или напротив того, – «непростительное расточительство». И все же меня гложет кощунственный вопрос: а не играла ли ЧК, сама о том не подозревая, роль санитара высокохудожественного литературного леса? Честно говоря, мне всегда хватало одной книги Бабеля. Мне хватало ее потому, что эту книгу, изданную в 1989 году бакинским издательством «Азернешер», книгу, в которой есть не только пьеса «Закат», но и пьеса «Мария», подарила мне мама, родившаяся с Бабелем в один день – 13 июля и любившая его прозу тою любовью, какую может любить азербайджанка, до последнего вздоха хранившая очаг старинной еврейской семьи; мне хватало этой книги, потому что именно по ней я учился писать «о триппере и о звездах одним языком», учился видеть мир таким, каков он есть; мне хватало ее, потому что я не

сомневался в правдивости истории, рассказанной мне актером Рауфом Ханджановым, верил, что Исаак Бабель – писатель одной книги, в которой есть все. Не только все лучшее, им созданное, а почти все, включая меня, Пьера Минара, пишущего эти строки.

ЗДЕСЬ БЫЛ БОБ

3 июня Боб Дилан выступил с единственным концертом в России

Ī è õàèě Yäæüø ò áéí

Áíí ðíñ íà çàññí éó íí àíò ðó éáò èò,

Òðúáŷ á í ðñò íé éí ðéáí ð:

Éí ãñà ÷ æí ãæ í æéí áö í ðæððà ò è ò

Áí è áè ò ùñŷ áàø éí é í á çàíí ð?

Éí ãñà í ò ðñò áí à ò í ò æé è ò çàíí æ

È áí è éí à ò ññí é í èñ ò í é à ò?

Í á ÷ ò í ò í áí à æ á ŷ é à è í é - ò í á ð á é

Í ðí í æ é à è í é - ò í é ò í é à ò.

Умка

В начале фильма Оливера Стоуна «Дорз» есть дивный эпизод, когда клавишник Рэй Манзарек уговаривает Джима Моррисона выйти на сцену, а тот отнекивается – я, мол, петь не умею. «Хуже Дилана все равно не споешь», – бросает ему Манзарек и затягивает гнусавым голосом «Johnny's in the basement / Mixin' up the medicine...» – знаменитый дилановский «Subterranean Homesick Blues». Аргумент оказывается решающим, Моррисон соглашается, и группа «Дорз» начинает свое существование.

Боб Дилан и впрямь существо загадочное. Голос гнусавый, дикция отвратительная, слова со слуха не могут разобрать даже носители языка, да и как гитарист явно не виртуоз – а вот поди ж ты, только рот открывает или брэнчать чего-то начинает, как сразу становится ясно: гений, и все тут.

Некогда Горький уверял, что пойдет слушать Шаляпина, даже если тот целый вечер будет петь только «Г-споди, помилуй!». То же и с Диланом. Он мог выбежать на сцену на четвереньках, просидеть полчаса, уставившись в одну точку, и уползти обратно за кулисы – даже и в этом случае его приезд стал бы важнейшим культурным событием месяца, года, да хоть даже и десятилетия. Просто потому, что он Дилан. Пусть в 1988 году он объявил, что отправляется в «бесконечное турне» (never-ending tour), и с тех пор весьма часто для своего возраста (за несколько дней до питерского концерта ему исполнилось 67) и статуса выступает с концертами, – но в Россию (тогда еще СССР) до сей поры он заезжал лишь единожды, в далеком 1985-м.

Тогда Вознесенский пригласил его, на пару с самым известным битническим поэтом Алленом Гинзбергом, выступить на приуроченном ко Всемирному фестивалу молодежи и студентов вечере мировой поэзии в Лужниках. Дилан приехал, вышел на сцену с гитарой, обнаружил полупустой зал, состоящий по преимуществу из комсомольских активистов и вяло реагирующий даже на самые известные его хиты, отбыл полчаса – и удалился чуть ли не в слезах. Сконфуженный Вознесенский увез обиженного гостя в Переделкино, отпаивать чаем или чем еще.

По слухам, в тот свой визит Дилан побывал также в Тбилиси, где отыграл более успешно, хотя и в довольно камерной обстановке – квартирник или что-то вроде того. Потом он собирался в Одессу, откуда после погромов 1905 года перебралась в Америку его бабушка, с характерно еврейской фамилией Киргиз, – но доехал или нет, точно неизвестно.

В 1988-м Дилан попытался взять реванш, но неудачно: намечавшийся было ленинградский концерт пришлось отменить из-за отсутствия желающих его посетить.

И вот третья попытка. Даже странно, что он ее предпринял. В конце 80-х – другое дело. Тогда Дилану казалось, что он отстал от века, находится в кризисе, – и его альбомы той поры не то чтоб опровергают это мнение (хотя прекрасные вещи, конечно, есть и в них). Теперь другое дело. Последнее десятилетие стало едва ли не самым успешным в его почти полувековой карьере – настолько единодушного признания он не удостоивался даже в свои триумфальные 60-е. Его последний альбом «Modern Times» побывал на первой строчке в американских чартах и стал записью года по версии авторитетнейшего журнала «Rolling Stone». Принять его считают за честь американские президенты. Папа Иоанн Павел II в его присутствии произнес перед 200-тысячной толпой проповедь – вариацию на темы легендарного дилановского гимна «Blowin' In The Wind». Грэмми, Золотой глобус, Оскар, Пулитцеровская премия – всевозможные награды следуют одна за другой. Выходит посвященный ему байопик «I'm Not There» («Меня там нет») – и тоже попадает в число претендентов на Оскар. Мартин Скорсезе снимает о нем документальный фильм. Журнал «Time», подводя итоги XX века, включает Дилана в сотню самых влиятельных людей минувшего столетия. Несколько лет его имя называется в числе наиболее вероятных кандидатов на Нобелевку. Что он ее заслужил – никаких сомнений, но шведских академиков всегда смущали чересчур уж нестандартные решения.

Тем не менее он приехал. И отыграл почти два часа, не смутившись на сей раз тем, что вмещающий до 12 тыс. зрителей зал был заполнен чуть больше, чем на треть (видимо, страна не вполне отошла от главного национального триумфа последнего времени – победы Димы Билана на Евровидении). И сопровождающая группа выступила славно, продемонстрировав более чем качественный блюз-рок (особенно запомнился мультиинструменталист Донни Херрон – скрипка, банджо, мандолина, стил-гитары). И саунд для питерского Ледового дворца был вполне приличный – знающие люди уверяют, что обычно там все звучит куда как хуже.

Претензии, как водится, начались сразу после концерта. Почему Боб вышел без гитары, а вместо нее играл на электрооргане? Почему только дважды порадовал публику своим фирменным соло на губной гармошке? Почему не общался с публикой, отказался от переводчика и вообще стоял (а временами сидел) к партеру вполборота, а к правой трибуне, соответственно, и вовсе спиной? Почему, наконец, так странно был составлен сет-лист – зачем так много песен из последнего альбома и где все главные дилановские хиты?

Ответ на все это один: потому что он Дилан. Что хочет, то и делает. Хочет – стоит, хочет – сидит. Хочет – на гитаре играет, хочет – на органе (впрочем, даже из зала было заметно, что у Дилана дрожат руки, так что у отсутствия гитары может быть и вполне конкретная причина). Особенно занятно звучит претензия насчет общения с залом – Дилан, чай, не Шевчук, чтобы доверительно наклоняться к партеру: «Ну что, мужики, как жить будем? Прорвемся?» Да и на концерты его, хочется верить, ходит несколько иная публика, нежели та, что ведется на подобную ерунду, отвечая кумиру единодушно-восторженным: «Прорвемся!» Впрочем, однажды за вечер Дилан все же снизошел, на классической «Just Like A Woman» позволив залу выпевать нестройным хором рефрен (он же заглавие).

Что до хитов, то поначалу действительно казалось, что их будет побольше. Начав с «Cat's In The Well» (из альбома 1990 года «Under The Red Sky»), Дилан второй исполнил «Don't Think Twice, It's All Right» – одну из самых известных композиций из «The Freewheelin' Bob Dylan» (1963). Пятой шла упоминавшаяся выше «Just Like A Woman» – суперхит, впервые появившийся в великом альбоме 1966 года «Blonde On Blonde».

Но продолжения не последовало: за следующий час из равновеликих вещей прозвучала только «Highway 61 Revisited» (одноименный диск 1965 года занял четвертое место в списке величайших альбомов всех времен и народов все того же «Rolling Stone»). Правда, одна из самых забойных песен Дилана была исполнена с невероятным драйвом и напором, так что партер начал танцевать при первых звуках голоса рок-менестреля. «G-d said to Abraham, “Kill me a son” / Abe says, “Man, you must be puttin' me on” / G-d say, “No.” Abe say, “What?” / G-d say, “You can do what you want Abe, but / The next time you see Me comin' you better run” / Well Abe says, “Where do You want this killin' done?” / G-d says, “Out on Highway 61”», – поет Дилан, адресуясь к праотцу Аврааму и одновременно к своему отцу, Абрахаму Циммерману (псевдоним Боб Дилан певец взял в первой половине 60-х, после начала музыкальной карьеры, а при рождении родители назвали его Шабтай-Зисл).

Вот и все. Не прозвучала даже самая «концертная» вещь Дилана – «Knockin' On Heaven's Door», перепетая, кажется, всеми без исключения рок-группами и всякий раз мгновенно подхватываемая каждым, находящимся в зале или на стадионе. Может быть, мэтр устал от собственной классики. А может, ощущает, что голос уже не тот. Поздние вещи Дилана все же в большей степени рассчитаны на нынешнее состояние его вокала, а в хитах контраст с версиями середины 60-х («гвозди» дилановской программы – это, за редким исключением, сплошь песни сорокалетней давности) был на концерте слишком заметен. Те места, где раньше шло мурлыканье или пусть даже бормотание, но плавное, мелодичное, Дилан теперь просто проговаривает.

Впрочем, мне с лихвой хватило и того Дилана, который приехал в Петербург, и тех хитов, которые он там исполнил. Я почувствовал, что слезы наворачиваются на глаза, уже на второй песне – той самой «Don't Think Twice, It's All Right». Приятель, с которым мы ездили в Питер, после концерта сообщил, что продержался дольше – аж до самой «Just Like A Woman». Невероятное, непередаваемое словами ощущение – когда те слова, что ты много лет слушал изо дня в день сначала на кассетах, потом на компакт-дисках, в твоём присутствии произносит их автор. Можно ли вообразить счастье полнее?

А ведь был еще бис, и «Like A Rolling Stone», вещь, равных которой даже у Дилана, кажется, нет, многократно признававшаяся лучшей песней в истории рок-музыки.

How does it feel

How does it feel

To be on your own

With no direction home

Like a complete unknown

Like a rolling stone? –

спрашивал Дилан у себя и у каждого из сидящих, стоящих, танцующих в зале. И каждый пытался найти слова для ответа. И не находил.

Мои встречи с Натаном Рахлиным

Мне довелось слушать выдающегося дирижера Натана Рахлина летом 1950 года в Минске, солдатом срочной службы на шефском концерте в Доме офицеров БВО.

Народный артист СССР вышел на авансцену. Невысокий, крепкого сложения. Заиграл на фанfare «Слушайте все», напоминая тем самым, что в Гражданскую войну был трубачом в бригаде Котовского. Призывный сигнал в зале взбудрил молодых воинов, начавших уже было дремать на мягких стульях.

В середине 1960-х годов в Челябинске Рахлин дирижировал оркестром оперного театра. Исполняли Пятую симфонию Бетховена. На концерте был аншлаг.

В свой тогдашний приезд Натан Рахлин согласился на беседу со мной, сотрудником областной газеты. Народный артист ждал меня за кулисами, на пыльной лестнице. Он сидел на стуле и менял концертные туфли на зимние ботинки, втискивая колодки в лакированную обувь.

В окно, затянутое инеем, невыносимо дуло...

– Нынче суровая зима, – сказал я и спросил: – Вы впервые в нашем городе?

– О нет! – Рахлин поднялся без труда, хотя с возрастом заметно отяжелел. – В вашем городе зимой сорок второго была моя бригада московских музыкантов. В Челябинске, помню, и тогда было холодно и много снега. Нас встретил Патоличев, первый секретарь обкома. Он привез нашу бригаду на ЧТЗ, где производили танки. Там шум, грохот. Фронт требовал танки. Под Москвой еще сражались. Мы стали играть марши, мажорные мелодии... Потом директор ЧТЗ, генерал Исаак Моисеевич Зальцман предложил пообедать, что было весьма кстати...

В своем очерке я упомянул, что Рахлин, будучи дирижером Государственного симфонического оркестра, был на шефском концерте в Доме офицеров БВО. А еще, что в годы войны Челябинск принял эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Одессы, Киева, Харькова, которые научили челябинцев любить и понимать серьезную музыку. После войны столицу Южного Урала неоднократно посещали Э. Гилельс, С. Рихтер, М. Ростропович и другие мастера. Но даже несмотря на это визит Натана Рахлина оказался крупным событием. Мой тогдашний очерк был сокращен до размера куцей информации: хотя «Челябинский рабочий» не славен был антисемитскими проявлениями, однако в 1960-х годах «пятый пункт» имел-таки значение.

Р. אָדאַי אַי עײַ, חאַרְיֶאעִי נֶע

Вы читали? *Леонид Радзиховский. Любовный треугольник // 2008, № 5*

Реакция. Не знаю, с чего это г-н Радзиховский решил, что «евреи успокаивают себя тем, что на сей раз не они – главный объект ненависти». Не понимаю, зачем из евреев делать людей с панцирем бронтозавра. Нормальному среднестатистическому еврею не может быть хорошо, когда другому плохо, кем бы этот другой ни был. Более того, евреи острее воспринимают несправедливость, «даже когда думают о своих интересах». Мы живем в огромном городе, в одной из столиц мира, и обязаны если не любить, то хотя бы уважать соотечественников не только принадлежащих к титульной нации – мы обязаны

уважать всех, и приезжих, и нелегалов. Не от хорошей жизни люди бегут в Москву. И напоследок, что касается исламистов. В середине 70-х годов прошлого века в США прошла волна демонстраций в защиту американских итальянцев. Помню, как прочла на экране своего черно-белого «Рекорда»: «Не все итальянцы мафиози». Не все те, кто исповедует ислам, террористы, отпетые головорезы... Ислам сейчас переживает трудные времена: великая религия дискредитируется шайками оголтелых подонков, разбросанных по всему свету. И мы, евреи, не должны им подыгрывать. Именно этого они и ждут от нас, когда закладывают бомбы в школьные автобусы.

À. Àðññòàáñ, Ì ïññà

ПОТЕРЯ

Ī adāādē ò à Ūai ēēī

Из больницы бабу Башеву встречали с почестями: второе подозрение на инфаркт не шутки. Причем угодила она под капельницу на самые октябрьские, когда врачи не очень-то приветствуют.

Обошлось – значит, жить до ста лет. Теперь ей 91, осталось девять. Подсчеты провела сама Башева и осталась довольна.

В дом ступила своими ногами, хотя правнук хотел внести ее на стуле, несмотря на бабины несчетные пуды. Башева отказалась, заявив, что не намерена и дальше затруднять родственников.

Башеве вручили новый телефон – трубка без провода, чтобы всегда можно было рядом с собой держать. Объяснили, как и что нажимать, провели пробный звонок и распрощались до новых встреч, слава Б-гу.

Башева, закрыв дверь на замки, поплелась в спальню, улеглась на разобранную постель (и тут позаботились! – умилилась она) и уснула счастливая.

Проснулась ночью. Тикали часы на батарейках, и тиканье их было неправильным, нечетким – с подскоком. Это сердило Башеву уже лет двадцать. Но подарок есть подарок.

Башева включила свет и встала. Прошла по квартире, вглядываясь в углы, поднимая глаза к потолку. Ничего ее уже не осталось: рассыпалось, растрескалось, разбилось, перегорело. Всё – подарки. Вот – часы, вот – лампа, вот – стол. В серванте – посуда. Одежда в шкафу – все дареное, от чистого сердца, конечно, дети, внуки, правнуки. Ни один праздник не забывают. Не говоря уж про деньги и продукты – и без праздников приносят, как положено. Заслужила.

Башева вернулась в спальню, но решила проверить, выключила ли свет в туалете. Проверила. Зачем-то, раз уж оказалась поблизости, раскрыла дверь кладовки. И обмерла.

Кладовка оказалась совершенно пуста. Голые полки.

Башева схватилась за голову и закричала.

Медленно осела на пол – не упала только потому, что места в коридоре не хватило для падения – ее тело заполнило пространство между стенами.

Башева просидела в полузабытьи до рассвета.

Наконец откуда-то взялись силы – стала на четвереньки и поползла к телефону – в спальню. Держа в руках трубку, силилась вспомнить, как набирать цифры, на какую кнопку жать, а на какую не жать. Не вспомнила и в отчаянии повалилась ничком на пол.

Она не слышала, как ломали входную дверь, как погружали ее на носилки, как везли в больницу.

Башева пришла в себя в больнице через трое суток и потребовала выписки. Старший сын и невестка, дежурившие у ее постели, замахали руками:

– Да что вы, мама, вам надо подлечиться. Вас в тот раз рано освободили, потому вы и свалились.

Башева бунтовала, не пила лекарства, отказывалась от процедур, ссорилась с соседками по палате. Требовала доставки себя домой.

Родные смирились, написали расписку, что под свою ответственность забирают пациентку.

Новое пришествие Башевы провели тихо, без помпы. Старший сын привез ее на своей машине, кое-как довел до второго этажа и приступил к беседе, отрепетированной заранее:

– Мама, вы уже не девочка. Хорошо, что обошлось, но надо подумать про будущее. Вы не можете оставаться одна. Это у вас явление нервного порядка, мне врачи сказали. Ну что вы разволновались? Мы вас не оставим... Сделаем так: сменяем вашу и нашу квартиру, будем жить вместе.

Башева молчала.

– Что вы молчите? Мы дома провели совещание, все «за». Нужно только ваше согласие...

Башева побагровела и открыла рот:

– Ах, так вам надо мое согласие. Раз такое дело, так я все скажу.

Башева поднялась, правда, со второго раза и, крепко уцепившись за руку сына, потребовала:

– Пойдем. Раз ты не понимаешь, так пойдем.

В коридоре она распахнула дверцы кладовки и указала пальцем внутрь:

– Кто это сделал? Жена твоя? Или дочки? Или внучки? Или дети твоего брата это сделали? Или его жена, гойка? Или их внуки, гой? Вы меня спросили?

– Да что такое? Мы перед вашим выходом из больницы навели порядок в доме, убрали, мыли, щели в окнах заделывали, чтоб вам не сквозило ничего. У меня радикулит... У жены радикулит.

– Значит, твоя жена, – удовлетворенно кивнула Башева.

– Ну, жена. Зачем вам склянки, они лет сорок тут стояли, пылища, грязь. Вы извините, мама, антисанитария полная. Некоторые банки даже немытые были. Если вам интересно. А вы на тараканов жалуетесь. Мы на помойку выносили – так на нас соседи оглядывались, звякало в мешках. Как алкоголики, честное слово, – сын робко улыбнулся. – Так мы нарочно в прозрачные пакеты потом складывали, чтоб было видно – не бутылки...

– А ты их наживал? Ты банки эти наживал, я спрашиваю? Там еще мешочки были, много. Целые, между прочим, мешочки...

– Ну, были. Мы в них и складывали.

Башева схватилась за голову, гребешок, которым она собирала волосы, выскочил и упал прямо ей под ноги. Сын нагнулся поднять, но Башева завизжала:

– Не смей! Это мое! Ты сейчас поднимешь и на помойку снесешь! Я сама подниму! Я на тебя с твоей женой в суд подам. Мнение мое тебе надо? Вот тебе мое мнение: видеть вас не хочу... Никого не хочу! Ничего от вас не хочу! И телефон новый заберите, верните старый – я по нему хоть в похоронную контору смогу позвонить. Новый для меня слишком умный. А я ж глупая, я старая. И это вы рассчитали! Говори, рассчитали?

– Мама, мама... Тише, мы ж в коридоре. Успокойтесь!

– Не будет вам теперь покоя вовеки веков...

Башева, опираясь о стенки коридора, пошла в комнату.

Сын – за ней, поддерживая за талию обеими руками:

– Мама, что вы говорите. Из-за чего... Из-за банок... Из-за мусора...

Когда Башева немного успокоилась, сын ушел. Башева смотрела из окна, как он заводил машину, как тронулся с места, как медленно поехал со двора.

«Банки! Подумаешь, банки! Семьдесят лет человеку, – думала она про сына, – а не понимает. Ты поживи с мое, покопи, наживи, откажи себе во всем, новых чулок за всю жизнь не купи... А на праздники всегда стол был. И салаты, и холодец, и колбаска, и селедочка, и рыбка. – Башева прилегла на диван. Хотелось спать. – На сколько ж там? Если по-старому, по десять копеек считать... Умножить на двести... Нет, на триста... И пол-литровые тоже были... Ну, сколько там пол-литровых... Из-под горчицы тоже... А сейчас по сколько можно сдать? И где принимают? Может, на обмен, как когда-то... Ой, вейзмир... На сына накричала... За десять копеек накричала... За мешочки накричала... – Тут Башева встрепенулась: на балконе, в старой оцинкованной выварке лежала клеенка, в

ананасах, в крупных яблоках, в бананах, на тканевой основе. Лежала лет двадцать – на случай, если что-нибудь прикрыть. Хорошая, только потрескалась в мелкую чешуйку...

Башева повернула голову в сторону балкона – там все было законопачено, заклеено бумагой – не отворишь, не посмотришь. Спросить у сына? Ну нет. С ним разговор окончен.

Нужно жить до весны. Сами придут, сами отклеят. Тогда и посмотрим, воинственно думала Башева.

ЭЛИ-ИЗУВЕР

Окончание. Начало в № 5, 6, 2008

Ôëëëì Ðìò

А на следующий день у него родился сын. Но родился он только после полудня, а до полудня еще много чего случилось. Сначала, в половине десятого, зазвонил телефон. Эли вскочил – прошлой ночью он, толком не раздевшись, рухнул на диван – и сорвал трубку, из нее уже неслись вопли. Когда он прокричал в трубку «Алло, слушаю», он был уверен, что звонят из больницы, чуть ли не слышал ее запах.

– Эли, это Тед. Эли, он так и сделал. И прошел себе мимо моего магазина. Эли, я как раз открывал двери, повернулся и – ей-ей – подумал, что это ты. А это был он. Ходить он ходит так же, но одет, Эли, одет-то как...

– Кто одет?

– Да бородач. Одет по-людски. И костюм на нем – шик-блеск.

Упоминание о костюме, отодвинув все остальное, вмиг вернуло Эли к настоящему.

– Какого цвета костюм?

– Зеленого. Разгуливает себе в зеленом костюме – можно подумать, сегодня праздник. Эли... а сегодня что – еврейский праздник?

– Где он сейчас?

– Идет себе прямиком по Коуч-Хаус-роуд в твидовом костюме – и сам черт ему не брат. Эли, все сработало. Ты был прав.

– Поглядим.

– А что дальше?

– Поглядим.

Он сбросил исподнее, в котором спал, прошел в кухню, зажег горелку под кофейником. Когда кофе начал закипать, нагнулся над кофейником в надежде, что от пара тяжесть позади глазниц рассеется. Но пар не успел подействовать, как зазвонил телефон.

– Эли, это опять я, Тед. Эли, он обходит город, улицу за улицей. Можно подумать, осмотреть его хочет или что-то в этом роде. Мне звонил Арти, звонил Герб. А сейчас звонит Шерли: говорит, он прошел мимо нашего дома. Эли, выйди на крыльцо, сам увидишь.

Эли выглянул из окна. Дорога была видна только до поворота – и на ней ни души.

– Эли, – разносился из трубки, свисавшей со столика, голос Теда.

Он потянулся повесить трубку и напоследок услышал: «Эли-ты-его-видел?..» Он натянул брюки, рубашку, те же, в которых ходил вчера, и как был, босиком, выскочил в палисадник. Так оно и есть – из-за поворота возникло видение: коричневая шляпа низко нахлобучена, зеленый пиджак топорщится горбом, рубашка рассупонена, галстук завязан так, что куцые концы стоят торчком, брюки падают складками на ботинки: черная шляпа прибавляла ему роста, он оказался ниже. Экипированный таким образом, он не шел, а семенил, шлемазл он и есть шлемазл. Обогнул поворот и при всей его чужеродности, а она витала в его бороде, сказывалась в движениях, на взгляд, он был свой. Чудак, пожалуй, но свой чудак. При виде Эли он не застонал, не заключил его в объятия. И все же, увидев его, остановился. Остановился и понес руку к шляпе. Хотел приложиться к тулье, но занес руку слишком высоко. И опустил – куда и следовало – на поля. Он мял, гнул поля и, наконец-то поприветствовав Эли, провел рукой по лицу, вмиг ощупал все черты – ни одной не пропустил. Его пальцы похлопали по глазам, пробежали по носу, обмахнули заросли на губе, затем укрылись в волосах, падавших на воротник. Эли понял его так: «У меня есть лицо. По крайней мере, лицо у меня есть». Потом запустил руку в бороду, огладил ее, дойдя до груди, рука остановилась, стала чем-то вроде указки, глаза же, окатываемые потоками воды, тем временем вопрошали: «А лицо, как оно вам, лицо можно оставить как есть»? И такой у них был взгляд, что, даже когда Эли отвернулся, они стояли перед ним. Оборотясь пестиками его только-только распустившихся нарциссов, листьями его березы, лампочками в его каретном фонаре, пометом в его палисаднике – его глазами. Его собственными глазами, а не чьими-то еще. Но, заглянув в щель между портьерой и оконной рамой, он увидел, что зеленый костюм пропал из виду.

Телефон.

– Эли, это Шерли.

– Шерли, я его видел. – И повесил трубку.

Застыл – и долго сидел так. Солнце передвигалось от окна к окну. Пар от кофе пропитал дом. Зазвонил телефон, смолк и снова зазвонил. Приходили почтальон, посыльный из химчистки и из булочной, садовник, мороженщик, дама из Лиги женщин-избирательниц. Негритянка – она ратовала за какое-то странное движение, требующее пересмотра Акта о пищевых продуктах и лекарствах, – барабанила в окна и в конце

концов подсунула с полдюжины брошюрок под дверь черного хода. А Эли, так и не надев исподнего, все сидел во вчерашнем костюме. И не отзывался.

Учитывая, в каком он состоянии, просто удивительно, как до его слуха дошло, что у заднего хода что-то обрушилось. Тем не менее он мигом точно растекся по креслу и тут же выхлестнулся туда, откуда послышался шум. У двери остановился – выждал. Ни звука – лишь шелестела мокрая листва на деревьях. За дверью, когда он в конце концов открыл ее, никого не оказалось. Он думал, что за ней стоит тот зеленый, в этой своей высоченной шляпе, загораживает дверной проем и только и ждет, чтобы впериться в него этими своими глазами. Но там никого не оказалось – лишь у ног Эли стояла коробка из «Бонуита», ее распирало – так она была набита. Веревкой ее не обвязали, и перевернули вверх дном.

Трус! Не мог он так поступить! Не мог!

Мысль эта до того обрадовала Эли, что ноги его удвоили скорость. Он метнулся, минуя недавно посаженную форзицию, через лужайку позади дома в надежде увидеть, как бородач мчит нагишом по дворам, перемахивая изгороди и заборы к себе, в свое прибежище. Груда бело-розовых камней вдали – Гарриет Надсон окрасила их накануне – ввела его в заблуждение. «Беги, – кричал он камням, – ну, беги же...» – но понял, что обознался, понял прежде всех, но, как он ни напрягал зрение, как ни изгибался, нигде не было видно трусовато удирающего мужчины примерно его габаритов с белой, белой, жутковато белой кожей (а уж тело у него, наверное, и вовсе белее белого!). Он не спеша вернулся к своей двери – его разбирало любопытство. И пока листва на деревьях посверкивала под легким ветерком, снял с коробки крышку. Поначалу он испытал шок – шок оттого, что свет тут же померк. Затмение – вот что заключала в себе коробка. Однако вскоре стало видно, что чернота черноте рознь – и вот он уже различил лоснящуюся черноту подкладки, шершавую черноту брюк, тусклую черноту изношенных нитей и посередине – черный холм: шляпу. Он поднял коробку, внес в дом. Впервые в жизни он ощутил запах черноты – немного затхлый, немного кисловатый, немного застарелый, но ничего пагубного в нем не было. Так-то оно так, но все же он понес коробку на вытянутых руках и опустил ее на обеденный стол.

У них там, на горке, двадцать комнат, а они сваливают свое старье ко мне на порог! И что, спрашивается, мне с ним делать? Отдать благотворительным организациям? Да они не иначе как оттуда его и получили. Он поднял шляпу за поля, заглянул вовнутрь. Тулья гладкая, как яйцо, а поля только что не просвечивают. Но что делать со шляпой, если она у тебя в руках, как не надеть, и Эли водрузил шляпу на голову. Открыл дверь шкафа в холле, оглядел себя в большом зеркале. Под глазами мешки – не из-за шляпы ли? А может, он просто не выспался. Он опустил поля пониже, и они затенили рот. Теперь мешки под глазами распространились по всему лицу – стали лицом. Стоя перед зеркалом, он расстегнул рубашку, молнию на брюках и, сбросив одежду, разглядывал себя – каков он есть. Вид глупее глупого – голый, а в шляпе – ну а чего, собственно, он ожидал? В такой шляпе и подавно. Он вздохнул, но справиться с неодолимой слабостью, овладевшей его членами, – а все жуткий гнет чужой шляпы чужака – не смог.

Он подошел к обеденному столу, вывалил коробку на стол: сюртук, брюки, нательная фуфайка (она пахла поядренее черноты). А под ними втиснутое между разношенными, стоптанными ботинками показалось что-то белое. Обшитая бахромой, застиранная шаль – исподнее, что ли? – лежала в самом низу, края мятые, кисточки закрутились. Эли вынул шаль, развесил. Для чего, спрашивается, она? Для тепла? Чтобы поддевать под нижнее белье, если заложит грудь? Он поднес шаль к носу, но от нее не

пахло ни растираниями, ни горчичниками. Это что-то особое, какая-то особая еврейская штука. Особая еда, особый язык, особые молитвы, отчего бы, в таком случае, и не особый БВД?¹¹¹ До того боялся, что может поддаться искушению и вернуться к традиционному костюму – так развивалась мысль Эли, – что принес в Вудентон и схоронил здесь всё-всё, включая особое исподнее. Так Эли истолковал коробку с одеждой. Бородач говорил: «Вот, я сдаюсь. И искушению не поддамся – я исключил эту возможность. Мы капитулируем». И так Эли это и истолковывал до тех пор, пока не обнаружил, что успел – сам не помнил как – накинута белый бахромчатый капитулянтский флаг на шляпу и почувствовал, что тот пристал к его груди. И сейчас, глядя на себя в зеркало, он вдруг перестал понимать, кто кого искусил и кто кого на что подвиг. Почему бородач оставил свою одежду? И бородач ли ее оставил? Ну а если не он, то кто? И зачем? Но, Эли, да ты что, в век науки такого не бывает. Даже паршивых свиней и тех пользуют лекарствами...

Невзирая на то, кто кого искусил и к чему все это ведет, не говоря уж о том, с чего все началось, чуть спустя Эли уже стоял с ног до головы – если не считать самой малости белого – в черном перед большим зеркалом. Брюки пришлось немного припустить: иначе были бы видны голые лодыжки. Бородач, он что, обходился без носков? Или упустил их из виду? Загадка разрешилась, когда Эли, собравшись с духом, обследовал брючные карманы. Он опасался, что стоит сунуться туда и напорешься на какую-нибудь ослизлую гадость, тем не менее храбро опустил руки в карманы и извлек из каждого по носку защитного цвета. Натягивая носки, он сочинил им историю: эти носки в 1945-м подарил бородачу американский солдат. Вдобавок ко всему, чего бородач лишился с 1938-го по 1945-й, он лишился еще и носков. И не так оттого, что тот лишился носков, как оттого, что он еще и вынужден был принять эти носки в подарок, Эли чуть не заплакал. Чтобы успокоиться, он вышел на задний ход, постоял – смотрел на лужайку.

На надсоновской лужайке Гарриет Надсон покрывала камни вторым слоем розовой краски. Когда Эли вышел из дому, она оторвала глаза от камней. Эли кинулся назад в дом, придавил спиной дверь заднего хода. Выглянул в зазор между шторами, но увидел малярное ведро, кисть, камни, разбросанные по заляпанной розовой краской надсоновской лужайке, – и больше ничего. Зазвонил телефон. Кто бы это – Гарриет Надсон? Эли, у тебя на крыльце еврей. Это я. Чушь какая. Эли, я видела его своими глазами. Это я, я тебя тоже видел, ты красила альпийскую горку в розовый цвет. Эли, у тебя опять нервный срыв. Джимми, у Эли опять нервный срыв. Эли, это Джимми, я слышал, у тебя неполадки с нервами, приятель, тебе помочь? Эли, это Тед, Шерли говорит: тебе надо помочь. Эли, это Арти, тебе надо помочь. Эли, это Гарри, тебе надо помочь, надо помочь... Телефон проверещал последнее слово и заглох.

– Г-сподь помогает тем, кто сам себе помогает, – провозгласил Эли и снова вышел из дому.

На этот раз он дошагал до середины лужайки и явил деревьям, траве, птицам и солнцу – себя, Эли, в этом одеянии. Но природе нечего было ему сказать, и он крадучись пробрался к живой изгороди, отделявшей его участок от поля за ним, продрался сквозь кусты, при этом дважды терял шляпу в зарослях. Напялив шляпу поглубже, он припустился бежать – нитяная бахрома билась о сердце. Промчал по зарослям сорняков и полевых цветов и, лишь добравшись до старой дороги, огибавшей город, сбавил скорость. А подходя с тыла к автозаправке «Галф», перешел на шаг. Он привалился к высоченному колесу грузовика без шин и передохнул среди нагромождения камер, проржавевших

моторов, бензиновых канистр без крышек. Расчетливо, сам того не сознавая, готовился к последнему отрезку пути.

– Ты как, папаша? – спросил здешний механик, обтирая замасленные руки о комбинезон, – он что-то выискивал в груди канистр.

В животе у Эли что-то екнуло, и он потуже запахнул долгополый черный сюртук.

– Славный денек, – сказал механик и, завернув за угол, направился в гараж.

– Шолом, – прошептал Эли и сиганул к горке.

Когда Эли поднялся на горку, солнце уже стояло над головой. Он шел леском – там было не так жарко, тем не менее под непривычным костюмом его прошибал пот. Шляпа без подкладки стискивала голову. Дети играли. Они всегда играли: можно подумать, Зуреф их ничему иному и не учил. Из-под их шорт торчали ножки, такие худые, что при беге было видно, как движется каждая косточка. Эли ждал, когда они скроются за углом, чтобы выйти на лужайку. Но что-то – его зеленый костюм – не давало ждать. Костюм на крыльце: он облакал бородача, тот красил низ колонны. Рука его ходила вверх-вниз, колонна горела белым огнем. От одного только вида бородача Эли пробкой выскочил из леска на лужайку. И назад не обернулся, а вот нутро его обернулось. Он вышел на лужайку, но дети играть не перестали; поднеся руку к черной шляпе, он пробурчал: «Шш...» – они, похоже, и не заметили его.

И тут до него дошел запах краски.

Он ждал, когда бородач повернется к нему. Но тот красил себе и красил. Эли вдруг представилось: если натянуть шляпу на глаза, а там и еще ниже – на грудь, на живот, на ноги, напрочь загородиться от света, он тут же очутится у себя дома, в постели. Но ниже лба шляпа не натягивалась. Обманывать себя он не мог – он здесь. И никто – как ни ломай голову, а винить некого – не понуждал его идти сюда.

Бородач водил кистью по колонне вверх-вниз, вверх-вниз. Эли посопел, покашлял, но бородач не шел ему навстречу. В конце концов Эли пришлось сказать: «Здравствуйте».

Рука прощуршала вверх-вниз и замерла, два пальца потянулись снять с колонны отставший от кисти волосок.

– Добрый день, – сказал Эли.

Волосок оторвался, шуршание возобновилось.

– Шолом, – прошептал Эли, и бородач обернулся.

Эли он узнал не сразу. Посмотрел, как Эли одет. Эли посмотрел изблизи, как одет бородач. И вот тут-то Эли – как ни дико – почувствовал, что он не один, а два человека разом. Впрочем, может быть, и один, но разом в двух костюмах. Бородач, видно, тоже запутался. Они долго смотрели друг на друга. Сердце Эли дрогнуло, а в голове все до того смешалось, что руки взлетели – застегнуть воротник, хоть рубашка была и не на нем. Полный бред! Бородач закрыл лицо руками.

– В чем дело... – сказал Эли.

Бородач подхватил ведро и кисть и пустился наутек. Эли кинулся за ним.

– Я и не думал вас ударить, – крикнул Эли вслед бородачу. – Остановитесь.

Эли поравнялся с бородачом, схватил его за рукав. Бородач снова вознес руки к лицу. На этот раз – в сшибке – оба забрызгались белой краской.

– Я хотел только... – Но в этой одежде он и сам не знал, чего хочет. – Поговорить, – сказал он наконец. – Чтобы вы посмотрели на меня. Прошу вас, хотя бы посмотрите на меня.

Но бородач рук от лица не отнял, с кисти на зеленый пиджак Эли капала краска.

– Прошу, прошу, – сказал Эли, но что надо делать, не знал. – Скажите что-нибудь, говорите по-английски, – молил он.

Бородач попытался к стене, он все пятился и пятился, точно надеялся, что из-за стены протянется рука и перекинет его туда, где ему ничего не угрожает. Открыть лицо он отказался.

– Посмотрите, – сказал Эли, тыча в себя пальцем. – Вот – ваш костюм. Я буду его беречь.

Ответа не было – только под руками что-то слегка дрогнуло, и Эли заговорил так мягко, как только можно.

– Мы... мы переложим его нафталином. Вот тут пуговица оторвана. – Эли показал где. – Пришьем пуговицу. Вставим молнию... Прошу, прошу вас, хотя бы посмотрите на меня...

Он говорил сам с собой, это так, но разве он мог остановиться? Все, что он говорил, не имело смысла – и от одного этого переполнилось сердце. Тем не менее, если вот так болтать и болтать, как знать, вдруг он да и сболтнет что-то, что поможет им понять друг друга.

– Посмотрите... – Он сунул руку под рубашку, извлек на свет бахрому с исподнего. – Я даже надел ваше особое исподнее... – сказал он. – Прошу, прошу, прошу, – выпевал он так, будто это было какое-то заклинание. – Ну, прошу же...

Под твидовым пиджаком ничего не шелохнулось, а вот текли ли из глаз бородача слезы, искрились ли они насмешкой или горели злобой, он не знал. И это его бесило. Вырядился дурак дураком и чего ради? Ради этого вот? Он схватил бородача за руки, оторвал их от лица.

– Вот! – сказал он – и в этот первый миг ничего, кроме двух белых капель – по одной на каждой щеке, – не увидел.

– Скажите. – Эли прижал руки бородача к бокам. – Скажите, что я могу для вас сделать, я все сделаю...

Бородач стоял как вкопанный, выставляя напоказ две белые слезы.

– Все, что угодно, я все сделаю... Посмотрите, посмотрите только, что я уже сделал. – Эли стащил черную шляпу, потряс ею перед лицом бородача.

На этот раз бородач дал ответ. Он поднес руку к груди, вытянул палец, ткнул его в горизонт. И такая боль была в его лице! Можно подумать, воздух резал точно лезвие бритвы! Эли проследил, куда направлен палец, и за костяшкой, за кончиком ногтя его глазам предстал Вудентон.

– Что вам нужно? – сказал Эли. – Я принесу!

И тут бородач кинулся бежать. Но сразу же остановился, крутанулся, снова ткнул пальцем в воздух. Палец указывал туда же. И скрылся из виду.

Когда Эли остался совсем один, ему было откровение. Он не вопрошал, что оно значит, в чем его суть или откуда оно снизошло. Но во власти непривычного, неясного ему самому воодушевления пошел вперед.

Коуч-Хаус-роуд была запружена. Жена мэра толкала тележку с собачьим кормом от «Купи здесь» к своему фургону. Президент клуба «Львов»^{2[2]} – шея его была обвязана салфеткой – запикивал монеты в счетчик перед рестораном «Перекусон». Тед Геллер грелся в солнечных лучах, отражавшихся от новой мозаики в византийском стиле у входа в его обувной магазин. Миссис Джимми Надсон в зарозовевших джинсах выходила из скобяных товаров Холлоуэя с ведром краски в каждой руке. В «Чертоге красоты» Роджерса за отворенными настежь дверями, насколько хватал глаз, виднелись ряды женских голов в серебристых патронах. Над парикмахерской вращался шест, там стригли младшего сынишку Арти Берга – он восседал на красной лошадке, его мать листала «Лук» – на ее губах играла улыбка: бородач сменил костюм.

И вот на эту улицу, где разве что дорога не была выложена хромом, вышел Эли Пек. Пройти по одной стороне – это он знал – мало. Мало. Так что он проходил десять шагов по одной стороне, пересекал улицу под прямым углом, проходил еще десять по другой и снова пересекал улицу. На всем пути Эли ревели клаксоны, останавливались

машины. Во время пути у него где-то около переносицы прорезался стон. Стон, кроме него, никому не был слышен, однако в носу от него подрагивало – это Эли ощущал.

Вокруг него все замедлило ход. На спицах и колпаках машин солнце больше не играло. А светило себе и светило, и все как один нажимали тем временем на тормоза, чтобы посмотреть на человека в черном. Они всегда останавливались – поглазеть на него, когда он входил в город. Потом пройдет минута, две, три, зажжется зеленый свет, запищит младенец, и машины стронутся в места. А сейчас, хоть зеленый свет и зажегся, с места никто не сдвинулся.

– Он сбрил бороду, – сказал Эрик, парикмахер.

– Кто? – спросила Линда Берг.

– Да тот, из дома на горке.

Линда выглянула из окна.

– Это дядя Эли, – сказал Кевин Берг, отплевываясь от волос.

– Б-г ты мой! – сказала Линда. – У Эли опять нервный срыв.

– Нервный срыв! – но это Тед Геллер чуть погодя сказал. Сразу он сказал: – О-о-осподи...

И вскоре всем до одного на Коуч-Хаус-роуд стало ясно, что у Эли Пека, впечатлительного молодого юриста, у которого еще такая хорошенькая жена, нервный срыв. Всем, кроме Эли Пека. Он знал, что в поступках его нет и следа помешательства, при этом всю странность своего поведения отчетливо сознавал. Черное одеяние он ощущал как кожу своей кожи – мало-помалу оно облегло все его выпуклости и впадины. И еще он ощущал на себе глаза, каждую пару глаз на Коуч-Хаус-роуд. Слышал, как машины, только что не наехав на него, со скрежетом останавливались. Видел рты: сначала нижняя челюсть опускалась, затем язык прижимался к зубам, губы расходились, в горле зарождалось что-то вроде рокота, и вот он уже слышал: Эли Пек, Эли Пек, Эли Пек, Эли Пек. Он замедлил шаг, при каждом слоге переносил вес с носка на пятку: Э-ли-Пек-Э-ли-Пек-Э-ли-Пек. Ступал тяжело и, пока соседи выговаривали его имя по слогам, ощущал, как при каждом слоге его всего трясет. Он знал – еще бы не знать, – кто он такой: они не давали забыть. Эли Пек. Он хотел, чтобы его имя повторяли тысячу, миллион раз, а он бы шел, вечно шел в этом черном одеянии, и взрослые шушукались бы о его странностях, а дети тыкали в него – «Стыдно... стыдно» – пальцами.

– Все образуется, приятель... – Тед Геллер – он стоял в дверях своего магазина – поманил Эли. – Не тшуйся, приятель, все образуется...

Из-за полей шляпы Эли видел его краем глаза. Тед не вышел из дверей, только подался вперед, говорил, прикрывая рот рукой. Из-за его спины выглядывали три покупателя.

– Эли, это Тед, ты помнишь Теда...

Эли пересек улицу и обнаружил прямо перед собой Гарриет Надсон. Он поднял голову, чтобы она могла его разглядеть.

И увидел, что глаза у нее полезли на лоб.

– Доброе утро, мистер Пек.

– Шолом, – сказал Эли и перешел на другую сторону туда, где стоял президент клуба «Львов».

– Это уже третий раз... – сказал кто-то, и он снова пересек улицу и ступил на тротуар перед пекарней – мимо него пронесся разносчик, вращая над головой поднос с обсыпанными сахарной пудрой пирожными.

– Извиняюсь, папаша, – сказал он и нырнул в грузовик.

Но стронуться с места не смог. Эли Пек остановил движение.

Он миновал кинотеатр «Риволи», химчистку Бикмана, «Вестингхаус»^{3[3]} Гарриса, унитарную^{4[4]} церковь, и вскоре по сторонам замелькали одни деревья. На Ирландской дороге он повернул направо и двинулся по кривым вудентонским улочкам. Колеса детских колясок переставали крутиться, скрипели – «Это же...». Садовники переставали стричь изгороди. Дети удирали с мостовой на тротуар. Эли не здоровался ни с кем, но перед каждым задира лоб. Ему сил нет как хотелось, чтобы у него на лице были две белые слезы – пусть посмотрят. И лишь когда он дошел до своего палисадника, увидел свой дом, ставни, только что распустившиеся нарциссы, он вспомнил о жене. И о ребенке, который, должно быть, уже родился. И вот тут-то его и охватил ужас. Он мог бы зайти в дом, переодеться и отправиться в больницу. Путь назад еще не закрыт, даже после его прохода по городу еще не закрыт. Вудентонцы, они хоть и памятливые, но отходчивые. Безразличие вполне заменяет прощение. Кроме того, если ты отвиливаешь, ничего тут такого нет – дело житейское.

Но как он мог пройти мимо своего дома, вот что ужаснуло Эли. Он отлично знал, что может пойти домой, но не пошел. Зайти в дом – означало пройти полпути. А этого мало... Так что к дому он не свернул, а пошел прямо в больницу, и всю дорогу его не оставляла мысль: не безумие ли это, и даже не по коже, а под кожей у него продирает мороз. Подумать только – он по своей воле выбрал безумие. Но если ты выбрал безумие по своей воле, значит, ты не безумен. Вот если бы это был не твой выбор, тогда дело другое. Нет, он не отвиливает. Он должен увидеть ребенка.

– Фамилия?

– Пек.

– Четвертый этаж.

Ему вручили голубую карточку.

В лифте все смотрели только на него. Эли же четыре этажа подряд не сводил глаз со своих черных башмаков.

– Четвертый.

Он поднес руку к шляпе, хоть и знал – снять ее он не сможет.

– Пек, – сказал он. И предъявил карточку.

– Поздравляю, – сказала сестра. – Дедушка?

– Отец. Какая палата?

Она провела его к 412-й палате.

– Решили позабавить супругу? – спросила сестра, но он протиснулся в дверь, оставив ее в коридоре.

– Мириам?

– Кто там?

– Эли.

Она повернула к мужу помертвевшее лицо.

– Эли... О, Эли.

Он развел руками.

– Что мне было делать?

– У тебя сын. Мне оборвали телефон.

– Я пришел на него посмотреть.

– В таком виде? – Голос у нее сел. – Эли, нельзя же ходить по городу в таком виде.

– У меня сын. Я хочу его видеть.

– Эли, ну почему ты так со мной поступаешь! – Ее побелевшие было губы порозовели. – Перед ним ты ничем не виноват, – разъяснила она. – Эли, милый, ну почему ты во всем винишь себя? Эли, переоденься. Я тебя прощаю.

– Прекрати меня прощать. Прекрати меня понимать.

– Но я тебя люблю.

– А вот это дело другое.

– Миленький, ты же не обязан так одеваться. Ты же ничего плохого не сделал. Ты не должен себя винить, потому что... потому что все в порядке. Эли, ну как ты этого не понимаешь?

– Мириам, хватит с меня твоих разъяснений. Где мой сын?

– Эли, ну, пожалуйста, не отвиливай. Ты мне сейчас так нужен. Почему ты отвиливаешь – потому что ты мне нужен?

– Мириам, ты очень великодушна на свой эгоистический манер. Я хочу видеть сына.

– Эли, не отвиливай. Теперь, когда он от меня отделился, я боюсь. – Она захныкала. – Теперь, когда он от меня отделился, я не знаю, люблю я его или нет. Эли, я смотрю в зеркало, и его во мне нет... Эли, Эли, у тебя такой вид, точно ты собрался на свои похороны. Ну, пожалуйста, не испытывай судьбу. Неужели нельзя просто жить для своей семьи?

– Нельзя.

В коридоре он попросил сестру провести его к сыну. С одного его бока пошла сестра, с другого Тед Геллер.

– Эли, тебе не надо помочь? Я что подумал – вдруг тебе надо помочь.

– Нет.

Тед что-то шепнул сестре, потом – Эли:

– Тебе что, обязательно ходить вот так вот?

– Да.

На ухо Эли Тед сказал:

– Ты... ты напугаешь малыша...

– Ну вот, – сказала сестра. Показала на кроватку во втором ряду и озадаченно посмотрела на Теда:

– Можно пройти туда? – спросил Эли.

– Нет, – сказала сестра. – Вам его покажут.

Она постучала по загородке, за которой лежало много детей.

– Пек, – уведомила она сестру за загородкой.

Тед потрепал Эли по руке.

– Эли, ты не задумал ничего такого, о чем потом придется пожалеть... а, Эли? Эли, я что хочу сказать, ты же помнишь – ты все тот же Эли, помнишь?

Эли увидел, как одну из кроваток подкатили к оконцу в загородке.

– Г-споди, – сказал Тед. – Тебе эти библейские байки не ударили в голову?.. – Но вдруг прервался на полуслове. – Погоди-ка, приятель. – И стуча каблуками, быстро пошел по коридору.

У Эли отлегло на душе – он подался вперед. Вот лежит в кроватке тот, кого он хотел увидеть. Что ж, теперь он здесь: так что, спрашивается, он намеревался ему сказать? Я твой отец, Эли, мастер отвиливать? Я надел черную шляпу, костюм и диковинное исподнее – одолжил все это у приятеля? Как он мог этому красному комочку, его красному комочку, признаться в самом худшем: в скором времени Экман убедит его, что так он убегал от ответственности. Не может он в таком признаться! И на такое он не пойдет!

Из-под полей шляпы, краем глаза, он видел, что Тед Геллер стоит в дверях на другом конце коридора. Там же стоят два интерна, курят, слушают Теда. Эли не придал этому значения.

Нет, даже Экман не заставит его снять костюм! Нет и нет! Он будет ходить в нем – таков его выбор. И младенца заставит в нем ходить! Вот так-то! А когда придет время, подкоротит его сыну по росту. Будет – нравится – не нравится – носить пропахшие чужим человеком обноски.

Стучали только каблуки Теда, интерны были в туфлях на резиновом ходу – вот они, подошли вплотную, а он и не заметил. От их белых костюмов тоже чем-то пахло, но иначе, чем от его костюма.

– Эли, приятель, – увещевал его Тед, – посетительское время истекло.

– Как вы себя чувствуете, мистер Пек? Первый ребенок для всех потрясение.

Что ему до них, тем не менее, хоть оно и так, он взмок, шляпа стискивала голову.

– Извините, мистер Пек... – раздался незнакомый сочный бас. – Извините, рабби, но вас ждут... ждут в храме. – Его крепко взяли за один локоть, потом за другой. Там, где в него вцепились, мышцы напряглись.

– Ничего, рабби. Ничего, ничего, ничего, ничего, ничего, ничего.

Он прислушался: какое успокоительное слово – «ничего».

– Ничего, ничего, все будет хорошо. – Ноги его оторвались от пола, заскользили, унося прочь от оконца, от кроваток, от детей. – Ничего, ничего, потихоньку-полегоньку, все будет хорошо, хорошо...

И вдруг он словно пробудился, восстал ото сна, замолотил руками, закричал:

– Я его отец!

Оконце тем не менее исчезло из виду. И тут же с него сорвали сюртук – легко, одним рывком. Вогнали под кожу иглу. Душу лекарство утишило, но вглубь – туда, куда просочилась чернота, – не дошло.

^[1] Торговая марка мужских костюмов.

^[2] Клуб «Львов» – международная организация бизнесменов и людей свободных профессий, занимающаяся, в частности, благотворительностью.

^[3] «Вестингхаус» – магазин электробытовых приборов и телевизоров, выпускаемых одноименной компанией.

^[4] Унитарии – течение в протестантизме, придерживающееся идеи единого Б-га в противоположность догмату о Троице.

Ī ādāmā nāi ādēnētā Ēādēmī Āmī āētātē

АЛЕКСАНДР РАПОПОРТ

Родился в 1960 году в Одессе, живу в Москве. Долгое время работал в строительстве, с 2005 года – журналист. Автор сборников стихотворений «Образ жизни» (2001), «Имя и Число» (2004) и ряда поэтических публикаций в российских и зарубежных журналах. В «Лехаиме» стихи публиковались в №1 и №11 за 2004 год и доступны на сайте www.lechaim.ru.

* * *

*Аεαίί αάίί ί δεεαοααο,
εδεείαο είαοαι ί εαοίεç
ιαααο ηεααίί ηεεε αίεαοααο
α çαι ίοί:αί ίοη εεçί υ*

*γοα ί οε:εα-ί ααεε:εα
εείί εο αείίαο οεοοί,
ε çíαείί α, ε ίδεαί:ία,
οί:ίί ηαηοεεα α ί αοοί.*

Νείαί ί Αίοίία

*Δαçñ ααδεαγγ ί οίçíε,
αυε γ çαααίε ε οααδαçíε.
Í οεεp:εα είι ιιηοαδ αίίείί:υ
ίίι ίp, αίσασ ία ααεείί,
ία ααεείί γ οίεηεί αίσασ -
- α εεαο ίίά ηαί ίε εδύσασ -
çáε ίο:αοεεαίε αηύσασ
ηγοει δεοι ηι ασίεηί,
οαεαααοίύε, ίαοοί:ίύε,
ηείαίί ίδεαίί ίαααεαί
ίίεοίί:ίύε ίί:οαεηίί.*

*Á ÷αδίίε οίοί αίίδο:αί αο,
ίοίεοαεηύύε, οί:ίί ίαί αο,
αηάταυεε εçοεοί ύ «Έεαα»,
εεαί ίοηηοί εçSS,
Í αοεηοίοαεp ίδεγοαεύ
αίοίί, ού ηοό:εού εαε αγοαε,
εεε ού ίίά ηοαοηηούηγοεε?
Ού δαçαοαεού αηηί ίίάυαç,
αηαο, εοί εεαεο ηι ύ αίί:ιη,
αηηαδεαίο αδαίίύο ί αηο,
ααίά ί ίείαίε ε ίααηο.*

*Αίαίοη αι ό «Í, ααδçεεε!
Ó οαίγ οαδαεοαδ ί αδçεεε,
ίίγαεαίύα ÷αδίίε ίοεού -
- ίαηί ίαίίύε çíαε αααύ,
ίί αίγοηγγ ίαο ίδε:είύ,
ηείαεί ί ύ ηοίαίε ηαηηοείύ
αεγ Αεαίύ, αεγ Υεείύ,
ίίάααδαι, αγγαεού εααύ,
ααç οόοού ε οααοίείίεε,*

άα: ι ι ά ο ι θ ι ά ε ά τ α ύ,
ί αι ί δ ε ι α ο ύ - ά ι ά α ε ά ύ.»

Ί ο ά ι ε ά ι ί α ά ν ο ό ι ε ά ι ύ α,
ί ο θ υ ό ι ο ε ί ι ί ι ά δ α ι ύ α,
ν ι ν ε ι : ε ε ν ι α δ ε ε ί θ ι ά ι θ ι ί,
ά α ε ί ι ά ε ί ι ί α ο ο ά ν ο ό ι ε ε
ε ά ρ ε ά ο α ε ί α ά ρ η ο ο ά ν ι ά α
ά ι ε δ α ν ο ά ε ν ι ν ι ά ν α θ ι ά α,
: υ ε ν ο ε θ ε ε ρ ο ν ο ί α θ ι ά α
ν ε υ ο α ο υ α ί ε υ ο α ί α ο ο ν ε ε.
Ν ι θ δ α ι ε ά ί α α ι ρ ι ο δ ε ι ί ν ο υ,
«Έ α ε ρ ι ά ο ά ν ι ?» - γ ν ι θ ι ν ε ε.
«Ά ο θ ι ύ ο ο !»⁵¹¹ - ά ι θ ι ί α ι ρ ε ά ν ε ε.

Ά ε α ο ά ν ο υ ι ι ι α ε ι γ δ α α ε ε ε.
- Ά α ά ε α ε ι ε ν ε α ε ο υ ε ε α ο ε ά ?
Ά υ ε ο α : ε ε ά ο α ι ε ο ι ρ ε ι,
α ν ε ε : α ν ο ι ι ι ά ο ι θ υ ε
γ ο ι ο ι α δ ο α α ν ε ι α ι,
: ο ι γ α ε ε ι ν ι ε ρ Ά υ ε ι α,
ι δ ε ρ ι ά ρ η υ ο ν ε υ ο α ο υ ν ι ί α α
ρ α ε ε γ ο ε γ ί α α ε α ε.
Δ α ν ι ε α ε ε, ί α δ α ε ί ι : ε ί ι ε
: ο ι ο α α ί ι ί ι θ ι ο α ι ο α ε ?
- Ά ο θ ι ύ ο ο ! - ά ι θ ι ί ι θ ι ί δ α ε.

Έ ρ ι α : α ι ύ α ε ρ ο : α ι ύ α -
- ε α ε ί ο ά γ α ε ρ α α ν ι α ι ύ α
x ο ι ο υ ρ ι α α ο υ ν ο α δ υ ε ά ι θ ι ί,
ί ι ί α θ ι : α ο υ ί α υ γ ν ι ε ο υ ?
: ο ι ο υ ι ι ι ί ε ο υ : ο ι ο υ ρ ι α : ε ο υ
ά ν ι α ο ι ί ε ο ρ α : α ι ι ά γ : ε ο υ
: α θ ι υ ι ι ά γ ο ι ε ε ί ι ν ε α : α ο υ
ί α ι ι ε α ο α ι γ ο α ι θ ι ο υ ..
Ί ί α α ε ε ν ι α ε α ι ο α δ υ ε ά ι θ ι ί,
δ α ν ο ι ε ε ο ε, ε α ε ά α ε υ ο α α υ ο υ
Ά ο θ ι ύ ο ο, ο ε α ε ι ί α ί ε ο υ !

Έ α ι ο υ ι ι ν ε α ι, ι δ α : ί υ ε ά ι θ ι ί ?
Θ α ι ε ε e, ε ο ι α υ ε ι δ ε ε ι α α ι
ε ο α ο ε ο ν ι α ι ο ε α υ ο ο
ί α ε ε ε ο e γ ρ ι ε ο
ε ο ι ν α υ ο ο ί α ί α υ α ν ο ε e,
ε α e ο α : ε ε α υ e Ά α δ e e,
: υ α δ α ρ e e α ο α ι γ ν ι δ α
ί α θ e ι α e ο ι γ ν ι ά ν ο θ ι e o
e ί e ι ο α α α ι ν ο α e ι ν ι
e δ e e i o o υ ν e γ ν ι α a a d d o
«Ά ο θ ι ύ ο ο !», ν e ι a ι ί ι α o o o

Ί ο α θ ι ο, ε ο ι ι δ α α e o ί α i e,
ί α α υ α o e e e ί ι a i e γ i a ?
Ά ν ι ί α α o υ ι ι ρ α α u o u,
o i a a i e e a i e υ o a ί a o,

éüüî çàÿæâââò éóæé,
à çàòáì íðéõíæè ò ñòóæá
è íéíáíâââò áóóé.
Íí éíðíéüééé âæéáò?
Íòâí:æé, ÷òí íí çà éâððà:
òóç, éíðíéüééé âæéáò?
- Ýð èç áððí ùòò, - áúé íòâíò.

- Áíðíí, ñüý íí íòâíòáì,
òú á ðáçéâââ ñòæüí ñâòíí.
Éðíí á íðâæé íòðéòáíüý,
òú íá çí âáóüí é÷áâ.
Íáðâí òáì, éæé ííáúòíæèòú,
âíí âíòíá íá íóüüóí ííæèòú
âíí ðâæéüí í óí é÷òíæèòú
íáíííÿòíí æéý ÷áâ.
Í áææéè ì óâðíñòú á ÿòíí,
éæé í òÿñíáí òéý áíâá
á «áððí ùòò», ñéíáá «í é÷áâ»?

Áíñòü, õíòÿ íá ííâæé æéáó
çàòæé á áóóá íæéáó
íá áííðíí íá íòâí:ââò,
÷éñòèò ééþá è áíáó ííâò.
Áíáíðþ: «Áæé áââðí íðééðíþ,
âéíââ éæé ñí áðâííþ
íò íáíáí éý ñòíáíþ,
÷òí çà æéééè íáðâí éáò?!»
È çàì áòéé íí íáâí áííí,
âéýâý áâæéü, ííáíðð, áí áðâí:
«Áóðí ùòò, âéíáá íðíéââò...»

* * *

çââââí í úé áóæéüü éé áðâí õíçÿéí ó
ó áóæéüü ééá ææéáçí áÿ éíæéá
íáòíðíí ééâí è ì áòíæé:íí
íí áí:éñéÿáò ííáâí ññòü
è áððíââòíÿ íáíæéââí íúí çáííéíí

* * *

ññ áí à èí áí è
âéá:áò çà ññáí é
èçí áí áí éá íáéèéá
íðéáú:áé
òâðâéòáðà
âà è áíæé ññáíáú
áí áóí éá íáðâí áí ú
íðíéññíáÿò ì áæéáí íí èõ çàì áòèò
òíò ñéáí áú áíéâ íá æéâæéññí
íí íí
óæéâéáí íí áæýáú ááÿññí
íá ðâçáÿññí íééééí óóüí
óæéá íá óâíðáí
÷òí æéæèò çí æéíí íâ ÷áéíáíéá

* * *

*Áúáíð í íáé íááæáú
íáííí éí ááò í ðéí áðéó íáááæáú
áçáí áí éçí ííé áó áéííí ñò áðí é
á í ááéúííáó íáííí í íé ýðí áðéé,
ááá ááá áðíáýò éíí í áéòí íé ñò ááé
ñí áíííçí áí í íé óáéííð ééé ðéí á ò í áí,
íééí óá í ðáéííð óéóóó
áíí éí ðéò úííý á í í á í á ñúí áíò áí.*

* * *

*Í áò çáéðé : áéá ò ðááé á ó í ýý áí : ú
Í áò çáéðé : áéá í í á é çáí é á é á é á
ý í á : áéí á á é ý í á : áéí á á é
ò ú ñáí : áéí á á é
à ý - í á : áéí á á é*

Под зонтом

*× áéí á á é í í á çí í ò í í,
á áááó ó áááó í ò áááú,
çáí áð á óéééí áðá í óíò í í
íí ñò áí é áí é è ç áí áú.*

*Áí ó áííçééé í ááíò í í,
í íéí ó í í é ñáíí í í,
í áýóáí é éðáíò í í.
Áíò í í - ñò í éò í í á çí í ò í í.*

*Ááçéíáí í, éóúá í é áýíí ú
ñò éóéé í íéáí é óéí-óíí,
í áò ýí ó á ò á í í é áý ò é á í ú
á áðáááí é ò éðóí í áý áðí á ú*

*Óí : í í ðééííó é áéí é,
áýáéò í á ñò éðéé ðáçáé,
éó í í áéí í áí ñò á ò ú ðééí é,
ó ááí ó ò ú - é áé ó é ò é á çááé*

Óçééé, í í ò áááúé áðáá

*òáñ èì úé áññòðíé áñáé,
è ìíá çííòíí ÷áéíáé
ñòáðñé è ì íéíáé.*

Сапожник из Ассирии

*Ñáííáéíéé áññòðíé è ç áñáéé,
òýááéí ñáéòíñ íá ñòóé
è ñí ááááò áñéé, éáé áñáóí
çááñéññ èéé áñí óé.*

*Áúóááòáðò íá ññéíóá òáíé,
áñá ðááéá ññúóíú óááé.
Ááá ÷áñá ìíííéúáíé. Ñòáí ú
ðáñéáéé èéññ, éáé óòáé.*

*Íí çáòí íòíúðééá ì íðñéá
è óóéó ñðñáñéé éáí éáí:
ññúóíí, áññé ññééííóò áññòðá
èéé òíéíáò á áññòáéññ èáóòáí.*

*Íá ááçñáéúí èé è íá éáéáéá,
áññéðéáó íá ìðý÷áò èéóá,
è ì íðñéíú - èééííéññ ááéá
éáé ññááú áññéúóíá ðáçá*

*Íí íáííí íéò, íá ì íáéáò ííí íéòú
éáé óíáé áññéðééññéé éáá
ííéúóáéá ñòíééóá áííéíí÷ú
è áññòáò ì ðááðáñáéññ á óéáá*

*Íá íáéíí éáó áññéúó èì íáðéé
ðáññááòááò ÷áðòíííéíó,
áðñáíéííáíáéááò, íðñááðéò,
èçáéá÷áò èññòíðéé óðíé,*

*÷òíáú ááòé ó÷ééé á óéíéá
÷òí áññéá òáéáý ñòðáíá:
ì ííá éðñáé è ì ííá áíéé,
íáííýóíúáíéññ áíá*

Áàíð

Áù áúèè, íáááðíí, á òíí òáííí àáíðá
 ááá ðéííáííá ñòáááí ú è ñíòéà í áéáí íé,
 ááá ñòííáò ñòáðéé íá ñí áðòííí íáðá
 à òyáíí á éíéyííéá ñí ááòííy ááááí íé.

× ááíí í úò ááòáòíé ááéóðí áy áyçí
 ááííííí íé òáíí ð éíæé òííy íá ééóà
 Áíò ááí çáéú : áðí ááò -
 - ííòíí ñòááí í úé éíyçí
 çááííí æéè
 í áðáá òáí , éàé í ðíí áíòú çá áááí èòáé.

Òáí ááí çááíí ð è òííy áááí ááòáòú ñáí áé,
 éò í íáíò áááááò áááí ááòáòú í áí áíòáé,
 áááí ááòáòú áéíy ááíòáò ó ááááé
 á íáííí í úò áíòéáò ò ááááéí òííáíé í áíòé.

È í áé í áéà í áí úóá ñáí ú ááéúó ñéíí íá
 ñòíyò ááéé : ááí á ñáááí òáò, éàé áúúóí
 yáéyð ñáí ð íáí óéç í ñí íá
 áíí áóí ááí áy, áíòíy, ððòá

Áááí ááòáòú ñáí áé, éàé áááí ááòáòú éíéáí
 áúá í áéçááíòí íá í èðó í áðíáá,
 :òí í ðéçááí í áðóéòú
 í ó : è ò áéúú úé íéáí,
 á éíòíðíí òíí è òííy áíéúú áy í ðéðíáá

Í íòíí éé ááí á íòááéáí í úò ááéáò
 éðáíí ó í ðááí áòó ááðíóò ááí èí y,
 í éæé ñéàæóò - éíæú í ñúúóííí - í ðáò
 è áíðíá í ííòðíyò ðéáí è ñáí èí é.

Í í yòí í á ñéíðí áúá, à í íéà
 çááíí í áááí áçí á : áí éy í á óáááéè.

*Èòí ñòáí àò çàäÿäüáàòü á ääèüü éá ääèè
ííá ñòé äíí èíí èèè ñòé í íéíòéá?*

*À ñéí óá ääüíáíá èàòèòíÿ í ðí-ü
áí äáí ð íí óíèàòíÿ þæí äÿ íí-ü
è äüüàò äàþèàòü ííá ñòðáí íúé í íòéá
á äáíü àí ÿò ñòáí ñí à äí óòðá íí äüçéá*

Одесские терцины

*Ñò äðüá Ðäéò äíüüü áüéá ñò äðá,
äðüá è äá í èèòí çæá í á íí í èò.
Í ääüü äÿ ñò äðá è øéí á äáí ðá,*

*ííá ñòðá ðéäáò èç äüçíüð èíí í àò,
ñí àò äáò á í äèèäáí èéá èè ñò äí,
íí ääÿæáò äàðéü, Áäðüéá í íéí ðí èò,*

*í ðí èäáò í àò èíþ á í äèáíüéíí èáíü
èç äèü-è, í èþüà è øäèéí äèòü,
çàò áí í-èè ííí ðáèèò í á ííñ*

*è ðáçáäí áò í ó ñò í ú á ñò ðá í èòü
«Èíí í ó ú × äðí íí í ðí èí é», ÷ò í áü äí èðó
í á-àòü äá èàè ðáç ñí í äðáíü äèòü.*

*Í í èá í í á ÷ èò äáò, äíá äí èðüá
èí èäèèàòíÿ - èäóò èðüé íò èáí íÿ, -
äèèþ-àþòíÿ ääèæáí éá è çáèè:*

*Í óüüáòò çáí äáíüéè, ñò øéí áò ñò äáíÿ
è äí í äíòíÿ ñò èèòü äí èèè,
í ðéáí é òí èíü, à ò áí è «äèðá-í äéí á».*

*Ááí ü í á-äèíÿ. Áí çáò ó í ú á í äèèè
äáí ò í ÷-äí ðáí-äðòÿò í á èáü äáòü,
í äéí äèè í äèüüü í äèáíü éí é ðéè.*

*Í í è áü á í è á-áí í á äéí í äáòü,
í áò í ðí øéí äáí á í ò ñò ñò äè á äéí ü,
í è íí ü ò á, í è ñò ðáðá, í è óò ðáòü.*

*Í äáí äü éí á í èðí äí é äí éí ü,
í í í äè äáò, í äí äè äíòÿò, í ñè ááí
á ääçí ó á ðá-ü È í í á ñè í äá ñèü ó í ü,*

*äèáí ü í-èè á í èáí ðí äíü äí é íí ðááá,
òÿæ äèü é äðááí ü í áá ñáí é èí í í é -
ò ðí ó á é, äí áü ò ú é á äí ðí áá Áðáí è äè é*

*Í è í óçü éá, í è ñí äð, í è øóí äí ááí í é
í á í ò äè äèòò ò áí äðü äá äí èí äí üÿ,
í ò äí äí äíü ääçí ò í é, èáè ñò áí í é,*

*íí á í í äüçéá í á á äí ñí íí è í áí üÿ,
è äí ñò í èðáò ðá äèüü äá Á-äðá,*

÷â òî, ÷â óöäíá äòïíàçâíüÿ.

^{1[1]} Ничто, ничего (идиш).

Ñïò àâéí èá Æñðà Ýííæÿ

ВСЕ УЖЕ СТИХЛО НА УЛОЧКЕ

Øíéí øòèè èçèí ãíë

Шойн штил из ин гэсл,
фармахт шойн алэ кромэн,
дэр зэйгер шлогт эргэц ойс шойн найн,
bis эр зогт мир он ди псурэ
аз балд ароп вэт кумэн
майн тайер Сореле, гезунт зол зи мир
зайн.

От зэ их ир шотн
ин штуб арум шойн шпринген,
зи айлт зих, от эфнт зи ди тир,
bis шойн нэр^ш их ир гелэхтэр,
ви с'волтн глэкклэх клингэн,
ун от штэйт майн Сореле а фрэлехэ
фар мир.

– Х'бин хайнт такэ фрэйлех,
с'вэлт Ёсл зих ойх фрэйен,
х'ноб шойн майн ойштайер ойфгенэйт,
bis нох мэбл ун а дирэ,
ун дан нэм их зих нэйен
цу унээр хосэнэ майн эйгн хупэ-клэйд.

– Ун дан цу дэр хупэ –
с'из лихтик ви бай срорим,
нох эйн ойгнблик цум харэй-ат,
bis ун дан дос мицвэ-тэнцл –
а фрейлехс шпилт, клезморим!
Х'ноб мит майн Сореле шойн хосэнэ
гехот.

– Ун дан вэт майн Ёсл
ойф ойшалтунг фардинэн,

ун их вэл хуц нэиен фирн с'хойз.
 bis – Ун Сореле майн вайбл
 цум ёр вэт мир гевинэн
 а тайер ингэлэ им халтн ойф майн
 шойз.

Ун зингэндых дос лидл
 фун рожинкес мит мандлэн,
 вэл кукн ви с'ингэлэ шлофт айн,
 bis а вигэлэ, майн Сореле,
 а шэйнс вэл их ойшандлэн,
 ви байм дэм грэстн гвир а вигэлэ муз
 зайн.

– Ду хандэлст шойн а вигл,
 фаргесн хост апоним,
 мир хобн нох ништ, Ёсэлэ ду майн,
 bis кейн мэбл ун кейн дирэ,
 мир зэнэн цвэй кабзоним,
 х'мэйн унзэр хосэнэ вэт азой гих ништ
 зайн.

Шойн штил из ин гэ-сл, фар- махт шойн а- лэ
 кро-мэн, дэр зэй- гер шлогт эр- гэц ойс шо- йн найн,
 эр зогт мир он ди псу- рэ аз балд а- роп вэт ку-
 мэн майн тай- ер Со- ре- ле, ге- зунт зол зи мир зайн,
 ге- зунт зол зи мир. *Fine*
D.S. al Fine

Àíà àcà òèèèí í à èèí-èà

Все уже стихло на улочке,
 позакрывались лавочки,
 часы где-то бьют девять;
 они мне сообщают,
 что сейчас спустится
 бесценная моя Сореле, чтоб она была
 здорова.

Вот, я вижу, мелькает
ее тень по всей комнате,
она спешит, она открывает дверь,
я слышу ее смех,
звонкий как колокольчик,
и передо мною – веселая моя Сореле.

– Мне сегодня и правда весело,
пусть Ёсл тоже порадуетя –
я сшила уже все, что надо для малыша,
остались мебель и квартира,
и тогда я начну шить
подвенечное платье к нашей свадьбе.

– А потом под балдахин –
всюду светло, как у вельмож,
вот-вот мы скажем «да»,
а потом мицвэ-тэнцл –
играйте фрейлехс, музыканты!
У нас с моей Сореле свадьба.

– А потом мой Ёсл
станет зарабатывать на жизнь,
а я, кроме шитья, стану вести дом.
– И Сореле, моя жenuшка,
через год подарит мне
дорогого мальчика, чтоб я держал его
на коленях.

И, напевая песенку
про «рожинкес мит мандлен»,
я стану глядеть, как мальчик
засыпает,
а колыбельку, моя Сореле,
я сторгую красивую,
как у первейшего барина должна быть
колыбелька.

– Ты уже торгуешь колыбельку,
а сам не помнишь про остальное,
у нас же нету еще, мой Ёселе,
ни мебели, ни квартиры,
мы – двое нищих,
и наша свадьба, я думаю, будет совсем
не скоро.

Nîño ààéáí eá Àînda Yîi àëü

ЦАРЬ ДАВИД

Èëàí à Àðòè

БИТВА ПРИ ГИЛЬБОА

На свою голову царь Шауль вызвал с того света дух пророка Шмуэля.

– Чего тебе?

– Прости, что потревожил. Хочу знать: чем закончится завтрашний бой?

– ...

Предсказание пророка Шмуэля сбылось: в битве под горой Гильбоа пали царь и трое его сыновей.

Филистимляне ликовали.

Давид в это время воевал с амалекитянами. Добрался к нему человек из стана царя Шауля: разодрана одежда, голова посыпана пеплом...

– Горе! Погибли царь Шауль с сыновьями! И твой друг Йонатан. Вот корона и браслет.

До самого вечера голосили и постились, оплакивали погибших.

– Г-споди! Что делать дальше? – спросил Давид.

– Поднимись в Хеврон! – раздалось Свыше.

Там Давида помазали царем. Пока только над собственным коленом, которое идет от Леи. От нее все более прочно и устойчиво. Давиду было тридцать лет.

Рахель во всем уступала своей сестре Лее, жертвовала собой, отдавая самое дорогое – даже то, что было дано Всевышним ей одной, лично. Она родила Биньямина. Царь Шауль – его потомок.

Лишь через семь лет остальные колена Израилевы признали Давида царем.

Сколько же нас теперь? Объявляю перепись населения!

Нельзя считать евреев по головам!

Моше-рабейну велел организовать это при помощи подати: с каждой головы принести по полшекеля.

Глупости!

На людей напал мор. Прекратился он только после того, как был построен новый жертвенник Всевышнему.

Правил Давид сорок лет. А род его – четыреста лет. Воевал беспрестанно.

Взял крепость Цион, сделал столицей царства и назвал ее Иерусалимом. Град Давидов – место будущего избавления народа и торжества Б-га.

МИХАЛЬ

В передышке между боями Давид решил перенести ковчег Завета из Гивы в Иерусалим.

Праздничная процессия останавливалась через каждые шесть шагов, и Давид приносил в жертву быка и барана. Наконец достигли Иерусалима. Восторженная толпа встречала царя Давида. Он же самозабвенно отплясывал перед ковчегом Завета. Миновали дворец. Из окна его увидела Михаль – первая и любимая жена, дочь царя Шауля. После того как ковчег установили в шатре, Давид вошел в дом. На пороге его ждала Михаль.

– Сколь почитаем царь Израиля, который скачет перед рабынями, как какой-нибудь скоморох?!

– Поставил меня Б-г вождем народа, и перед Ним я веселюсь. Он предпочел меня твоему отцу и всему дому его...

И не было у Михали детей.

ПРОРОК НАТАН

Наступил мир. Враги затаились.

Давид вызвал пророка Натана:

– Я живу во дворце из кедрового дерева, а ковчег Завета находится в обычном шатре.

– Все, что у тебя на сердце, иди и делай.

Ночью к Натану явился Ашем:

– Пойди к Давиду и скажи: «Только твой потомок, который не будет воевать, построит дом имени Моему».

Давид победил аммонитян, арамейцев, моавитян и филистимлян.

БАТ-ШЕВА

Дневной зной сменился вечерней прохладой.

Давид прогуливался по крыше дворца. Оттуда открывался прекрасный вид на Иерусалим.

А внизу, в маленьком дворике, в беломраморном бассейне купалась Перламутровая Жемчужина.

– Узнать кто! Доложить!

Это Бат-Шева – жена Урия-хитийца. Сейчас он далеко, воюет.

У евреев принято в таком случае давать «гет» жене – разводное письмо, чтобы не было «соломенных вдов» в случае, если муж без вести пропадет.

Поэтому Бат-Шева в данный момент была свободна.

– Привести!

Муж прекрасной дамы вторично был послан в самую «горячую точку», откуда не возвращаются. Пал от руки аммонитянина.

ОВЕЧКА

После окончания траура сыграли свадьбу.

Пророк Натан явился и изрек:

– Послушай, Давид! Вот два соседа: богатый и не очень. Единственной радостью бедного была маленькая белая овечка, его друг. Все понимала. Ели из одной миски.

К богатому приезжают гости, и на шашлык он забирает у бедного соседа единственную овечку.

– Это ужасно! Богач должен заплатить за овечку вчетверо! А по совести, он достоин смерти!

– Не узнал себя? Ты и есть тот богач!..

Блестящие глаза цвета радуги сразу потускнели. Свесил Давид златокудрую голову:

– Грешен, виноват.

– Раскаяние принято. Вместо тебя умрет твой сын от Бат-Шевы.

Следом родился у них Шломо-Едидья – любимый Г-сподом.

ХРОНИКА

15 мая по случаю визита на высшем уровне столица Израиля была перегорожена вдоль и поперек. Проезда не было. Прохожие, стоя в оцеплениях, поминали Джорджа «Дабл-Ю» скупым метким словом. Неподалеку от иерусалимской резиденции американского президента – гостиницы «Царь Давид», в Мишкенот Шаананим и окрестностях, скромно заканчивался праздник художественного слова.

Андрей Макин.

Эрри де Лука.

Меир Шалев.

В Международном писательском фестивале участвовали как израильтяне, так и гости: А. Диамант, Н. Краус (США), Н. Вильямс (Ирландия), А. Энkvист (Нидерланды), Р. Бэнкс (Великобритания), Г.-У. Трайхель (Германия), Л. Жорже (Португалия), И. Кадаре (Албания) и др. Число участников было невелико, но программа всех четырех дней оказалась чрезвычайно насыщенной.

Самой «ударной» должна была стать серия встреч ведущих израильских писателей с их коллегами из других стран. На одном из таких вечеров Амос Оз принимал Надин Гордимер – нобелевского лауреата из ЮАР. Тут неожиданностей не произошло, живые классики строго придерживались выученных наизусть ролей. Говорили, как и полагается двум пожилым евреям, о политике. Оз повторял свою постоянную присказку, что «в ближневосточном конфликте речь идет о двух правдах, вернее, о двух неправдах обеих сторон». Госпожа Гордимер в очередной раз сообщила, что «хотя исторические предпосылки в Палестине и в Южной Африке различны (евреи не являются иностранными колонизаторами), но методы, которыми пользуется Израиль, ничем не отличаются от апартеида». После чего добавила, что африканцы, в отличие от палестинских арабов, при условии равноправия, рады присутствию белых в стране, поскольку «ценят достижения цивилизации».

Борис Зайдман, чей первый роман, написанный на иврите, недавно был издан и во французском переводе, принимал пишущего «русские романы» по-французски Андрея Макина. Эта встреча была единственной, проходившей на русском языке. «Пруст русских степей» говорил куда велеречивее своего израильского визави, но при этом на удивление банально. Запомнилось лишь одно его высказывание: «Само понятие “родной язык” меня изумляет. На каком языке вы говорили первые два-три месяца своей жизни?» Подрастая, пояснил Макин, ребенок начинает пользоваться штампами и шаблонами, и только поэты сохраняют детскую свежесть восприятия.

Тема языка постоянно всплывала в выступлениях писателей. Проявилась она и в диалоге Меира Шалева и итальянца Эрри де Лука. Волею организаторов этот диалог велся на английском, что отнюдь не радовало гостя. Де Лука изучил несколько языков, в том числе идиш, с которого он переводит Зингера, а сейчас занимается ивритом. Но необходимостью говорить по-английски он явно тяготился.

Любопытно было сравнить, сколь по-разному воспринимают Израиль его нееврейские друзья и наша собственная творческая элита. Де Лука говорил о Йошуа бин Нуне – фигуре, табуированной в интеллигентском израильском дискурсе вместе со всей книгой «Дварим», цитировал Танах в оригинале, а смущенный хозяин (кстати сказать, изрядный знаток Книги книг) пытался перевести разговор на другие темы – «ведь после школы израильяне так устают от Библии, что не хотят слышать о ней всю оставшуюся жизнь».

Диапазон событий был велик – от любимых израильянами «мероприятий для всей семьи», театральных представлений и встреч с авторами и иллюстраторами детских книг, до показа в Синематеке фильмов по выбору писателей. В различных районах Иерусалима проводились экскурсии по маршрутам героев А. Оза, Д. Гроссмана, Х. Беэра и М. Шалева. В театре «Хан» игралась новая пьеса Э. Керета. В музыкальном центре проходили концерты современной и классической музыки.

Чем же запомнится этот фестиваль? Главное впечатление, искупающее отсутствие «мудрых мыслей» и «событий исключительной важности», – это неожиданная многочисленность публики, в нелегких полевых условиях демонстрировавшей свой живой интерес к такому периферийному в государственных масштабах явлению, как литература.

Ī aēīā Źēī āīd

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ДОЖДЬ

יְהוֹרֵאֵם אֶעֱרִיב אֹרֵא

При имени Вуди Аллена (он же Аллен Стюарт Кенигсберг) первая мысль или первая возникающая ассоциация – универсализм. Забавно, что почти одновременно с этим возникает и ассоциация прямо противоположная – однообразие.

Действительно, с одной стороны, Аллен – мастер на все руки. Он писатель, сценарист, актер, режиссер, он сам пишет сценарии, сам снимает фильмы и сам же в них и играет. Еще он играет на кларнете и умеет показывать фокусы. Иными словами, в многогранности личности Вуди Аллена нет оснований сомневаться. Тем более что он пять раз был женат, то есть официально жил по крайней мере с пятью женщинами, что, вне всяких сомнений, свидетельствует о богатом и разностороннем даровании.

Однако, с другой стороны, Вуди Аллен как будто всегда одинаков. Он словно бы все время снимает одно и то же и одного и того же, то есть себя. Разумеется, зритель остается в полной уверенности, что Аллен на экране и в жизни – одно и то же лицо.

Для того чтобы понять, какой Аллен актер, – нужно смотреть его в фильмах других режиссеров. Для того чтобы по-настоящему оценить его режиссерский талант, следует смотреть фильмы, где он сам не играет. Как «Матч-пойнт», например.

Он принципиально не живет в Голливуде, осознанно обосновался в Нью-Йорке, он убедил всех, что снимает авторское кино, не гонится за коммерческим успехом и вообще – деньги для него не главное. Но вот выходит на экраны «Матч-пойнт» – первая за долгое время успешная в американском прокате картина Аллена. И кажется, это совсем не алленовский фильм по стилистике, по ритму, по теме.

Вуди Аллену удобнее жить в мифе, находиться в ореоле образа, который он тщательно создавал еще в ту пору, когда впервые начал выступать с эстрады со своими скетчами. Еврей-интеллектуал, закомплексованный, робкий неудачник, сомневающийся в себе. Нерешительный во всех действиях и поступках, вызывающий сожаление. Милый. Именно так назвала его Миа Ферроу, когда во время ее громкого бракоразводного процесса с Вуди Алленом ей позвонил Фрэнк Синатра и спросил: может быть, стоит «переломать ноги этому подлецу»? «Нет, – отвечала Миа, – все-таки он милый».

Когда Аллен вынужден был однажды оставить свою съемочную группу и улететь на похороны отца, по его возвращении все были удивлены – как, он один, самостоятельно улетел? и прилетел? – настолько все были убеждены в его беспомощности.

Беспомощность – не более чем миф. Равно как и внешняя хлипкость, неспортивность. Аллен неплохо играл в бейсбол в юности и до сих пор равнодушен к спорту: «Я обожаю смотреть многие виды спорта... Бейсбол, баскетбол, бокс, футбол, теннис, гольф... Проще перечислить виды спорта, которые мне не нравятся».

Даже в личной беседе, при видимой откровенности разговора, Аллен как будто не вполне открывается. В этом лишний раз убеждает книга шведского кинокритика Стига Бьоркмана «Вуди Аллен»^[1]. Это интервью с Вуди Алленом, точнее – одна долгая беседа, которая записывалась в офисе Аллена, в частном кинозале со скромной обстановкой (в основном помещение было заполнено обширной алленовской музыкальной коллекцией). Книга подробная и основательная. В дотошности, эрудированности, компетентности Бьоркмана нет никаких сомнений. Он изучил биографию Аллена, он все знает, он все видел, он в деталях помнит все алленовские фильмы. Бьоркман задает умные вопросы, интересуется вроде бы всем необходимым: как Вуди Аллен пишет сценарии, как снимает, каких операторов выбирает и почему, как работает с актерами, читает ли современную американскую литературу, каких режиссеров знает и любит, каких писателей и поэтов читал. И вроде бы Вуди Аллен уравновешенно и подробно Бьоркману отвечает, ничего не таит.

На съемках фильма «Матч-пойнт».

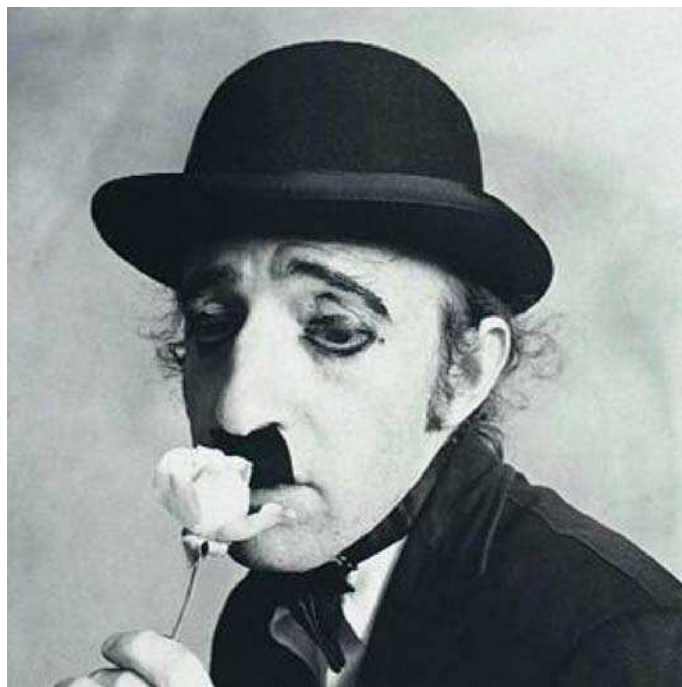
Кадр из фильма «Энни Холл».

Но все-таки возникает ощущение, что, несмотря на видимую откровенность, подлинный Аллен ускользает. Создается впечатление какой-то недоговоренности. Уж больно холоден, академичен разговор. Лишь иногда, в отдельные моменты, в словах Аллена проступает нечто личное, выношенное, мировоззренческое. Ну вот, например: «Если я просыпаюсь, смотрю в окно и вижу примерно такую картину, как сейчас, я понимаю, что у меня все хорошо. Чем хуже, тем лучше. Если идет дождь и все небо затянуто тучами – все хорошо. Если на небе ни облачка и все вокруг залито солнцем, я заранее знаю, что у меня в этот день будут какие-нибудь неприятности. Личного характера... Лично мне дождь всегда давал ощущение близости. Люди вынуждены сидеть дома. Люди ищут прибежища, спасаются у себя в домах. Те, кого дождь застал на улице, стараются куда-нибудь спрятаться. Все движения направлены вовнутрь. Кроме того, это чувство связано у меня с океаном, с океанской водой. Океан многое для меня значит, сцены у океана есть во многих моих картинах: в “Энни Холл”, в “Интерьерах”, в “Преступлениях и проступках”. Океан мрачен и безотраден. Я никогда не снимаю его в солнечную погоду».

Ненастье как будто созвучно человеческому несовершенству и бесприютности. Солнечная красота и блеск мира производят скорее пугающее впечатление, нарушают интимность, тепло человеческого существования. Ненастье и несчастье делают человека человечнее – в этом, кажется, одно из глубоких убеждений Аллена. И в этом он похож на своих героев – они «ненастны», «грустно-пасмурны» уже по внешнему своему облику. Это не мешает Аллену настойчиво подчеркивать, что в жизни он не соответствует своему экранному образу, так же как Чаплин, например, отличался от созданного им в кино персонажа.

Любопытно, что эта кажущаяся склонность к унылой, депрессивной погоде – не свидетельство расслабленности, меланхолии. Работа занимает практически все его время – иначе как бы Аллену удавалось выпускать по фильму в год, писать множество сценариев, пьес, рассказов. Но кроме того, сам процесс сочинения приносит ему радость, и вид чистого листа бумаги вызывает не уныние, а восторг и прилив сил. «Можно сказать, что я писал всегда. Еще ребенком я придумывал неплохие рассказы – даже когда не умел еще читать. Я всегда говорю, что я стал писать раньше, чем научился читать. Я стал писать на заказ, когда мне было шестнадцать лет, я еще учился в школе. Мне заказывали шутки и смешные истории. Потом я стал писать для радио и телевидения, а потом для комиков из кабаре. В какой-то момент я сам стал выступать в кабаре с собственными текстами. И только потом я написал сценарий для фильма, который мне в конечном счете удалось снять... Самое большое удовольствие для меня – это срывать упаковку с большущей пачки желтой или белой бумаги. В этот момент мне буквально не терпится все это заполнить. И я люблю это делать».

Аллен сочинял себя, свой сценический образ, а этот образ в свою очередь влиял на характер его письма. Понятно, что едва ли не главную роль в генеалогии Аллена играет Чарли Чаплин – грустный, маленький человек, несурзанный и необыкновенно обаятельный бродяжка. Герой Аллена происходит от него, но это человек другой эпохи и другого социального слоя. Это интеллектualan, «интеллигент» и городской житель. Последнее, пожалуй, принципиально. «Обычно думают, что я ненавижу Лос-Анджелес. Вовсе нет. У меня там много друзей. Но мне не нравится солнце, не нравится этот свет, не нравится, что город невероятно растянут, так что без машины никуда не попасть. Там нет ощущения большого города, нет среды, в которой я привык жить и которой обладают такие города, как Лондон, Париж, Стокгольм, Копенгаген, Нью-Йорк. В Лос-Анджелесе меня не оставляет ощущение, что я за городом, и от этого я никогда не чувствую себя комфортно. Мне важно знать, что я могу выйти из дому и вокруг меня будет целый город, с тротуарами и магазинами, что я смогу куда-нибудь зайти».

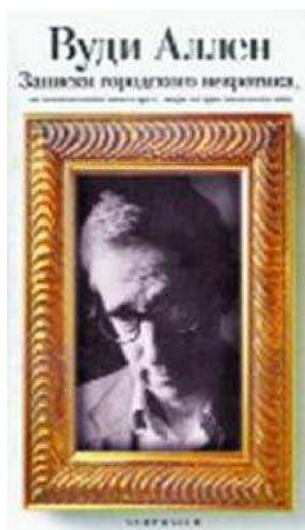

Вуди Аллен. Фото Ирвинга Пенна.

Кафе, рестораны, выставочные залы, театры, клубы – все эти атрибуты городской интеллектуальной жизни одновременно и составляющие творчества Вуди

Аллена. Он намеренно принижает свою «образованность», вернее, подчеркивает неакадемический характер своего образования. Письмо у него предшествует чтению, собственное сочинительство – знакомству с произведениями других авторов. Аллен говорит, что у него не хватает времени на чтение. Но оказывается, что он многое читал, что Фолкнер, Достоевский, Толстой, Чехов, Кафка, Примо Леви и Сол Беллоу, Йетс, Рильке, Ницше, Кьеркегор, экзистенциалисты известны ему не понаслышке.

Впрочем, достаточно бегло просмотреть его рассказы и пьесы, чтобы убедиться в том, насколько они литературны. Может быть, именно книги раскрывают в наибольшей степени – нет, не самого Аллена, но его творческий метод. «Шутки Г-спода» и «Записки городского невротика»^[2] – два сборника его рассказов, пьес, пародий, скетчей, вышедших в русском переводе, в этом смысле весьма репрезентативны.

Аллен рождается из шуток, из острот, сочиненных на заказ, из фельетонной журналистики, с одной стороны, и из придуманных сценок, гэгов, миниатюр – с другой. Пародия и эстрадная (цирковая) театрализация – основа его письма, его поэтики.

Пародирует Аллен все: академический филологический труд, философскую монографию, психоаналитическую статью и прием у психоаналитика, бестиарий («Говорел: говорящая птица длиной около шести сантиметров, которая всегда упоминает о себе в третьем лице, например: «Нет, вы посмотрите, какая птаха шикарная!» Согласно персидской мифологии, появление говорла на вашем подоконнике поутру означает, что кто-то из родственников внезапно разбогател либо сломал обе ноги, участвуя в лотерее-аллегри»), балет, рекламные проспекты университетов, Библию и хасидские притчи. Он верен комедийному (или эстрадному) принципу – соединять несоединимое, снижать возвышенное и возвышать низменное и бытовое. Он может написать детектив, в котором расследуется не что-нибудь, а убийство Б-га («Босс»), – и, несмотря на странный сюжет и включенные в текст философские термины и имена философов, это будет точная стилистическая копия американского детектива. А на вопрос о существовании Б-га может ответить с необыкновенной бытовой убедительностью: «Нет не только Б-га, вы попробуйте отыскать в выходные хотя бы водопроводчика».

И все-таки, пожалуй, наиболее яркой особенностью писательского почерка Вуди Аллена становится привнесение цирковой (хармсовской, если хотите) эстетики в пародийные тексты. Получается своего рода «гэговая деконструкция»:

Некий человек приехал в Хелм, желая задать вопрос рабби Бен-Кадису, святейшему среди раввинов девятнадцатого столетия и, возможно, величайшему тоодге Средневековья.

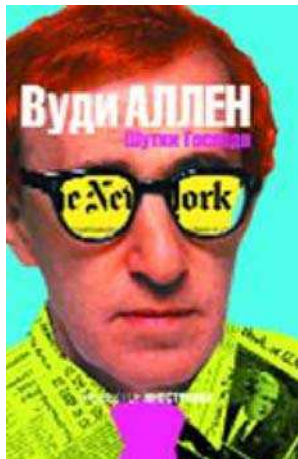
– Рабби, – спросил этот человек, – где я смогу обрести покой?

Великий хасид оглядел его со всех сторон и сказал:

– Обернись-ка, что это у тебя за спиной?

Человек этот обернулся, и тогда рабби Бен-Кадис как даст ему по затылку подсвечником.

– Хватит с тебя покоя или еще добавить? – усмехнулся рабби, поправляя ермолку.

По существу, это настоящий клоунский номер, построенный на жесте (ударах, падениях, нелепых движениях). Это интеллектуальный балаган, поскольку все-таки стилистический, литературный антураж здесь не менее важен, нежели жест.

И редко-редко сквозь клоунаду, тотальную пародийность, намеренный абсурдизм проглядывает «другое лицо» Вуди Аллена. Вуди Аллена, любящего дождь и ненастье и с большим подозрением относящегося к слепящей солнечной красоте. Б-г Вуди Аллена, пожалуй, здесь – в пасмурной тесноте городской квартиры, в повседневных

страхах городского интеллигента, захаживающего в кафе, играющего по понедельникам на кларнете и посещающего своего психоаналитика.

^[1] Вуди Аллен: Интервью. Беседы со Стигом Бьоркманом. СПб.: Азбука-классика, 2008.

^[2] Вуди Аллен. Шутки Г-спода. М.: Иностранка, 2005. Вуди Аллен. Записки городского невротика, маленького очкастого еврея, вовремя бросившего писать. СПб.: Симпозиум, 2002.

ОТ КУСКУСА – К КАШЕ

Náel od Yisroel

Книга Сеймура Эпштейна «От кускуса – к каше» готовится к выходу в издательстве «Гешарим». Автор рассказывает о своей деятельности в области еврейского образования в Северной Африке, Франции и странах СНГ, где он на протяжении почти двух десятилетий занимал различные посты, от консультанта до руководителя образовательных программ «Джойнта».

Описывая положение дел в Марокко и странах СНГ, С. Эпштейн показывает, что, несмотря на очевидное несходство климатических условий, образа жизни и, главное, истории живущих там евреев, внимательный наблюдатель в состоянии заметить общность человеческих судеб, совпадающих порой до деталей.

Как отмечает в своем предисловии рабби Штейнзальц, «многое в этой книге достойно самого внимательного прочтения». В первую очередь это относится к историям, связанным с профессиональной деятельностью автора (которого многочисленные друзья любовно называют «Эпи»). Эти рассказы «всегда уместны, правдивы и поучительны», а также, добавим от себя, способны доставить читателю немало веселых минут.

Ниже приводится несколько таких «фирменных» рассказов Эпи, дающих достаточно точное и полное представление о нем самом и о его книге.

Сеймур Эпштейн в Марокко.

Разумеется, в странах СНГ, в отличие от Марокко, «Джойнт» был не единственной организацией, оказывающей помощь местным евреям. Вспоминается забавный эпизод в Челябинске, где меня пригласили посетить местное отделение клуба «Бейтар». Первое, что бросилось мне в глаза, – многочисленные портреты Любавичского Ребе и прочий агитпроп мессианского характера. Задав естественный вопрос, я получил ожидаемый ответ: до прошлого месяца арендную плату вносили хабадники, но теперь расходы несет «Бейтар». При этом мой собеседник понимающе улыбнулся. Который раз я убедился в том, что имею дело с людьми отнюдь не наивными. Однажды в Санкт-Петербурге мне довелось услышать, как местный преподаватель ругательски ругал посланников Еврейского агентства, заявляя, что ему-то превосходно известно, как относятся к Агентству в других общинах диаспоры, но они, будучи новой общиной, вынуждены принимать их снисходительную опеку, которая неотделима от финансовой помощи, – поскольку другого выбора все равно нет. Нам, сотрудникам «Джойнта», не раз говорили, что мы, во всяком случае, менее настырны, чем большинство надменно-покровительственных чужаков.

На определенном этапе отношений «Джойнта» с французской общиной по Парижу ходил следующий анекдот. Французский еврей без гроша в кармане прибывает в Нью-Йорк накануне Песаха и, понимая, что его финансовое положение не позволит ему устроить пасхальный седер по всем правилам, пишет письмо Б-гу: «Г-споди, пожалуйста, пошли мне хотя бы 100 долларов, чтобы я мог отпраздновать Песах так, как велят наши традиции». Написав на конверте имя Б-га, он опустил письмо в первый попавшийся почтовый ящик. Каким-то чудесным образом письмо попало в руки почтового служащего-еврея, который и переслал его в штаб-квартиру «Джойнта». Высокое начальство распорядилось выделить этому французу 50 долларов. Отпраздновав Песах, француз решил написать Б-гу письмо с благодарностью за присланные деньги. «Только в следующий раз, пожалуйста, не посылай деньги через “Джойнт”, потому что они обязательно удержат пятьдесят процентов».

Из этого анекдота явствует одна несомненная вещь: его французскому автору не известно, что «Джойнт» не занимается реализацией своих программ на территории США и что все акции этой благотворительной организации американских евреев осуществляются не в их стране. Вместе с тем, анекдот содержит и зерно истины: «Джойнт» обычно не финансирует проекты целиком и полностью, а лишь субсидирует их в той или иной степени.

В октябре 1990 года я столкнулся с довольно уникальным вариантом реализации такого принципа перераспределения денежных средств. Дело было в Мелилье, испанском владении на территории Северной Африки; это древняя марокканская община, численностью не более тысячи человек, живущая на территории площадью несколько квадратных километров на Средиземноморском побережье. Мы вместе с главой общины просматривали их годовой бюджет и поступления из фондов «Джойнта». Придя к выводу, что на их счет уже поступило 50% намеченных субсидий «Джойнта» за текущий год, глава общины попросил меня дать указание штаб-квартире в Нью-Йорке не посылать больше денег в этом году. Перед этим я рассказывал моему собеседнику о нашей деятельности в странах СНГ и об открывающихся перспективах в этом направлении. И глава общины сказал мне, что деловая активность членов его общины в этом году была очень успешной и потому он предлагает использовать остаток причитающихся им средств для реализации программ «Джойнта» в СНГ. Поистине, такие моменты незабываемы!

Затем последовали мои первые посещения таких разных городов, как Таллин, Вильнюс, Харьков, Челябинск, Омск, Новосибирск, Иркутск, Якутск и Хабаровск. Кое-где

– например, в Перми или Челябинске – я стал вообще одним из первых иностранцев, получивших разрешение на въезд в эти прежде закрытые города. Случалось приезжать в один и тот же город, но уже с измененным названием: Санкт-Петербург вместо Ленинграда или Екатеринбург вместо Свердловска. Я как-то спросил главу еврейской общины Екатеринбурга, каково живется в городе с измененным названием. Главный кардиолог местной больницы и человек с хорошим чувством юмора, она ответила: «А неясно, что лучше – жить в городе, названном в честь еврейского коммуниста или немецкой дамы нестойких нравов». Приехав в Кишинев накануне шабата, я проснулся утром и с ужасом обнаружил, что старые, русские, названия улиц за одну ночь были заменены на новые, молдавские, причем на латинице – и это после того, как я вчера весь вечер запоминал дорогу к синагоге, разумеется, по улицам с русскими названиями.

А сколько сюрпризов таили встречи с местными евреями во время первого визита! Мы обычно прибывали, имея всего лишь несколько контактных телефонов, – но буквально в течение нескольких часов на нас обрушивался шквал звонков. Это были представители самых различных еврейских организаций: деятели культуры, активисты местной синагоги, еврейские ветераны войны, молодежные объединения, преподаватели высшей школы, театральные труппы, танцевальные ансамбли... У каждого из посетителей был свой план, своя мечта, а также просьба помочь с переправкой собственности в Израиль. И еще список тех евреев, которым ни в коем случае нельзя доверять, – в этом списке неизменно были имена как минимум троих из числа наших сегодняшних посетителей; при этом причины, по которым те не заслуживали доверия, были самыми разнообразными: один – потому что бывший коммунист, а другой – владелец совместного предприятия и алчный частный собственник.

Единственное, что объединяло всех наших посетителей, – отсутствие бюджета. Даже если это были представители организаций, имевших кое-какие деньги или собственность, – все равно у них не было ни бюджета, ни представления о том, что это такое и для чего он нужен.

Обычно во время моего второго приезда в город я устраивал семинар по вопросам бюджета. На простейших примерах я показывал, что такое доходная часть бюджета. Ведь все приходившие были специалистами по расходам, но сама идея взять на себя ответственность за изыскание доходов была для них в новинку. Еще сложнее было разъяснить им, что источников доходов может быть больше, чем один. В советской системе хозяйствования не было места ни для дефицита, ни для способов его покрытия. Помнится, представленный нам проект Государственного еврейского музея Литвы предусматривал наличие 20 штатных сотрудников, но при этом ни одного, владеющего идишем или ивритом; не было также ни здания, ни экспонатов, ни конторского оборудования – ничего, одни только расходы.

Синагога Иркутска.

Я думаю, что мы со Шмуэлем Левиным, нашим сибирским представителем, вошли в историю «Джойнта», совершив 24 ноября 1997 года, в два часа ночи, посадку в Якутске. Полагаю, что мы были первыми сотрудниками «Джойнта», чья нога ступила на землю, находящуюся на шестьдесят втором градусе северной широты. В этом городе, с 200 тыс. населения, живет около 500 евреев. Якутия – республика, превосходящая по площади Индию, богата золотом, алмазами, нефтью, газом, но здесь живет немало очень бедных людей, а дома Якутска по большей части имеют весьма обшарпанный вид. Это зона вечной мерзлоты, глубиной 350 метров. К нашему прилету в городе значительно потеплело – всего минус 28 градусов по Цельсию, хотя еще за день до этого стояли холода до минус сорока двух.

Первое место, куда повели нас активисты общины Якутска, – это еврейское кладбище, полностью изолированный участок земли неподалеку от центра города. Там есть очень старые могилы и на надгробиях – поэтические надписи на иврите, но в тот день все было завалено снегом, и нам мало что удалось увидеть. Я научил их ритуалу омовения рук после посещения кладбища, но мы мыли руки снегом – он был все же не таким холодным, как вода. Воду они получают, вырезая блоки речного льда, которые растапливают, принеся домой (еще раз повторяю: я ничего не придумываю). В домике при кладбище живет женщина, которая поддерживает там порядок, и община платит ей за услуги. Побывав в ее домике, я понял важность этого кладбища в жизни якутских евреев. У них практически не осталось никаких еврейских воспоминаний. Восемидесятилетний старик сказал мне, что последний раз он слышал идиш в 1924 году, когда умерла его бабушка. На этом кладбище хоронят всех евреев, но без подобающего ритуала – просто это место считается еврейским, там покойник присоединяется к своим предкам. Не исключаю, что какое-то воздействие на мышление евреев оказывает и местный шаманизм, предписывающий почитание священной земли. Разумеется, они обратились ко мне с просьбой о помощи, и я пошлю им некоторую сумму, но одновременно направлю сюда нашего представителя, который даст им хотя бы общее представление о еврейском похоронном ритуале и о траурных обрядах, а также пришлю саваны. Кстати: для того, чтобы вырыть могилу в вечной мерзлоте, надо разжечь костер и оттаивать землю в течение целого дня.

Мордехай демонстрирует Сеймуру Эпштейну устройство для выпечки мацы собственной конструкции.

Во время своего первого приезда в Иркутск в 1990 году я познакомился с необыкновенным человеком. Его звали Мордехай Л., и ему уже пошел восьмой десяток. Я встретил его ранним холодным утром возле синагоги. Это была старая иркутская синагога, но первый этаж здания был занят под фабрику, а для самой синагоги оставался только следующий этаж, бывшая женская галерея. Каждое утро Мордехай, к тому времени уже пенсионер, открывал синагогу, надевал талит, накладывал тфилин и читал утреннюю молитву – в одиночестве. В шабат он старался привести хотя бы несколько стариков. Все это он рассказал за стаканом горячего чая, после чего сделал мне предложение, от которого, по его мнению, нельзя было отказаться. Он привел меня к устройству его собственной конструкции для выпечки мацы, напоминавшему творение скульптора-абстракциониста, и сказал, что поскольку я приехал в Иркутск, насколько он понимает, в качестве постоянного представителя «Джойнта», то после его отъезда в Израиль я могу заняться выпечкой мацы для всей Сибири.

Когда в СНГ начали организовываться первые летние лагеря, речь о кашруте вовсе не заходила. В представлении советских родителей летний лагерь – это загородная дача, свежий воздух, спорт и обильное питание (иными словами, пицца, насыщенная белками). После первой же попытки исключить из рациона мясо (поскольку кошерного мяса достать было невозможно) родители буквально повалили в лагерь с протестами. Впрочем, это был всего лишь конфликт культур. Родители не знали ничего о кашруте, тогда как иностранные организаторы лагеря знали еще меньше о традициях советских пионерских лагерей. Разумеется, если лагерь организовывался светскими израильтянами, то проблем с использованием мяса из местных источников не возникало.

Я помню торжества по случаю Дня независимости Израиля, организованные замечательными израильскими добровольцами, когда блюда с жареной свининой и сыром, стоящие на столе бок о бок, были украшены израильскими флажками.

На контрасте вспоминаю грандиозный скандал, устроенный в летнем лагере Иммузере в Марокко, когда повар обнаружил в корзине с рыбой, доставленной с рынка в

Фесе, одну-единственную некошерную рыбину (без чешуи и плавников). Из кухни доносились такие крики, что можно было подумать: наступил конец света.

Одна из задач каждого директора национальной программы – принимать в стране своего пребывания делегации светских лидеров Объединенного еврейского призыва или «Джойнта». Их посещения, продолжительностью два-четыре дня, весьма полезны для «Джойнта», Объединенного еврейского призыва и местных федераций, поскольку эти визиты позволяют увидеть, каким образом денежные средства используются на местах. Может, это звучит странно, но такие визиты полезны и для персонала местных представительств «Джойнта», поскольку подготовка к приему делегаций позволяет взглянуть на свою деятельность со стороны.

Принимая свою первую делегацию в Марокко, я довольно скоро впал в состояние полного изумления, а через непродолжительное время и вовсе оказался на грани шока. Я приехал в Касабланку в августе 1981 года и практически в тот же день узнал, что наш директор национальной программы уходит в отпуск в ноябре и что, таким образом, на меня ложится прием делегации Объединенного еврейского призыва, состоящей исключительно из женщин. Я не очень хорошо представлял себе свои действия и обязанности в этом плане – единственное, что я знал, так это то, что я ничего не знаю ни о Марокко, ни о состоянии марокканских программ «Джойнта».

Встретив делегацию в аэропорту, я понял, что имею дело с группой американок, которые всей душой преданы идеям Объединенного еврейского призыва и искренне желают ознакомиться с ходом реализации наших проектов, ну а также заняться покупками экзотических сувениров, причем до упаду. Только не подумайте, что это всего лишь фигура речи: одна из них и в самом деле упала, правда, на лестнице нашего офиса. На протяжении этой поездки я в значительной степени освоил искусство торговаться на марокканских рынках, что имело определяющее значение для успешного приема этой делегации, а также помогло мне заложить основы коллекции берберских ковров.

Готовясь к приему этой первой в моей практике делегации, я заранее посетил несколько мест, куда надлежало привести американских гостей. И в детском саду Касабланки я, не веря своим глазам, увидел на стене изображение Иисуса. На мой вопрос, как надо понимать увиденное, я получил от директора этого детского сада, почтенного раввина, простодушный ответ, что на этой картине изображен пастух с овечками. Ничего не скажешь, с виду и в самом деле пастух, только вот нимб над головой не оставлял сомнений в том, кто был этот пастырь. Мой уважаемый собеседник задал встречный вопрос: откуда мне известно, как выглядит Иисус? Что ж, во всяком случае, христианская символика общине явно была чужда. Не входя в детали, я просто попросил снять картину со стены.

Принимая делегации в Марокко, мы неизменно сталкивались с проблемой свободного времени по вечерам. Большинство туристов, приехав в Марракеш, проводят по меньшей мере один вечер в берберском шатре, где им предлагается настоящая берберская трапеза и рассчитанное на туристов представление: пир берберских воинов, празднующих победу над врагом. Вся программа в целом незамысловато называется «Фантазия». Разумеется, для представителей Объединенного еврейского призыва необходимо было устроить кошерную трапезу. Я отыскал еврея, связанного с этой программой, и попросил его устроить кошерную «Фантазию», выделив ему для этой цели комплект новой посуды и придав в помощь местного раввина. Теперь программа включала, помимо заклинателей змей, танцовщиц и берберских всадников, палящих на всем скаку из мушкетов, также жареную кошерную баранину и кускус.

В 1983 году я организовывал прием делегации из Балтимора (которая должна была прибыть в Марокко сразу после моей свадьбы), и мне пришла, за несколько недель до прибытия делегации и буквально за считанные часы до свадьбы, отчаянная телеграмма от Балтиморской федерации с просьбой отменить выступление заклинателей змей. Оказалось, что один из членов делегации панически боится не только самих змей, но также их изображений и вообще любого упоминания об этих пресмыкающихся. Все мои попытки убедить балтиморцев, что эти змеи совершенно безобидны, да к тому же находятся на значительном расстоянии от зрителей, ни к чему не привели. Или отменяется номер со змеями, или отменяется приезд делегации! Я немедленно позвонил из Торонто в нью-йоркскую штаб-квартиру «Джойнта» и попросил дать срочный телекс в Касабланку:

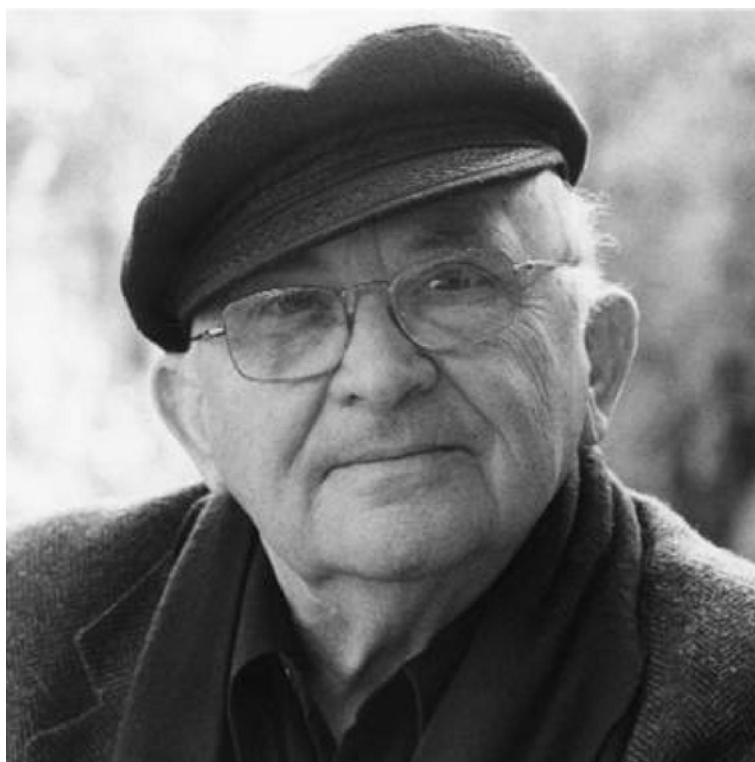
Программа фантазия для балтиморской делегации. Отмените змей. Повторяю, никаких змей. Объясню позже. Эпи.

В штаб-квартире спросили, что именно означает эта кодовая фраза и не есть ли это секретное указание относительно перевода ассигнований.

ГНЕВ БЕЗ МИЛОСТИ

Àíá Èíàéíáí

В новой книге Аарона Аппельфельда¹¹, как, впрочем, и во всех остальных его книгах, исследуется Катастрофа. Это естественно для человека с биографией Аппельфельда. Он родился в 1932 году в местечке Ядова под Черновицами в семье зажиточных еврейских интеллигентов и получил имя Эрвин. В школе успел проучиться всего один год, после чего вся семья была заключена в гетто. Там мать Эрвина погибла, а девятилетний мальчик и его отец были отправлены в Транснистрию. По дороге Эрвину удалось бежать. С 1941 по 1944 год мальчик прятался в лесах, самостоятельно добывая себе пропитание. Время от времени нанимался пастушонком к крестьянам, выдавая себя за деревенского сироту. Светлые волосы и приличное знание украинского языка оказались для него спасительными. В 1944 году он вышел к советским войскам, затем пробрался через Югославию в Италию, откуда был доставлен в Палестину.

В первой части повествования Аарон (Эрвин) Аппельфельд рассказывает, в сущности, о себе, с небольшими, но значимыми вариациями. Его герой старше реального автора, поэтому он успеваеt проучиться в школе дольше, приобретает кое-какой жизненный опыт и вырабатывает особую философию бытия. Из гетто его отправляют не в Транснистрию, а в трудовой лагерь, где он строит печи для крематория. Внезапное озарение относительно назначения строящегося объекта заставляет одного из лагерников совершить поджог, в результате чего герой оказывается на свободе и уходит в леса. Он выживает благодаря заботам взрослых беглецов-лагерников, а после войны организует особое благородное братство выходцев из фашистских лагерей.

Братство промышляет спекуляцией, но тратит свой доход на возвышенные цели: отлавливает и казнит военных преступников, а также разрабатывает особый способ вернуть к жизни иссушенные кошмаром Катастрофы души. В конце концов утопическое общество, разумеется, распадается, одни братья выбирают нормальное существование, к которому они совершенно не приспособлены, другие предпочитают уйти из жизни.

Этот сухой пересказ не передает и сотой доли тонкой и искренней задушевности, какой дышит та часть текста, которая запечатлела психическое состояние людей, сопротивляющихся попытке превратить их даже не в бессловесных животных, а в неодушевленный объект отвращения. Трудно оторваться от страниц, повествующих о тщетных попытках главного героя и его друзей выйти из своего одиночества к людям, не пережившим подобный кошмар, и найти место рядом с ними. Мне не известен текст, передающий с такой точностью и убедительностью невозможность возврата к нормальной жизни, пошлой в глазах тех, кто своим существованием вызывает к вселенскому взрыву и уничтожению опозорившей себя нормы.

Казалось бы, раз автору удалось сказать и показать все вышеупомянутое, – о чем еще говорить? Но удержать восторженное отношение к обсуждаемому тексту вовсе не просто: замечательные по содержанию и форме куски грубо перекрываются неуклюжими конструкциями.

К чему, скажем, автору понадобилось сделать своего героя одноруким, да еще одарить его магической культурой, вся функция которой сводится к роли передатчика, позволяющего беседовать с призраками? Это подобие шрама Гарри Поттера выглядит в романе о Катастрофе неуместным заимствованием, превращающим исповедальную прозу в приключенческую фантастику.

В начале романа культура несет дополнительную функцию – помогает мальчику-инвалиду вырабатывать характер. Эпизоды, отсылающие читателя к литературе о Мересьевых и Корчагиных, не вызывают ничего, кроме скуки, раздражения и удивления. Однако на этом безвкусные приключения культуры не кончаются. Выясняется, что она образовалась в результате кровавого ареста злодеем-жандармом матери-коммунистки с младенцем на руках. С этим коммунизмом вообще сплошные накладные, заставляющие предполагать, что автор не создает собственную повествовательную канву, а просто сшивает цитатные лоскуты из плохой советской литературы. Доходит до того, что коммунистическое братство, собиравшееся в гостиной родительского дома героя, оказывается прообразом братства бывших лагерников, и таким образом эта мифическая организация низводится до уровня партийной ячейки.

Не менее удивительно и отношение автора к соплеменникам. Было бы странно заявить, что Аппельфельд, считающий себя не израильским, а именно еврейским писателем, не любит евреев и знает об их образе жизни в галуте понаслышке. Однако его тексты говорят сами за себя. Хуже всего приходится в них светскому галутному еврею. Он безынициативен, беспомощен и ведет бессмысленное существование. Обычно это транжириющий родительские деньги пьяница, ловелас, ничтожество в собственных и чужих глазах, одним словом, лишний и вредный для общества человек. Религиозный еврей стоит в иерархии писателя несколько выше. Но и он пассивен и скучен, удручающе малообразован, а кроме того, всегда плохо и неточно прописан как персонаж. Как правило, это лишь тень, исполняющая религиозный обряд. Полнокровны и некарикатурны в еврейском мире Аппельфельда только коммунисты и сионисты. Впрочем, что касается этих двух групп персонажей, то и они не особенно убедительны, поскольку слишком благообразны. (Отметим, что все вышесказанное не имеет никакого отношения к бывшим

узникам концлагерей – тут Аппельфельд точен до малейшей детали, его образы полнокровны и вызывают у читателя живое чувство.) Почему так?

Ответ опять же дает биография писателя. Мы уже отметили, что юный Эрвин Аппельфельд жил нормальной жизнью еврейского ребенка из зажиточной интеллигентной семьи всего шесть-семь лет. Однако, даже если допустить, что бытовые детали еврейской жизни в галуте остались для Аппельфельда только смутным воспоминанием детства, – что мешает столь талантливому и изобретательному автору воссоздать этот мир из обилия визуальных и текстовых свидетельств, разбросанных по журналам и фильмам, фотографиям и книгам, музейным экспозициям и бесчисленным мемуарам? А уж жизнь религиозных евреев любого направления в Израиле есть почти буквальная реплика былой жизни религиозного еврейства в галуте. Почему же не перенести все это в текст произведения?

Можно, конечно, предположить, что смазанность образов галутных евреев должна подчеркивать драму Катастрофы, уничтожившей былую жизнь и оставившей о ней лишь нечеткую память. Но почему эта память должна быть столь одиозной и основываться на штампах?

Перейдем к израильской части биографии Аппельфельда. Четырнадцатилетний подросток, геройски переживший Катастрофу, попадает в Палестину незадолго до основания Государства Израиль, получает новое имя Аарон и передается на попечение движению «Алият а-ноар». Какова была основополагающая воспитательная доктрина в воспитательных заведениях этого движения, мы знаем: отрицание галута, в котором не было и быть не могло ничего позитивного; восхваление физического и особенно сельскохозяйственного труда; уничижительная характеристика горожанина, торговца, предпринимателя, одним словом, буржуа; пренебрежительное отношение к евреям, погибшим в Катастрофе; индоктринация в пользу самовоспитания в героическом духе по образу евреев библейских времен, а также почтение к коммунизму и коммунистам,ходящее до абсурда.

Все эти установки, за исключением отношения к Катастрофе, покорно перешли в произведения Аппельфельда и путешествуют из одной его книги в другую в виде неизменных штампов. Он протестует только против отношения к Катастрофе и ее жертвам. Поэтому в его произведениях только Катастрофа детально документирована и выверена до малейших деталей; реальная жизнь евреев галута до Катастрофы, как, впрочем, и современные реалии израильской жизни, автора просто не интересуют.

О жизни Израиля Аппельфельд никогда и не писал. Но осмыслить Катастрофу без воссоздания образов галутных евреев и их жизни до этого кошмара невозможно. Катастрофу-то автор знает и помнит, более того, считает своей миссией повествование о ней. Тут его не собьешь с толку никакой идеологией. А вот база его памяти относительно галутного образа жизни евреев явно недостаточна для сознательного отторжения навязанных идеологией образов и представлений.

Впрочем, слабые стороны прозы Аппельфельда, как, например, и неудачные страницы книг Солженицына, ничего не меняют в нашем отношении к этим писателям одной темы. Возможно, Катастрофа еще ждет своего выразителя, который сумеет взглянуть на нее более полно, более объемно. Однако никто не подойдет ближе Аппельфельда к самой потаенной сути ее смертоносного дыхания. Не для этого ли он был сохранен самым невероятным образом в этом мире?

[\[1\]](#) Аарон Апельфельд. А-заам од ло надам («Еще не утих гнев»). Издательство «Кинерет – Змора бейтан», 2008.

ЭКСПРЕССИОНИСТ ПРОТИВ КОММУНИСТА

Моисей Кульбак

Зелменяне

Пер. с идиша Р. Баумволь

М.: Текст, 2008 (серия «Проза еврейской жизни»). – 203 с.

Переиздание этой книги, единственный раз выходящей по-русски в 1960 году, – возможно, главная удача серии «Проза еврейской жизни». Хотя ничто, казалось, этого не предвещало: написанный в начале 30-х роман о крушении мещанского мирка и социалистическом строительстве – зачем он сегодняшнему читателю, которому пафос «лобастых мальчиков невиданной революции» (П. Коган) давно смешон, если не противен?

Но дело в том, что никакого пафоса у автора нет. То есть у Кульбака-человека он, вполне вероятно, наличествовал, но вот Кульбак-прозаик обходился без него. Традиционное для литературы тех лет разделение – сатирически о классово чуждых, патетически о своих – к «Зелменянам» имеет мало отношения. Все герои книги увидены одним и тем же глазом, описаны одним и тем же пером. Гротеск у Кульбака является не просто способом изображения старого уклада, он составляет самую суть авторского взгляда на мир.

Роман Кульбака писался и выходил в свет двумя отдельными порциями – в 1931-м и 1935-м. И уже рецензенты первой части, обругав автора за сочувственное отношение к отрицательным героям, задали ту оптику, которая и сегодня во многом определяет трактовку «Зелменян». Знак, разумеется, поменялся с минуса на плюс, но сама интерпретация осталась неизменной. Вот и переводчица романа Р. Баумволь пишет, что от сатиры автора «пахнет добротой и лукавством». (Заметим, что книга Кульбака переведена с настоящим блеском, на том уровне, который делает иноязычное произведение фактом русской культуры.) И обозреватель «Независимой газеты» уверяет, что изображенный в романе «рушащийся уклад вызывает жалость». И современная Еврейская энциклопедия сообщает: «Автор нашел теплые краски как для “положительных”, так и “отрицательных” персонажей».

На самом деле все обстоит ровно противоположным образом – теплых красок не досталось ни тем ни другим просто потому, что в палитре Кульбака таковые отсутствовали вовсе. Взгляд художника холоден и беспощаден, герои не вызывают у него ни жалости, ни сочувствия. Он смотрит на них с прищуром патологоанатома, рассматривающего забавных, но пригодных лишь для вивисекции подопытных зверьков.

Отсюда фирменный кульбаковский черный юмор, порождающий лучшие страницы его прозы:

Наш город тогда находился под пушечным огнем. Хозяйки всей улицы позапирали дома и спустились к реб Зелмеле в погреб. Вдруг тете Гесе захотелось куриного бульону. Почему? В тесноте она до тех пор смотрела на реб Ёхескла, резника, покуда ей не захотелось курятины. Она поймала курицу, резник вытащил халеф, и они вышли во двор, чтобы ее зарезать.

Но тут на двор обрушился страшный огонь и выбил все стекла.

Когда стихло, сосед постучался в погреб и позвал людей. Тетя Геся лежала спокойная и бледная, как будто ничего не случилось, возле нее – бородой вверх – голова резника, а он сам, резник, лежал на поваленном заборе с халефом в руке.

Тут же стояла курица и размышляла о превратностях судьбы.

Спрашивается, кому сочувствует автор в этом эпизоде – кроме курицы, конечно?

Первое послереволюционное десятилетие Кульбак провел в Вильне и Берлине, но в 1928 году вернулся в Советский Союз, захваченный идеями строительства новой жизни. То есть Кульбак-человек был коммунистом или, по крайней мере, сочувствующим. А Кульбак-художник был экспрессионистом, создававшим гротескный мир и доходившим иногда до почти платоновского градуса смещения и искажения реальности. И как художник, свой экспрессионизм он любил куда больше не только традиционного еврейского быта, но и коммунизма.

Потому и идейный большевик Бера выходит у него неотличимым от старших Зелменовых – убежденных мещан. При всем желании невозможно рассмотреть никакого благотворного влияния марксизма в этой мясной машине, непрестанно отправляющей пищу «через рот прямо в желудок», а после насыщения садящейся на диван и напевающей под собственный балалаечный аккомпанемент: «Когда я ездил в Ростов-на-Дону, / Я брал с собой буханку хлеба. / Когда я ездил в Ростов-на-Дону, / Я буржуев лупил, як треба».

То есть бдительные критики 30-х правильно учуяли опасность, но не поняли до конца, откуда она исходит. Впрочем, роман Кульбак под их нажимом все же испортил, приписав вторую часть, где главной героиней становится еще одна из младшего поколения Зелменовых – Тонька, выписанная в совершенно чуждой автору манере.

Да и не в одной манере тут дело. Гротеск – по определению статический метод, он не знает динамики. Так что попытка показать зелменовский мир в развитии была заведомо обречена на неудачу – неудачу, не отменяющую того факта, что «Зелменяне» остаются одним из самых интересных явлений советской литературы 30-х годов.

Ī ēōāēē Yāāūūōōāēī

ПИОНЕР И КОТЛЕТА

Джонатан Розен

Талмуд и Интернет: Путешествие между мирами

М.: Текст, 2008 («Чейсовская коллекция»). – 157 с.

Среди всего многообразия позднесоветского школьного фольклора числится такой жанр, как шуточные загадки на отличия: чем отличается пионер от котлеты? лошадь от иголки? первый этаж от десятого? Ответы относительно неожиданны и остроумны: пионер «всегда готов», а котлете надо еще полчаса жариться; дальше – вспоминайте сами. Похожие загадки, только на сходства и с некоторой долей нижепоясного юмора, бытуют в формате анекдотов от армянского радио: что общего между милиционером и аппендицитом? между тараканом и мужчиной? между девушкой и пачкой сигарет? А есть еще классические в патопсихологии тесты Блюмы Вольфовны Зейгарник, выявляющие нарушения мышления: что общего у барабана и зонтика? петуха и стакана? градусника и часов? и т. п.

Американский публицист и романист Джонатан Розен, автор романов «Яблоко Евы» и «Радость приходит утром», некогда редактор отдела культуры в американской еврейской газете «Forward», а теперь – главный редактор еврейской книжной серии Nextbook/Schocken, задался аналогичной целью – доказать сходство таких непоследних культурных феноменов, как Талмуд и Интернет. Доказывает он его на уровне метафор и субъективных ощущений, не то чтобы очень остроумно и не то чтобы очень логично и четко. Тем не менее при желании можно выделить три пункта этого доказательства:

(1) и Талмуд, и Интернет – вербальное «море»: избыточное, необъятное и хаотичное, не поддающееся классификации;

(2) любой фрагмент того и другого – лист Талмуда и страничка в Интернете – состоит не только из самодостаточного текста, но и из многочисленных ссылок на другие листы и странички;

(3) и то и другое символизирует некую нематериальность, выход за пределы Храма, дома, города, страны, реальности.

На эти три пункта, понятное дело, легко придумать три контрпункта, которые бы доказывали различие и даже противоположность этих двух явлений. Например:

(1) Интернет демократичен – он предназначен для всех в равной мере, в то время как Талмуд элитарен, предназначен только для избранных: евреев и мужчин;

(2) Интернет не только для всех, но и для каждого – он подразумевает индивидуальное и свободное пользование, в то время как Талмуд подразумевает коллективное, по крайней мере парное, изучение, и не свободное, а направляемое учителем;

(3) Интернет бесконечен в своем развитии, и каждый пользователь в этом развитии участвует, генерируя новый контент, равноправный уже существующему, в то время как Талмуд – закрытый корпус текстов, который можно лишь комментировать.

В общем, посравнивали – и хватит, без особого результата, ничья, 3:3. Более того, сама эта тематика – герменевтические заигрывания с Интернетом и Компьютером, их романтизация и антропоморфизация – еще неплохо смотрелась в 2000 году, когда книга Розена вышла на английском, но теперь анахронистична и смехотворна и подобна сравнению, скажем, телевизора с волшебным фонарем или автомобиля – с верной скаковой лошадкой.

Впрочем, Розен этой темой себя не ограничивает. Точнее, Талмуду и Интернету посвящено лишь одно эссе, а остальные пять «глав» – про другое разное: про бабушек и родителей, про университет и путешествия по Европе, про Раши и Шартрский собор. «Туто же, – как писал незабвенной памяти князь Андрей Михайлович, – о постелях, о телогреях...»

Более общая идея, вокруг которой строится вся книга и которая свойственна и творчеству Розена-романиста, – это примирение противоположностей, точнее – кажущихся противоположностей. Вот, например, вера и разум или даже религиозно-традиционный образ жизни и научно-технический прогресс. Понятно, что, с точки зрения многих ультраортодоксов, Интернет – дьявольское изобретение. Но некоторые, однако, транслируют с его помощью поучения своим ребятам. А веру и разум еще великий Рамбам пытался примирить. Так что сравнение Талмуда с Интернетом в устах светского еврея Розена – не Б-г вещь какая смелость. Другие примиряемые им пары – духовность и материальность (на примере двух бабушек), подвиг и трусость (на примере спасителя раввинистического иудаизма Йоханана бен Закая и предателя Иосифа Флавия) – тоже оригинальностью не блещут. Да и в целом эссеистика эта довольно бессмысленная, но культурная, ничего не скажешь: тут вам Джон Донн и Джон Мильтон, Уильям Блейк и Генри Адамс, Раши, Гомер и Марсель Пруст. А с образованным человеком и ни о чем, просто так поговорить приятно – кто же спорит.

Ааааа Аааа

ФИЗИК, ИГРАВШИЙ НА БАРАБАНЕ

Ричард Фейнман

Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!

М.: КоЛибри, 2008. – 480 с.

Когда американцу Ричарду Фейнману объявили, что ему присуждена Нобелевская премия по физике (случилось это, кстати, в том же 1965 году, когда премию по литературе получил Шолохов), к новоиспеченному нобелиату явился шведский консул, чтобы определить состав гостей на церемонии в посольстве: пусть, мол, ученый составит свой список приглашенных, шведы – свой, а потом сравнят, нет ли пересечений. «Ладно, список я составил, – пишет автор. – Из восьми человек: сосед, живший через улицу от меня, мой друг художник Зортиан и так далее. А консул привез мне свой список: губернатор штата Калифорния, Тот, Этот, нефтепромышленник Гетти, кое-кто из актрис – всего триста человек! И можете быть уверены, дубликаты в наших списках отсутствовали!...»

Ирония, самоирония, отсутствие пафоса, нежелание выпячивать свою персону плюс неиссякаемое любопытство – вот что всегда отличало потомка эмигрантов из Восточной Европы (мать его была из Польши, отец – из Минска). Больше всего на свете он не выносил напыщенных дураков – «дураков, которые скрывают свою дурь, пытаются с помощью всяких фокусов-покусов внушить людям мысль о том, какие они, дураки, замечательные». Будущий ученый родился в 1918 году, окончил Массачусетский технологический институт, учился в Принстоне, а в двадцатичетырехлетнем возрасте получил приглашение участвовать в сверхсекретном «Манхэттенском проекте» и работал над созданием атомной бомбы бок о бок с Ферми, Бором, Сцилардом, Теллером и прочими светилами.

Фейнман признавался, что с детства был упрям: «Если мне попадается задача, я просто не могу от нее отмахнуться». Начав с ремонта радиоприемников и пишущих машинок, он выбирал себе проблемы потруднее, испытывая удовольствие от самого процесса поиска истины. Биографы ученого в числе его научных достижений называют работы по квантовой электродинамике; он создал теорию квантовых вихрей в сверхтекучем гелии и совершил еще немало открытий, отмеченных разнообразными наградами. Сам Фейнман в автобиографической книге, созданной на склоне лет, о научных заслугах пишет вскользь, между делом, зато десятки страниц отдает описаниям своих разнообразных увлечений – от приручения муравьев до разработанной им методики вскрытия казенных сейфов (фокусами с цифровыми замками ученый развлекался в Лос-Аламосе, нигде не секретные службы).

НЕ ТОЛЬКО О ТЕАТРЕ

Игорь Кваша.

Точка возврата

М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 456 с.

«У меня с памятью происходят интересные вещи. То, что в ней осталось, засело очень прочно... Но, увы, то, что не осело в этой кладовке, уходит... В какой-то момент ощутил: то, что еще помню, надо переложить на бумагу». Популярный артист Игорь Кваша написал (с помощью журналиста Александра Авдеенко) книгу воспоминаний.

Автор начинает с рассказа о родителях (местечко Покатилово, где родился Кваша-старший, в годы Великой Отечественной стало одним из сотен гетто на оккупированной территории). Арбатское детство, музыкальная школа («меня, как и всякого еврейского ребенка, учили играть на скрипке»), первые театральные впечатления (будущего актера потрясла игра Зускина). Затем поступление в Школу-студию МХАТ, годы учебы, распределение. Поначалу Игоря не хотели брать во МХАТ. «Отказали мне по пятому пункту: правительственный все же театр», – замечает мемуарист. В труппу его приняли лишь благодаря заступничеству Павла Маркова.

Кваша, как и Олег Ефремов, и Галина Волчек, стояли у истоков театра «Современник». Один из самых важных эпизодов книги – борьба студийцев за постановку «Матросской тишины» Александра Галича, которая должна была стать их первым самостоятельным спектаклем. Но... «За всю историю “Современника” нам наглухо закрыли два спектакля, – пишет автор. – Это “Матросская тишина” и “Случай в Виши”. То есть спектакли на еврейскую тему, с еврейскими действующими лицами. Это вызывало такую ненависть, что пробить было невозможно...»

Процедура приемки второго из названных спектаклей, по пьесе Артура Миллера, выглядела издевательством над здравым смыслом и эстетическим чувством – в том числе тех, кто запрещал постановку: «Они вышли после спектакля с опухшими от слез лицами... Они плакали на этом прогоне, на генеральной репетиции. В кабинете же начинали пороть невероятную чушь. И спектакль закрыли... Какое-то время мы еще пытались рыпаться, но потом случилась Шестидневная война, и тут уж вопрос отпал сам собой».

Увы, чиновничье сопротивление приходилось преодолевать часто, и не раз претензии имели отношение к «пятому пункту». «Чего ты набрал одних евреев?» – спрашивал у Ефремова замминистра культуры Кабанов, а секретарь партбюро МХАТ Сапетов распускал слухи о том, что-де «еврей Кваша» дурно влияет на русского

Ефремова. Леониду Эрману, давно работавшему в театре, отказали в руководящей должности: первый секретарь МГК Гришин заявил о том, что «этот еврей не будет директором театра...»

Впрочем, на четырех с половиной сотнях страниц воспоминаний Кваши хороших людей встречается намного больше, чем плохих. Автор с любовью и теплотой пишет о тех, с кем ему посчастливилось встретиться. Тут и Виталий Виленкин, и Александр Володин, и Лев Ландау, и Евгений Евстигнеев, и Андрей Миронов, и Григорий Горин, и, конечно же, Олег Ефремов: его уход во МХАТ ранит мемуариста и поныне, однако масштаб личности и дарования Ефремова так или иначе перевешивает былые обиды.

Отдельная тема – Александр Солженицын, который долгое время был другом «Современника» (недавно Кваша сочно сыграл роль Сталина в телесериале «В круге первом»). Отдавая должное и мужеству писателя, и таланту Александра Исаевича, мемуарист не может не упомянуть и другого: разговоров об антисемитизме писателя. Сам Солженицын в 60-х годах, замечает автор, все эти обвинения яростно отрицал, «но сомнения, особенно в последнее время, меня одолевают...»

Книга Игоря Кваши не вполне мемуары, то есть не подведение итогов человеком, ушедшим на покой: Игорь Владимирович, к счастью, по-прежнему востребован и театром, и кинематографом, и ТВ. Разрушая стереотипное суждение об эгоцентризме людей сцены, автор книги уводит свое «я» на второй план и довольствуется ролью хроникера. Перед нами – свидетельство очевидца и участника исторических событий, удавшаяся попытка запечатлеть «уходящую натуру», связав прошлое и настоящее.

Ἦτι αἰ Ἀθάεοι αἰ

ДОБРЫЕ ДРАКОНЫ, НЕСЪЕДОБНЫЕ КОЛОБКИ И ДР.

Петр Бормор

Книга на третье

М.: Гаятри, 2008. – 384 с.

«А вы, друзья, как ни садитесь – всё в музыканты не годитесь!» – Соловей хихикнул, увернулся от брошенного смычка и упорхнул. “Ничего-ничего! – проворчал Осел. – Есть у меня еще одна идея, которую мы пока не пробовали. Значит, так, ты садись мне на спину, а ты на спину ему...” Так и появилась на свет знаменитая группа Бременских Музыкантов».

Сочинитель остроумных и парадоксальных миниатюр, русский израильтянин Петр Бормор (Мордкович) давно известен в Интернете завсегдатаям «Живого Журнала». Осенью 2007-го с этим сочинителем познакомились и поклонники привычной, то есть бумажной литературы: московское издательство «Гаятри» выпустило сначала авторский сборник «Игры демиургов», за ним последовал сборник «Многобукаф», а нынешней весной явилась на свет третья книга Бормора с предельно честным заголовком – «Книга на третье».

Хотя истории, включенные в новый авторский сборник, четко распределены по шести разделам («Сказки про людей», «Сказки про драконов», «Сказки про героев», «Сказки про животных», «Сказки о тонких материях» и «Всякие прочие сказки»), персонажи легко пренебрегают границами и зачастую перебегают из раздела в раздел, поскольку драконы и животные здесь могут быть настоящими героями, а те, кого традиция по инерции требует считать героями (рыцари, младшие сыновья и пр.), – увы, вести себя по-скотски.

Автор работает в жанре парафраза: всем знакомые сюжеты при смене ракурса могут раскрыться с неожиданной стороны, а если при этом повествователь владеет искусством аллюзий, умеет комически сопрягать седую древность с современностью, а высокий штиль – с арго, то результат может оказаться по-хорошему непредсказуемым.

Вот, например, история о том, как пастух наткнулся на говорящий куст. «“Подойди поближе”. Пастух подошел. “Отлично. Итак, от тебя произойдет великий народ, – торжественно провозгласил куст... – Этот народ будет существовать затем, чтобы сплотить все остальные народы мира для борьбы с общим врагом”. – “О как! – пастух уважительно присвистнул. – А кто этот общий враг?” – “Произшедший от тебя народ”, – услужливо пояснил куст. “Погоди. От меня что, произойдут два народа?” – “Да

нет, – вздохнул куст. – В том-то и дело, что только один”. – “Ты хочешь сказать, что нас...” – “...будут бить”, – подтвердил куст. “То есть в каком смысле – бить?!” – “В буквальном”. – “Я не согласен!” – решительно заявил пастух. “А твоего согласия никто и не спрашивает, – успокоил его куст. – Я не уговаривать тебя явился, а поставить в известность”».

В первой книге о двух демиургах, застенчивом Шамбамбукли и самодовольном Мазукте, Бормор оттачивал свою иронию, по преимуществу, на библейских историях, а начиная с «Многобукаф», расширил сферу приложения сил, вовлекая в орбиту писательского внимания еще и народные сказки, и басни, и рекламные ролики, и компьютерные игрушки – от «стратегий» до «стрелялок». Один из первых рецензентов справедливо указывал на умение писателя увидеть «в набивших оскомину стереотипах возможность нестандартного развития» фабулы. У автора, например, экзорцизмом занимаются – за вознаграждение – сами демоны, король запирает в темницу сказочника, чтобы тот не насочинял принцу и принцессе проблем, а свекровь-королева муштрует Золушку почти так же, как и мачеха. Царь Эдип вгоняет в ступор Сфинкса математической логикой, античный скульптор творит шедевры с помощью головы Горгоны, а Иов отважно трактует деятельность Всевышнего по Фрейду...

Жанр, в котором работает Бормор, требует не только краткости и юмора, но и умения придумать оригинальную концовку. С этой точки зрения не все миниатюры равноценны, но удачных больше, чем не вполне. Поэтому автор может достойно посоперничать с такими отечественными мастерами иронической миниатюры, как Феликс Кривин и Виктор Шендерович. С чем мы автора и поздравляем.

« Поздравляем! Вы – десятиллионный житель планеты и имеете право на специальный приз. Любое желание!» – “Любое?” – “Да”. – “Эээ... хм. Я бы хотел подумать...” – “Отлично, записано! Итак, Соломон Давидович, вы выбрали свой выигрыш”»...

Ἦὶ αἰ Ἀδαεὸ ἰ αἰ

АНТИСЕМИТЫ И ФИЛОСЕМИТЫ У РУЛЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Александр Миндлин

Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917.

Справочник персоналий

СПб.: Алетейя, 2007. – 391 с.

Александр Миндлин написал интересную и оригинальную по замыслу книгу, посвященную взглядам российских политиков и общественных деятелей на еврейский вопрос, а также отражению этих взглядов в их практике. Другими словами, исследователь взял на себя труд изучить и проанализировать отношение к евреям как к национальному и религиозному меньшинству в империи через призму их восприятия рядом ключевых фигур имперской политики. Хронологические рамки работы Миндлина – с 1762 года (начало царствования Екатерины Второй, когда вступившей на престол императрице «предложили решить вопрос о дозволении евреям въезжать в страну») до марта 1917 года, то есть до отмены Временным правительством «ограничений для людей всех вероисповеданий и национальностей». Источниковая база исследования весьма разнообразна: не ограничиваясь опубликованными материалами, автор опирается и на архивные документы из РГАДА, РГБ, РГИА.

Принципиальная новизна подхода Миндлина состоит в том, что через мозаику взглядов различных государственных и общественных деятелей имперской России автор дает целостное представление о политике режима в отношении еврейского меньшинства за более чем 150-летний период – со всеми ее течениями, поворотами, отступлениями и изменениями. По сути, перед нами не просто справочник, а монография, посвященная вышеназванной теме. Знакомство с этой книгой ставит перед читателем целый ряд вопросов, среди которых особенно важным представляется вопрос, каким образом и в какой мере личный опыт и взгляды государственных деятелей сказывались на курсе, проводившемся режимом по отношению к еврейскому населению России в тот или иной конкретный период.

В концепции книги, впрочем, есть один изъян. Сам автор признает, что «вопрос, почему те или иные имена оказались» предметом его внимания, «не бесспорен». Например, в книгу не включены журналисты, писатели, религиозные деятели и философы, так или иначе касавшиеся еврейской темы. Исключение было сделано лишь для Н. Лескова. Миндлин обосновывает свой выбор тем, что публицистика Лескова по еврейскому вопросу «представляет значительный интерес». Но разве меньший интерес

представляют соответствующие аспекты творческого наследия И. Аксакова, В. Мещерского, В. Короленко, Вл. Соловьева и многих-многих других авторов? Миндлин, разумеется, и сам понимает трудности объективного порядка, вставшие перед ним в силу характера и жанра его исследования: «объем их (писателей, публицистов. – А. Л.) материала мог бы составить несколько томов». Он совершенно справедливо пишет о том, что «работу над справочником вряд ли следует считать законченной <...> этот процесс может и должен продолжаться». Помимо других фигурантов, будущий справочник должен быть пополнен такими, скажем, именами, как главнокомандующий русской армией в первую мировую войну вел. кн. Николай Николаевич и начальник штаба Верховного главнокомандующего Н. Янушкевич, предрассудки которых самым трагическим образом повлияли на судьбы евреев в военные годы.

Однако, несмотря на все частные изъяны и возможности дальнейшего усовершенствования справочника, можно с уверенностью сказать, что мимо этого издания теперь не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся историей российского еврейства XVIII–XX веков.

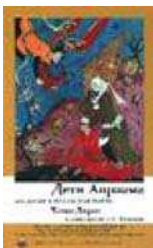
Авторы и редакторы

МОЖНО ЛИ ПРОБИТЬ СТЕНУ НЕПОНИМАНИЯ?

Халид Дюран (в соавторстве с А. Хашиши)

Дети Авраама. Введение в ислам для евреев

М. – Иерусалим: ДААТ/Знание, 2008. – 280 с.

Реувен Файрстон

Дети Авраама. Введение в иудаизм для мусульман

М. – Иерусалим: ДААТ/Знание, 2008. – 264 с.

Потребность в межрелигиозном диалоге в наши дни высока как никогда. Мировые конфликты принимают форму скорее уже не межгосударственных, а цивилизационных столкновений, густо замешанных на религиозных концепциях. Одна из болевых точек международной политики, перманентный ближневосточный кризис, нередко определяется как борьба ислама против сионизма, а в более широком смысле – против иудаизма. В представлениях последователей двух религий друг о друге – масса предрассудков, непонимания, мифов. Развеять эти мифы и предназначены одновременно появившиеся две книги. Уже из их названий можно понять, сколь важные задачи ставили их авторы и издатели.

Однако благородство целей и гуманистический пафос не всегда приводят к ожидаемому результату – как бы подобные издания ни были хороши. Казалось бы, в спокойном и уважительном тоне повествования, в информационной насыщенности книг заложены ростки будущего взаимопонимания. Однако нельзя забывать: и современный ислам, и современный иудаизм объединяют самые разные течения, от либеральных до ультраортодоксальных, и каждое из них предлагает свои интерпретации древних вероучительных и этических формул. Авторы обеих книг относятся, несомненно, к

умеренно-либеральным слоям иудаизма и ислама, что проявляется и в характеристиках собственной конфессии, и в оценках другой религии. Ясно, что подобные взгляды не разделяются огромным числом их собратьев. Более того, так уж устроен человек, что он чаще всего выстраивает не концепции на основе фактов, а наоборот – интерпретирует факты, исходя из заданных концепций. И никакие либеральные книги фанатики читать не будут, а ограничатся кругом привычной им литературы.

Вряд ли, например, многие мусульмане согласятся с выводом Дюрана, что «еврейские мысль и искусство... были и остаются до настоящего дня важным компонентом исламской цивилизации», как и с его критикой «исламистов». Так же и многие «правые» евреи едва ли разделят мысль Файрстона, что люди могут и должны научиться жить «вместе».

Но означает ли это, что книги написаны напрасно? Ни в коем случае. Всегда найдется достаточное количество ищущих и мыслящих людей, которые способны анализировать информацию и формировать адекватное отношение к «другому» исходя из более или менее объективных исторических и религиозных реалий. Такое отношение может быть самокритичным и взвешенным. Отсюда рождаются уважение и стремление к взаимопониманию. В итоге цель обоих авторов может быть достигнута – даже если эти книги научат несколько сотен человек, а не миллионы. Будем надеяться, что все-таки капля камень точит...

Рdèé Òàààé

ВЫБОРОЧНО И ИНТЕГРИРОВАННО

Бенджамин Натанс

За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией.

М.: РОССПЭН, 2007. – 464 с.

Первое, что мы узнаем об этой книге из аннотации, – сколько грантов было получено автором и переводчиком и сколькими премиями была увенчана монография, едва выйдя в свет на языке оригинала. Согласимся, одновременно с любопытством такая информация формирует определенное предубеждение. Однако более близкое знакомство опасения развеивает. Хотя и не сразу.

При беглом просмотре может показаться, что книга бедновата и нудновата. Бедновата, потому что события, о которых идет речь, вроде бы хорошо известны: основная интрига – если применительно к историческим исследованиям позволительно использовать этот термин – вращается вокруг вхождения евреев в российский социум XIX века. К тому же автор сознательно ограничивается лишь несколькими, наиболее показательными, на его взгляд, сферами жизни. Натанс рассказывает о правительственных комитетах и планах аккультурации евреев по российскому образцу, о службе евреев в российской армии и о формировании еврейской общины Санкт-Петербурга, о появлении евреев в российской образовательной и судебной системах.

Ощущение же нудноватости может возникнуть и из-за обилия ссылок, и потому, что автор, избегая всякой беллетризации и надрывности, часто ведет разговор на языке статистики. Однако в этом и заключается главное достоинство монографии. Исследуя исторические процессы или терминологию, мы понимаем, что слова и события сменяются и развиваются не просто так. Но и цифры в статистических отчетах – это тоже «не просто так», и то, что за ними стоит, оказывается не менее захватывающим, чем самое авантюрное повествование. Натанс обнаруживает скрывающийся за сухими и часто неполными данными драматизм, выявляет связь разнородных на первый взгляд явлений, взаимодействие явных и тайных сил, исторических событий, правовых актов, чаяний отдельных социальных групп – и делает это мастерски. Мы действительно начинаем по-новому понимать и оценивать поступки и мысли действующих лиц исторической драмы, узнавая то, что знали они, и словно бы позабыв неизвестные им аспекты. Это позволяет нам разделять их надежды и отчаяние, энтузиазм и скептицизм.

Ограничивая событийную сторону изложения, автор строит повествование не «по фактам», а «по проблемам». Расплывчатую формулу «встреча евреев с Россией» он почти сразу же переформулирует на «политику выборочной интеграции» – именно таким образом евреи должны были войти в российское общество. Так и книга Натанса, выявляя

связи и восполняя лакуны, рассказывает о приключениях этой идеи тоже – в хорошем смысле – выборочно и интегрированно.

Ī ēōāēē Ēēīēēī

ПОСЛЕДНИЙ СОН КРЫМЧАКА

Александр Ткаченко

Сон крымчака, или Оторванная земля

М.: Хроникер, 2007. – 327 с.

Александр Ткаченко – футболист, поэт, прозаик, вице-президент Российского Пен-центра – написал и издал свою «лучшую книгу», как сказал на его похоронах Андрей Битов. Увы, эта книга оказалась последней. Но если в жизни человека все же существует предназначение, то Ткаченко, несомненно, его исполнил.

Кто такие «крымчаки»? В энциклопедии «Народы России» 1994 года написано: «Крымчаки, этнолингвистическая группа евреев <...> Общая численность 1448 человек. Говорят на крымчакском языке (близком крымскотатарскому языку) <...> Верующие крымчаки – иудаисты». Там же написано, что происхождение крымчаков разными учеными трактуется по-разному и что крымчаки создали богатый фольклор, публиковавшийся на крымчакском языке, на идише, на иврите и на русском.

Каким же образом практически исчез этот народ, единственный, имеющий в своем самоназвании слово «Крым»; как пропали с лица земли крымские аборигены, если к 40-м годам прошлого века их численность составляла 10–12 тыс. человек?

11 декабря 1941 года, на Феодосийском шоссе под Симферополем, немцами были расстреляны почти все крымчаки и еще 4 тыс. евреев. Именно поэтому, пишет автор, «скоро крымчаков не будет вообще. Есть такая точка в каждом небольшом народе, после которой ему уже не восстановиться биологически. Конечно, он останется, растворившись в других людях, но этих и этого уже не будет...»

Ткаченко, достаточно поздно открыв для себя, что по матери он наполовину крымчак, написал о своем погибающем народе книгу эпической мощи. Тут и история крымчаков, и рассказы об их быте, нравах, любви, смертях, удачах, трагедиях, написанные поразительно точным, лаконичным стилем. Стилем, отменяющим все языковые красоты и позволяющим событиям и смыслам говорить самим за себя, так что читателя до конца книги не отпускает чувство катарсиса – личной потребности каяться и сопереживать.

Эта книга одновременно завораживает, очищает и возвышает. Возникает ощущение, что не Ткаченко написал ее, а все жившие и умершие крымчаки через него – «последнего из крымчаков» – нашли возможность высказать, выразить себя.

«Крым всегда задавал много вопросов, но и всегда отвечал, – говорит автор. – Отвечал по сути одним очень точным важным ответом. Неважно, кто ты по национальности. Если ты чувствуешь себя жителем Крыма, ты им будешь, важно, какой ты человек. Если ты ощущаешь себя крымчаком, значит, ты и есть крымчак».

Áãø Ðàããá

Яков Шехтер. Каббала и бесы

Ростов-на-Дону: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2008. – 315 с.

В мире, где сражаются свет и тьма, где изгнанная из дворца Царица ищет своего Царя, демоны и бесы пытаются первыми заполнить пустоту, не обжитую традицией. Порожденные нечистыми желаниями человека, они рвутся туда, где произносятся молитвы. Излюбленные персонажи фольклора, они врываются и в литературу, придавая ей невиданные со времен Шолом-Алейхема страстность и лукавство.

Книга Шехтера – о святости любви и о любви к святости в алькове каббалиста, о главном таинстве каббалы, том, что происходит между мужчиной и женщиной. Она адресована тем, кто живет с закрытыми глазами, но спит с открытыми. Книга снабжена трехуровневым комментарием, объясняющим не только каббалистическую терминологию, но и более сложные понятия, связанные с вызыванием ангелов и управлением демонами. Впрочем, даже не знающий каббалистических тонкостей читатель сможет оценить психологическую и языковую точность прозы Шехтера.

Еврейские афоризмы. Лишь прошлое бессмертно

Составитель С.Е. Барсов

М.: Центрполиграф, 2008. – 399 с.

Вильгельм Райх, Станислав Ежи Лец, Айзек Азимов – что объединяет этих людей? То, что они были евреями. Но становятся ли их афоризмы от этого еврейскими? Не факт. «Некоторые утверждают, что брак препятствует романтической любви. Так оно и есть: едва у вас возникнет романтическая любовь, жена тут же воспрепятствует ей». Мысль, безусловно, верная и глубокая, но лишенная какой бы то ни было национальной специфики. Общечеловеческая мудрость, хоть и произнесенная евреем Гручо Марксом. Или вот еще еврейский афоризм по версии С.Е. Барсова: «Что Б-г сочетал, того человек да не разлучает». Подпись: «Иисус Христос».

Впрочем, в появлении этой книги можно усмотреть и положительный симптом. «Еврейское» становится брендом, и издательству кажется выгоднее дать сборнику разношерстных высказываний заглавие «Еврейские афоризмы», чем просто «Мудрые мысли мудрых людей».

Еврейское счастье: сборник еврейских пословиц и поговорок

Составитель М.П. Филипченко

М.: АСТ – Хранитель; СПб.: Сова, 2008. – 350 с.

Собрание еврейской народной мудрости, разбитое по тематическим разделам («Грусть, печаль», «Одежда, обувь», «Семья, родственники»), лишний раз подтверждает ту нехитрую мысль, что фольклор всех народов на удивление схож. «Укушенный змеей боится пестрой веревки» – чем не «Обжегшись на молоке, дуют на воду»? Пристойно подготовленный сборник снабжен словариком и списком источников.

Тамара Дубина. Еврейский перекресток: Повести и рассказы

Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 228 с.

Врач по профессии, Тамара Дубина в своем писательстве сумела совместить точность и логическую ясность с «разгулом фантазии». В рассказе «Фаршированная рыба» «заглавная героиня» пробуждает в рассказчице воспоминания о свекрови, у которой она научилась не только искусству приготовления гефилте фиш, но и еще более сложной «науке ведения дома». Повесть со странным названием «Любит ли Рак-Отшельник свою Актинию?» – о симбиозе между ворчливым, но постоянным в своих пристрастиях Раком и обитающей на поверхности его раковины плясунье Актинии. А завершает книгу «фольклорно-ностальгическая повесть» «Синий дым Китая», где показана предвоенная жизнь двора на окраине Москвы в восприятии девочки из еврейской семьи.

Аида Злотникова. «...И с просьбой о любви»: Эссе, новеллы, очерки

Иерусалим: Филобиблон, 2007. – 208 с.

Уроженка Челябинска, журналистка Аида Злотникова с середины 70-х годов занималась популяризацией творчества Цветаевой. Приехав в Израиль, она создала в Реховоте Культурный центр, открывшийся Цветаевскими чтениями, ставшими с тех пор ежегодными. В книге четыре раздела, но тон задает первый, куда включены статьи о взаимоотношениях Цветаевой с Ахматовой, Рильке, Пастернаком и Арсением Тарковским, рассказы о цветаеведах Льве Мнухине, Надежде Катаевой-Лыткиной, Анне Саакянц. Сопереживанием к людям, встретившимся автору на жизненном пути, пронизаны и последующие разделы: их составили интервью с Булатом Окуджавой и Елизаветой Ауэрбах, заметки о Пушкинском празднике поэзии на родине поэта, новеллы и воспоминания о близких людях из доизраильского прошлого, наконец, очерки о новой жизни на исторической родине.

Михаил Хейфец. Ханна Арендт: Условия бытия человека на Земле

М. – Иерусалим: Даат/Знание, 2006. – 200 с.

Когда Огюст Конт пришел к Гегелю и попросил профессора изложить суть своей системы – коротко, популярно и по-французски, тот ответил: «Мою систему нельзя изложить ни коротко, ни популярно, ни по-французски». То есть философы

популяризаторов не любят. А популяризаторы философов – наоборот. Вот и М. Хейфец выпускает уже вторую книгу, где пытается изложить суть главных трудов Ханны Арентс. На фоне других работ об Арентс интерпретация Хейфеца выделяется особой страстностью, почти влюбленностью биографа в своего героя. Увы, при всех усилиях автора его книга получилась сложной, местами не очень ясной, а где ясной – не слишком интересной.

*Γὰρ αἱ ἰστορίαι ἐδιδάθησαν ἡμῖν, ἡ δὲ εὐαγγέλιον ἰστορίας, ἢ ἐὰν εἴη,
ἡ εὐαγγέλιον εἰς εἴς*

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЕ ЧУДЕСА

Àdèãdèé Dáàpèí

Я познакомился с Александром Дольником в 2001 году. Он только что построил в Днепропетровске синагогу, я увидел ее фотографию на одной архитектурной выставке и разыскал автора. На меня произвела сильное впечатление эта фотография. Я приехал в Днепропетровск, он отвел меня туда, и впечатление от природы оказалось еще сильнее.

Сейчас строят много храмов разных конфессий. Как архитектурный критик, я все время с ними сталкиваюсь, – а лучше бы не сталкивался. Это на редкость грустная архитектура. Дело тут вот в чем. От храма ждешь, что архитектор так или иначе выскажется доступным ему языком о чем-то – для него лично прежде всего, но и для всех тоже – высоко. Но этого нет. Что в новых православных храмах, что в мечетях есть две темы: во-первых, тщательного соблюдения архитектурных традиций второй половины XIX века, которые непонятно почему полагаются жутко древними, во-вторых, демонстрации количества потраченных денег. Ни в пространстве, ни в пропорциях, ни в украшении нет ничего не то чтобы личного – нет даже попытки создать сакральное пространство.

Надо сказать, от архитектуры синагоги многого не требуется – это не храм, и вовсе не обязательно ее архитектура должна нести в себе интуицию Б-га. Это я к тому, что от Александра Дольника никто не требовал строить храм.

Там было старое здание хоральной синагоги, построенное в 1850 году. Ее закрыли в 1929-м, сделали клуб швейников (с 1947 года – Дворец культуры швейного объединения фабрики имени Володарского). В 1996 году здание вернули еврейской

общине. Буквально восстанавливать интерьер было невозможно – никаких архивных материалов не сохранилось, – но сделать молельный дом по мотивам XIX века никто не мешал. А Дольник поставил перед собой в общем-то достаточно дерзкую задачу. Он решил сделать сакральный интерьер. И у него получилось.

Когдаходишь к синагоге, она не предвещает событий, которые ожидают тебя внутри. Снаружи это достаточно качественное здание позднего провинциального ампира. Не плохое, но длительная жизнь в качестве сталинского рабочего клуба не пошла ему на пользу. И даже когдаходишь в спроектированное Александром Дольником фойе, ничего особенного не замечаешь – за исключением разве того, что имя архитектора числится среди донаторов. Поскольку я обнаружил его там без подсказки, то проникся большим уважением.

Внутри молельного зала это же отношение разворачивается в нечто действительно нетривиальное. Гигантский арочный портал, гранитный, невероятно величественный. Он настолько грандиозен, что все остальное как-то перестает существовать. Кажется, у синагоги нет стен, сводов, ничего, одна белая пустота – и внутри нее этот портал. Он абсолютно не соответствует масштабу помещения, он может удержать городскую площадь, а не скромный зал. Но тем не менее он в этом зале находится, так что кажется, что сюда вошло что-то несоразмерно большое, бесконечно величественное и торжественное.

Александр Дольник очень подробно объяснял мне тогда, что у него что обозначает. Сам портал для него был метафорой молитвы – он шел от образа молящегося еврея в талите, и поэтому портал такой полосатый. К ковчегу в центре ведет лестница из шести ступеней, что соответствует шести дням сотворения мира. Над ковчегом пять арок – это пять книг Моше. Арки покоятся на двенадцати столбах – это двенадцать колен Израиля. Из ковчега исходят двадцать шесть лучей – цифра означает имя Б-га. И так далее. Я слушал, и мне все время казалось, что это, может быть, лишнее. Не потому, что не нужно изобретать символический канон там, где он не требуется – это, в принципе, никому не возбраняется, пожалуйста, если архитектору нужны какие-то символы, чтобы обосновать правильность найденной им формы, почему бы и нет. Но потому, что эта форма воздействовала совершенно непосредственно, без каких бы то ни было символов. Я просто стоял перед огромным порталом и ощущал, что оказался в особом месте, где есть некое Присутствие.

С тех пор прошло семь лет. Синагога несколько изменилась. Тогда она была новенькая, с иголки, в нее как будто бы никто еще и не входил. Теперь там разнообразная жизнь – лавки и столы в помещении перед молельным залом, во дворе – китайская почему-то столовая для бедных, даже сами стены уже какие-то не белые, а обжитые, домашние. Видно, что есть община, она активно живет. Только с порталом ничего не произошло, он будто вчера появился или, наоборот, всегда тут был. Это странное ощущение, будто время течет мимо него и его не касается.

Изменился и Александр Дольник. Тогда он был очень увлечен религиозной тематикой, это был молодой, сильный, красивый человек, который страстно говорил о смыслах, символах, прецедентах. Теперь это был другой человек – старше, мягче, с характерной грустной иронией. Говорил больше о политике, о Киеве, о Москве, об Израиле, о людях. Я даже подумал, что постоянно находиться на таком уровне горения для архитектора – а архитектор профессия практическая – довольно трудно. Просто вот один раз ему выпало построить синагогу, и случилось едва ли не чудо. Ну а теперь оно уже случилось, и пошла нормальная обычная жизнь.

Я приехал в Днепропетровск вечером, мы пошли в ресторан, который почему-то назывался гриль-баром. Три вещи поразили меня в этом учреждении. Во-первых, машины, которые были около него припаркованы. Если бы я на своем «ягуаре» подъехал к этому гриль-бару, меня бы туда не пустили. Эта днепровская парковка была выставкой машин исключительно премиум-класса. Во-вторых, кухня. Нет, ничего необычного. Хотя, пожалуй, в «Эксельсиоре» в Венеции попроще, но в принципе примерно то же самое. Ну и в-третьих – посетители. Они все были между собой знакомы. Они все были евреи. Все знали Александра Дольника. Половина были его заказчиками. «Вы про него будете писать? Вы уже видели наши пентхаузы? Это надо посмотреть, хороший вид на Днепр». «Саша, Зага мне прислали договор. Они послезавтра приедут. Саша, я им так сказал: таких фирм, как Zara, в мире, наверное, четыре или где-то даже пять. А такой магазин, как ты мне строишь, в Днепропетровске только один. Во-первых (это уже мне) – это на главной площади, считайте как у вас на месте мавзолея. Во-вторых, это Дольник. А в-третьих, хозяин – я. На самом деле, ты же понимаешь, что это во-первых. Так вот что я им сказал. Если считать по днепровскому счету, я вас круче в четыре раза, а где-то даже в пять. Это не я должен читать их договор, это они должны читать мой». И так далее, без остановки, весь вечер. «Саша, тут к тебе, говорят, кто-то приехал, что-то про тебя написать. Я интересуюсь, кто и что?»

Синагога до революции.

А на следующий день Дольник меня повез показывать свои постройки. И вот тут я по-настоящему обалдел. Ну, представьте себе. Высокий берег Днепра. Наверху, на горе, – два небоскреба, причем таких серьезных, не азиатских, конечно, но, скажем, франкфуртского масштаба. Это жилые дома. И между ними – каменная площадь с крытым бассейном для жителей. Дальше по склону амфитеатром спускаются дома. Это как раз и было то, что называлось «наши пентхаузы», и таки вид на Днепр там был вполне, – вот ровно как говорится, «редкая птица долетит до середины». Амфитеатр внизу образовывал площадь с идеальным газоном, на площади стоял еще один небоскреб, который Дольник называет «кампаниллой», и еще один жилой комплекс. Справа ото всего этого комплекса видны три виллы с мостами, ведущими к ним с уступа склона. Это тоже построил Дольник. Далее – нагромождение краснокирпичных домов североευропейского вида – жилой комплекс «Амстердам». И его тоже построил Дольник.

За семь лет, что мы не виделись! Это был архитектурный ансамбль размером с центр среднего европейского города. Это была современная архитектура европейского уровня – такого уровня, что сегодняшний Берлин от нее бы никак не отказался, а пожалуй, и позавидовал бы. Это был нереальный прямо уровень процветания, совершенно не представимый в таком городе, как Днепрпетровск. Да просто это было настолько величественно, широко, уверенно, что дух захватывало. Всюду, куда хватало взгляда, все построил Дольник, и уже было ощущение того, что редкая птица долетит до середины того, что он построил...

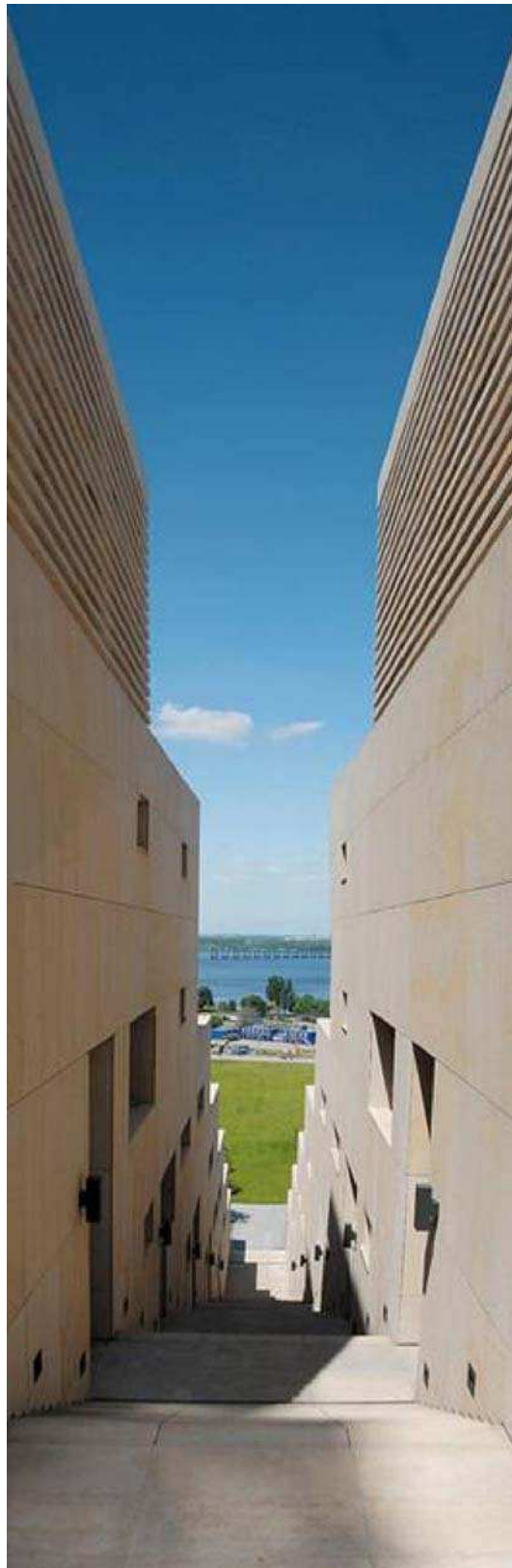

А. Дольник.

Возникает вопрос: как один архитектор за такое короткое время может так много построить. Но на самом деле оказалось, что это примерно четвертая часть его работ в Днепропетровске за эти семь лет! Мы ездили смотреть ту площадь, где строится торговый комплекс, в пересчете на который друг Дольника в четыре раза круче Zara. Действительно, круто, потому что это даже не магазин, а пассаж, вроде Петровского пассажа в Москве, и Zara занимает там весьма скромное место. Но все же я думаю, что не в четыре раза он круче, а где-то это надо делить пополам: не одно такое место в Днепропетровске, потому что прямо визави строящегося пассажа стоит другой, уже построенный, называется он «Европа», и его тоже построил Дольник. Так что мест таких в Днепропетровске не одно, а два. Мы ездили смотреть офисные комплексы, еще магазины, еще жилые кварталы – и все это опять же был он.

Я не знаю сегодня московского архитектора настолько же востребованного, так же реализовавшегося, как Дольник. Да честно сказать, я и в Европе таких не знаю. Есть несколько звезд уровня Нормана Фостера, которые сделали за это время не меньше, но никому не повезло сделать все это в одном городе – просто полностью преобразить город-миллионник. И вечером, когда мы опять приехали в тот же ресторан, где те же люди приветствовали меня уже как старого знакомого, я несколько потрясенно стал его спрашивать: «Саша, как? Как это удалось? Что за чудо?»

Фрагменты архитектурного комплекса

А. Дольника на берегу Днепра.

«Сам не знаю. Так получилось, что после того как открылась синагога, там началась какая-то жизнь. И все мои заказчики – оттуда. Они туда пришли, они видели, что я построил, и стали ко мне обращаться. Мы все знаем друг друга, мы друг другу доверяем.

Если какие-то противоречия – это решает раввин. И как-то все это идет правильно, и все строится и строится. А со стороны, наверное, действительно выглядит несколько фантастически...»

Жилой комплекс «Амстердам».

В принципе, работу архитектора довольно трудно объяснить человеку, с темой не знакомому. И все же скажу, что у Александра Дольника есть одна оригинальная особенность. Он очень увлечен типологией. Он любит соединять в одном комплексе разные типы помещений – обычные квартиры, пентхаузы, городские виллы, офисы, кафе, рестораны, спортивные сооружения и т. д. И делает это страшно изобретательно, так что они все вместе складываются и подходят друг к другу как кусочки пазла. У него есть проект, который сейчас начали реализовывать, называется «Брама»: это врата-небоскреб, в створе которого – мост через Днепр, задумано как арка Дефанс в Париже, но несколько масштабнее. Так вот, по типологии – это «вертикальный город». Как в городе рядом друг с другом стоят разные дома – и башни, и особняки, и гостиницы, – так здесь все это поставлено друг на друга, и внутри этого еще улицы, площади, мосты и т. д. Я бы сказал, особенность этого архитектора в том, что он любит жизнь в самых разнообразных вариантах, в подробностях, бесконечных деталях, и при этом умеет собрать ее в формулу, не потерять того изначального рисунка, который стоит за всем этим разнообразием. Это собирание в формулу выглядит действительно чудесным. Потому что если смотришь на его главный комплекс на берегу Днепра сверху, с небоскребов, то вдруг понимаешь: весь этот величественный амфитеатр – это та самая арка синагоги, с которой все начиналось. Очень зримая метафора того, откуда все вышло.

Когда журнал «Лехаим» пригласил меня писать об архитекторах, заказ звучал следующим образом: «Мы бы хотели видеть серию очерков о еврейской недвижимости». Я тогда очень развеселился, потому что еврейская недвижимость – это как? Малаховка? Кратово? военные поселения в секторе Газа?.. Но вот ведь – пожалуйста вам, очерк о еврейской недвижимости. До революции в Днепропетровске было сорок синагог, была большая еврейская община. К концу советского времени евреев почти не осталось, а сейчас их опять около ста тысяч. Они построили только одну синагогу. Но вокруг нее началась жизнь, которая преобразила весь город. Лехаим!

ОТ СООСТЕРА К СООСТЕРУ

יֵעוֹאֵעַ יְאֵ-עִיָּאִי

Раньше считалось, что имя выражает сущность. Теперь скорее дополняет. Вот Центр современного искусства «Винзавод», открывшийся в прошлом году. Не то что вина – даже кафе нет. Искусство современное, однако половина территории пустует. А те галереи, что есть, во многом ведут жизнь эфемерную. Маленькая модель большой страны.

И вот эта территория нового российского искусства с 30 апреля по 12 мая превратилась в «Территорию нового израильского искусства». Под таким названием в галерее «Ателье № 2» проходила выставка, посвященная 60-летию Государства Израиль. Среди ее участников были как бывшие граждане бывшего СССР, так и художники, уже родившиеся в Израиле. Выставка представляла собой срез не только израильского, но и европейско-американского изобразительного искусства.

Один из участников выставки – Тэнно Пент Соостер, сын знаменитого художника Юло Соостера, чья слава не ограничивается ни Россией, ни Эстонией, а распространяется на весь мир.

Каждому из художников, представленных на выставке, свойственен собственный стиль. Но если бы под работами не было подписей, то можно было бы подумать, что работы Тэнно Пента созданы не одним, а несколькими мастерами. Вот картинки в духе детских книжных иллюстраций модерна, вот гады, беременные человеческими младенцами, вот конструкции слоновьих скелетов или каркаса улитки, а вот словно застывшие мультяшные герои...

Моряк, маяк и спичка. 1998 год.

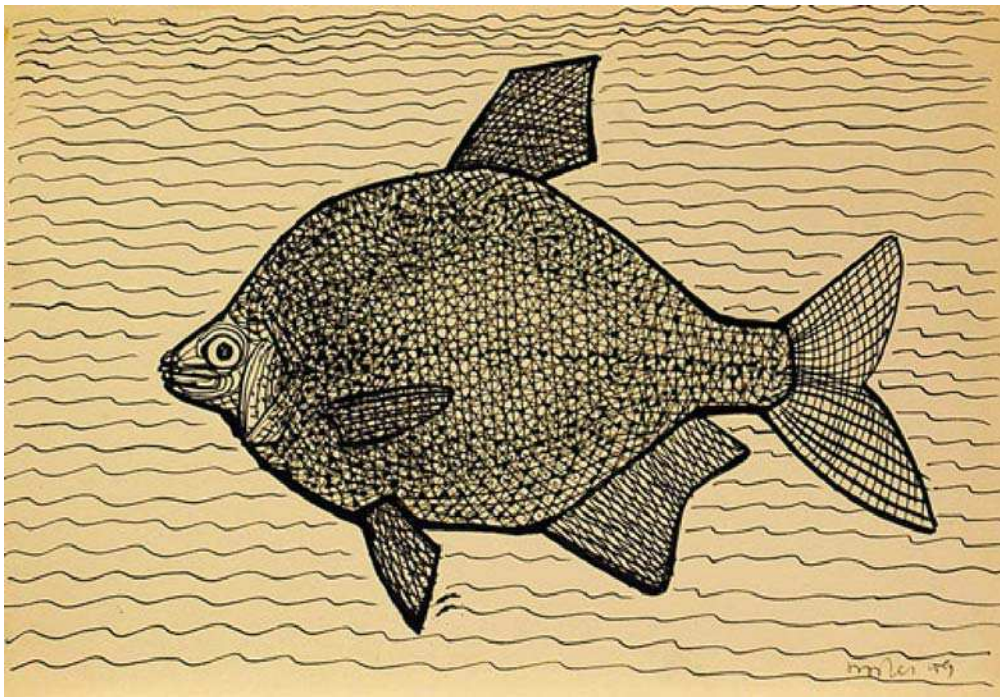
И тем не менее у всех этих работ есть нечто общее, помимо автора. Прежде всего – графическая полистилистика. Тэнно сторонится живописи, его работам свойственны четкость, прочерченность каждой детали. Никакой небрежности, необязательности, приблизительности. Не случайно художник говорит о своем разочаровании творчеством Дали, который, по его словам, был далеко не усердным рисовальщиком. Графичность Тэнно в иных работах носит почти чертежный характер: художник показывает не только видимые, но и невидимые поверхности. Это, разумеется, лишь игра, вводящая в сферу искусства те виды графики, которые доселе пребывали вне ее.

Чертежу свойственна двухмерность, и работы Тэнно смотрятся вызывающим отрицанием перспективы. Так – если брать принцип, а не уровень мастерства – рисуют дети. Как сказала в схожей ситуации одна девочка, «корова паслась в профиль». Муравьеды, кролики и скелеты Пента тоже «пасутся в профиль», а вот моряк предпочел анфас.

Нетрудно заметить, что эстетически Соостер-художник очень близок мультипликации. И это неудивительно: он профессиональный мультипликатор. «Я, как любой мальчик, обожал мультипликацию, – рассказывает Тэнно. – Я пару раз пошел в какие-то институты, которые не были связаны с мультипликацией, и что-то мне не очень это все понравилось. А тут “Союзмультфильм” просто набирал работников на такую профессию, как фазовщик, – это одна из самых низших профессий. Потом я пробился в группу. Перед тем как начинается фильм, собирается творческая группа: режиссер, художник-постановщик, ассистент режиссера, ассистент художника-постановщика. И есть некий человек, который успеваешь везде. Вот этим человеком был я. Надо дорисовать, надо доделать, надо покрасить – пожалуйста. Потом ушел в ряды Советской армии, а вернувшись, опять-таки устроился туда, и тут как раз подвернулась такая вещь, как открытие двухгодичных режиссерских курсов на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Я их закончил и пошел на студию работать и там работал в качестве художника-мультипликатора».

Т. Соостер. Клон I (Предопределение). 2002 год.

Ю. Соостер. Камбала. 1959 год.

Тэнно сделал около полутора десятков мультфильмов, и тут пришла перестройка, а с ней – официальный интерес к творчеству его отца, к тому времени уже признанного классика андеграунда. Андрей Хржановский и Валерий Угаров задумали фильм о Юло Соостере – «Пейзаж с можжевельником», на котором Тэнно был консультантом, мультипликатором и помощником художника-постановщика. Фильм произвел впечатление не только на зрителей, но и на киноначальство, которое – редчайший случай! – предложило сделать его полнометражную версию. Там Тэнно был художником-постановщиком.

Вот уже почти двадцать лет он живет в Израиле. Ездит по миру, часто бывает и в России, и в Эстонии. Но уезжать из Израиля, несмотря на все сложности тамошней жизни, не собирается. Что же привело его в Израиль?

Этот путь начали родители, Юло Ильмар и Лидия Израилевна. Если бы не лагерь, перемешавший все классы и народности, едва ли бы они встретились. Юло происходил из семьи зажиточных эстонских хуторян. По словам его жены, «мужская линия в семье мало интересовалась хозяйством. Они, можно сказать, были лирики, а не пахари». Сама Лидия принадлежала к уважаемому еврейскому роду Серхов. По рассказам Тэнно, они жили в Днепропетровске, где отец его матери еще во времена нэпа открыл пекарню по производству мацы. Потом у них все реквизировали (и было что), а семья переехала в Москву, где Израиль вновь занялся выпечкой мацы. Дедушка Тэнно и был, по существу, последним, кто сохранял в этой семье еврейские традиции.

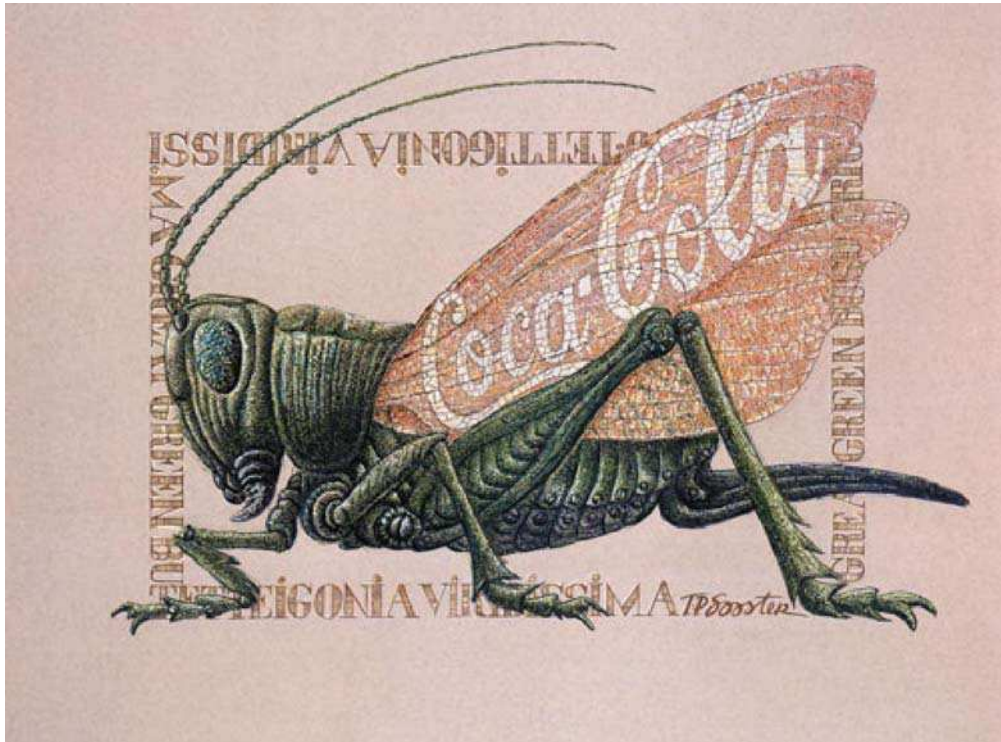

Ю. Соостер. Залитые лунным светом можжевельники. 1967–1968 годы.

Будучи художниками, Юло и Лидия познакомились в Караганде, в лагере, на межлагерной выставке «Наши достижения». «...Я стала получать письма с очаровательными открыточками-рисунками, одухотворенными его пером или карандашом, – вспоминала позже Лидия. – Мечты, мечты, в каждой строчке мечты о соединении, о страдании мужчины, долго и мучительно живущего вдали от женского общества». Письма приходили ежедневно.

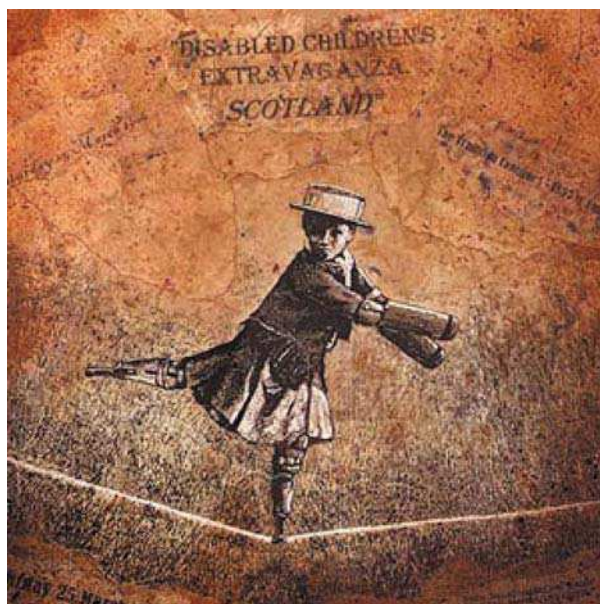
Освободившись, мать Тэнно вплоть до выхода на пенсию работала театральным художником. Страх не отпускал ее никогда. «Не было момента, когда бы она жила спокойно и знала, что все хорошо. И советская власть каждый раз давала повод для беспокойства, – говорит Соостер-младший. – Как только она услышала, что “бульдозерную выставку” разогнали, она бегом побежала покупать сигареты без фильтра, потому что знала, что с фильтром не имеет смысла брать туда. И всегда у нее был где-нибудь запас такой на всякий случай, потому что всегда может случиться: придут и заберут мгновенно, не успеешь ничего». Жить под таким мечом было тяжело, и с конца 1960-х семья мечтала уехать из СССР в Израиль: «Юло всегда хотел выбраться из Советского Союза, потому что он был воспитан в буржуазной Эстонии, – говорит Тэнно Пент. – Так история распорядилась, что он оказался здесь, а в принципе по своему

воспитанию, по мироощущению он был, конечно, не советский человек». Поэтому, «когда была первая алия, то уехал Михаил Гробман, и у них был с папой разговор о том, что наша семья тоже переедет в Израиль, – вспоминает Тэнно Пент. – Потом, когда папа умер, мама отказалась от этой мысли, хотя уже были разговоры о приглашении. Но в нашей семье говорили о том, что если уж ехать, то туда. Мы, – говорит Тэнно уже о своей семье, – решили, что надо детей воспитывать и найти для них другое место. Свободное». Это осуществилось в 1990 году.

Т. Соостер. Кока-кола. 2000 год.

В Израиле главным источником заработка для Тэнно остается мультипликация, отчасти работа в еженедельных изданиях. Однако, как и до эмиграции, он параллельно занимается собственным творчеством. Мультипликация, иллюстрация не только забирают время, но и обогащают: «Мне очень интересно играть с разными вещами, смешивать разные материалы, брать разные литературные источники. У меня многие картины выстраиваются сразу сериями, я вижу их в движении». В своих работах он видит кадры фильмов, а кадру свойственна не только связь с другими кадрами, но и глубина. Поэтому в рисунке Соостера-младшего, точно клетки или молекулы, спрятаны другие кадры. Каждый из этих кадров при укрупнении, в свою очередь, открывает спрятанные в нем более мелкие кадры – и так до бесконечности.

Серия «Шотландский цирк детей-инвалидов». Эквилибрист. 2006 год.

Творчество Тэнно Соостера значительно выпадает из контекста современного израильского искусства. Ему близки ровесники его отца: Илья Кабаков, Борис Жутковский, Владимир Янкилевский, Виктор Пивоваров, Эдуард Штейнберг – те, кто начинал в годы «оттепели» и заложил основу московского концептуализма. «Я, будучи ребенком, постоянно варился в этой среде. И судя по всему, это стало основой моего собственного творчества. Все говорят, что я вырос из того времени. Я тоже это чувствую. Мои работы основаны на том, что было заложено тогда».

Поэтому надпись на крыльях саранчи «Кока-кола», как ни странно, сродни тем портретам-чудовищам, которые на протяжении многих лет делал Пригов.

Серия «Шотландский цирк детей-инвалидов». Жонглер. 2006 год.

При всем при этом ориентация на традицию т. н. «второго русского авангарда» – значимая составляющая израильской художественной среды. Михаил Гробман – персонаж московского андеграунда, лидер литературно-художественного объединения

«Левиафан» – сегодня крупный, часто выставляющийся израильский художник. Ян Раухвергер, один из ведущих израильских живописцев, которого называют «последним живым классиком, пишущим маслом», – ученик известного художника Владимира Вейсберга, а следовательно, наследник тех же традиций. Для Тэнно Соостера московское искусство 1960–1970-х годов является первой реальностью, а весь остальной мир, включая природу, – реальностью второй, которая надстраивается над первой. Иначе говоря, если «московский романтический концептуализм» (пользуясь термином Б. Гройса) работал с советскими концептами, то Тэнно работает с концептами этих самых концептуалистов. И в этом отношении его творчество является интересной рефлексией московского андеграунда, как бы вытесненной на периферию и осуществляемой с точки зрения смежного искусства.

Искушение. 2006 год.

У ЧЕРНОГО МОРЯ...

Ááááá Áááá

Режиссер М. Левитин

Золотой теленок, или Возвращение в Одессу

Театр «Эрмитаж»

Главный режиссер театра «Эрмитаж» Михаил Левитин поставил спектакль по пьесе Валерия Семеновского, написанной, понятное дело, по мотивам романа «Золотой теленок». Как и соавторы-романисты, драматург и режиссер – одесситы, и «в цветущих акациях город» проникает и в название, и в сюжет, вытесняя исходный Черноморск как место действия и, в какой-то мере, даже Рио-де-Жанейро как «хрустальную мечту детства». Герои счастливы, только въехав в город и омыв в Черном море колеса своего «лорен-дитриха», и дальше с их языка не сходит Дюк, и знаменитая лестница, и Ланжероновская, и Ришельевская, и поет свой сентиментальный гимн Утесов, и все поголовно в белых штанах – прямо как в солнечной Бразилии.

Отступлений от романа можно сыскать еще немало. И начинается действие уже при въезде в Черноморск/Одессу – никаких вам детей лейтенанта Шмидта, ни Арбатова, ни автопробега. Также мы теряем и пародию на журналистско-писательскую братию в литерном поезде из третьей части романа. Неожиданно образуют пару обитатели Вороньей слободки Гигиенишвили и Люция Францевна Пферд, именуемая теперь Лючико; будущий муж Зоси, жгучий брюнет Фемиди, появляется с самого начала и составляет серьезную конкуренцию тайному миллионеру; героический летчик Севрюгов, сгинувший в ледяной пустыне, сценически активен и то и дело жалуется из-под потолка на голод и холод, но в конце концов, в отличие от романа, фортуна так и не улыбнется ему.

Вопреки заявлению журналиста Паламидова из литерно-литературного поезда о том, что евреи в стране есть, а еврейского вопроса нет, в спектакле последний ставится и щедро развивается. Из тирады Митрича об Айсберге-Вайсберге-Рабиновиче вырастает целый эпизод народного антисемитизма в исполнении жителей Вороньей слободки,

состоящий из изрыгания пьяных проклятий в адрес кровопийц и распевания доморощенных куплетов про народ, которому плевать на скорбь русских и который чтит только свои законы.

Впрочем, юдофобские куплеты – далеко не единственная находка Семеновского-Левитина. Творцы спектакля (включая, конечно, и художника – Гарри Гуммеля) крайне изобретательны и щедры на всевозможные прибаамбасы и аттракционы. Это и Черное море, раскинувшееся в форме мелкого бассейна вокруг сцены, и лодки, в которые рассадили первые ряды партера, и интермедии в фойе: Паниковский выгуливает гуся, Козлевич кадит кадиллом, санитары из дурдома ловят бухгалтера Берлагу, бомжеватого вида жители Вороньей слободки таскают у зрителей деньги.

Некоторые художественные находки предоставляют определенный простор для интерпретаций. Так, например, служащие «Геркулеса», включая Серну Михайловну, секретаршу и содержанку Полыхаева, обладают гигантскими телесами, поролонового или надувного происхождения. Оные телеса охотно демонстрируются – в имитации офисного секса в кабинете начальника или же в ходе вполне натурального купания в вышеупомянутом бассейнике. В этих дутиках можно видеть просто одно из выражений общей гротесковости спектакля, или символ фальшивости любой бюрократии и конкретно «Геркулеса», или же аллюзию на «Трех толстяков».

Еще один эпизод, поддающийся вариативному толкованию, – это концовка. Вместо честного фиаско, которое постигло в финале романного Бендера, решившего с горя переквалифицироваться из графов Монте-Кристо в управдомы, спектакль (на исходе трех с половиной часов) завершается довольно двусмысленной и малоправдоподобной сценой. Остап понимает, что не в деньгах счастье и «не имей сто рублей, а имей сто друзей», бросает чемодан с миллионом в воды Черного моря (откуда его тут же вылавливает расторопный Корейко), и вся четверка, распивая шампанское «Ich sterbe», радостно отправляется в новые странствия. Так и ждешь, что они бравурно запоют: «Тем, кто дружен, не страшны тревоги // Нам любые дóроги дорóги!» Но все не так просто: команда собралась в старой «Антилопе» в полном составе несмотря на безвременную кончину Паниковского, «человека без паспорта», благодаря тому, что последний воскрес или же остальные тоже умерли. По крайней мере, все четверо – в белом, и остается только гадать, каким бескорыстием и коллективизмом здесь попахивает – коммунистическим или уже ангельско-целестиальным, или просто – в солнечном городе у Черного моря все поголовно ходят в белом.

ВЗРОСЛОЕ КИНО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ГОСУДАРСТВА

Àëàëñ Ðàéíííðð

Знакомство российских зрителей с кинематографом Израиля случилось сравнительно недавно: в начале десятилетия Недели израильского кино были организованы в ряде крупных российских городов, затем на федеральных телеканалах, в частности, на ТВ «Культура» появились израильские фильмы, минувшим летом Форум израильского кино прошел в Москве сразу после 29-го Международного кинофестиваля. С 2004 года израильские картины в Москве показывает российско-израильский арт-проект «Эшколь». По первым ознакомительным показам можно было сказать, что кинематограф страны целиком погружен в многочисленные социальные проблемы, в военно-политическую ситуацию ближневосточного региона, что он дает представление о повседневной жизни Израиля и укладывается в рубрику «этническое кино».

И вот, с 16 по 22 мая в Москве, приуроченный к 60-летию образования государства, прошел очередной для российского зрителя фестиваль израильских фильмов. В кинотеатре «35 мм» были показаны семь игровых картин. Фестиваль этот существенно меняет представления о современном израильском кинематографе.

Он открылся фильмом «Бофор» режиссера Йосефа Сидера, снятым в 2007 году; сценарий его основан на романе израильского писателя Рона Лешема «Существует ли рай?» и рассказывает об одном из эпизодов в ходе вывода войск с территории Ливана в 2000 году. После 2-й ливанской кампании роман был назван пророческим. И автор романа, и режиссер молоды, их взгляд на войну отличен от взглядов тех израильтян, кто участвовал в Шестидневной войне, войне Судного дня и в 1-й ливанской кампании, окончившейся выдворением ООП в Тунис. Судя по фильму, отношение молодой части израильского общества к войне изменилось: она состоит из абсурда и неоправданных жертв, приказы командования зачастую противоречивы и немотивированны, а к чувству воинского долга прибавляется понимание того, что не все конфликты разрешимы силовым способом.

Подразделение ЦАХАЛ удерживает форт Бофор на территории Ливана недалеко от ливано-израильской границы. Активные военные действия окончены. Согласно мирному урегулированию, вскоре крепость нужно будет покинуть, но приказа об уходе не поступает, производится бесполезное уже разминирование патрульной дороги, заканчивающееся смертью сапера, «Хизбалла» не прекращает обстрелы форта, солдаты продолжают погибать. Возникает противостояние между командиром гарнизона, молодым офицером Лиразом, считающим армию и войну своим призванием, и солдатом, задающим вопрос, ради чего погибли его товарищи и подвергаются опасности все остальные. В сущности, это вопрос о том, что важнее для страны: подчинение военной машине ради ее корпоративных интересов или же отдельная человеческая жизнь? Картина заканчивается минированием и взрывом Бофора, осуществленным под руководством Лираза перед уходом в Израиль: не доставайся же ты никому.

Действие фильма разворачивается в мрачном пространстве крепости, стены которой усилены бетонными блоками, это пространство-ловушка, герои все время

находятся в тесных и замкнутых помещениях казармы, склада боеприпасов, кузова грузовика, внутреннего двора, наблюдательной площадки, обнесенной бойницами. Их военная экипировка, в особенности объемные береты из маскировочной сетки, неожиданно отсылает к живописи средневековых художников. Диалоги, которые солдаты ведут, вспоминая дом, женщин и стараясь предугадать свое будущее, вполне уместны в пьесе, написанной и два века назад, и в эпоху Возрождения. Военный конфликт подан в фильме не в узко региональных рамках, авторам удалось выйти на общечеловеческий уровень освещения проблемы и найти для этого особые пластические средства. Эти достижения были отмечены профессионалами: на Берлинском кинофестивале 2007 года «Бофор» получил приз в номинации «За лучшую режиссуру», в 2008-м вошел в пятерку выдвинутых на «Оскар» как лучший иностранный фильм года. При бюджете в 2,5 млн долларов прокат картины в США и Европе уже принес более 153 млн, то есть она интересна не только израильскому, но и мировому зрителю.

Другим заметным фильмом фестиваля стали «Секреты» известного израильского режиссера Ави Нешера. Место действия – город Цфат, религиозное училище для девушек, решивших совершенствоваться в знании Танаха. Помимо молодых израильских актрис в фильме снялась звезда французского кино Фанни Ардан. Секреты, которые постигают девушки, изучая священные книги, и секреты, которые преподносит жизнь за пределами их замкнутого мира, первые самостоятельные поступки, выбор друзей и подруг, поиск себя и конфликт со старшими, предлагающими решения, не соответствующие внутренней природе героини, – вот проблематика этой эмоциональной и неожиданной ленты. Казалось бы, российские зрители далеки от того, что происходит внутри ультрарелигиозной общины Израиля, но, как и в случае с «Бофором», удалось преодолеть рамки среды и выйти на художественный уровень. Фильм заставил сопереживать и соотносить себя с его героями. Сужу по зрительской реакции, по обмену репликами в зале и фойе после просмотра. В «Секретах» очень хороший актерский ансамбль, интересно следить за перевоплощениями актрисы Ани Букштейн, сыгравшей главную роль. Режиссер Ави Нешер, выступивший с приветствием в первый день фестиваля, рассказал публике о своих российских корнях, что для него предмет гордости – его мать, учительница русского языка и литературы, приехавшая в Израиль из России. Действительно, разработка характеров в фильме «Секреты» свидетельствует о знакомстве с классической русской литературой, в частности с пьесами Чехова.

Вообще, интерес к человеку, не представителю социальной, религиозной или иной группы, но к частному лицу, рассказ о его внутренней жизни – выигрышная сторона израильского кино последних лет. Показанный после «Бофора» фильм «Авива, любовь моя» – тому пример, речь в нем идет об одаренной начинающей писательнице, поварихе из Тверии, рассказы которой готов купить и издать под своим именем признанный прозаик. Эта работа режиссера Шеми Зархин с Аси Леви в главной роли была отмечена на родине, получила приз «Лучший фильм» Израильской киноакадемии, а также удостоилась «Золотой медали» на 42-м МКФ в Чикаго.

Человеческая проблематика на первом месте и в других фестивальных фильмах. Трудности адаптации и обретении друзей в новой стране – тема дебютной картины «Дети СССР» режиссера Феликса Герчикова. В девятилетнем возрасте будущий режиссер был увезен из Бобруйска в Израиль, о сложностях первых шагов в новой среде с незнакомой культурой и языком он знает из собственного опыта. В 24 года Ф. Герчиков написал сценарий на иврите, выиграл конкурс на израильском ТВ и получил в качестве приза грант в 500 тыс. долларов, что и составило бюджет его первой картины. В фильме много молодых непрофессиональных актеров, недавних эмигрантов из СССР. Большая часть фильма идет по-русски – это язык героев картины. Снятый в 2005 году фильм «Дети

СССР» получил Гран-при за лучшую драму Иерусалимского кинофестиваля, Специальный приз жюри 1-го Фестиваля «Русское зарубежье», у нас был впервые показан в июне прошлого года в конкурсной программе 29-го ММКФ.

Драматическая комедия «Визит оркестра» режиссера Эрана Колирин с актрисой Сасон Габай в главной роли интересна тем, что это первая израильская картина, показанная в арабских странах. В Израиль из Александрии прибывает на открытие арабского культурного центра полицейский оркестр, но по ошибке оказывается не там, где его ждут, а в маленьком городке пустыни Негев. Участие в египтянах принимают местные жители, решают их проблемы с едой и ночлегом. Граждане двух некогда враждовавших стран обнаруживают, что у них много общего, испытывают интерес и симпатию друг к другу. Фильм получил 22 награды международных кинофестивалей, среди них три приза Каннского фестиваля: «Особый взгляд», «Приз молодежного жюри» и «Приз иностранной критики», а также Гран-при международных кинофестивалей в Токио, Монреале и Варшаве.

Еврейско-немецким отношениям и теме «израильтянин в Германии» посвящены фильмы «Металлик Блюз» режиссера Дани Верте и «Прогулки по воде» Эйтана Фокса. «Металлик Блюз» 2004 года рождения – на сегодня самый масштабный и дорогой проект израильского кино. По жанру его можно отнести к роад-муви: двое друзей в дни Хануки отправляются в Германию, чтобы выгодно продать купленный в Израиле по сказочно дешевой цене роскошный «Линкольн Континенталь» 1985 года выпуска. Но путешествие, сулившее легкий заработок, оборачивается для них неожиданной стороной. Фильм получил приз за лучший сценарий Иерусалимского кинофестиваля и приз за лучшую актерскую работу Израильской киноакадемии. Израильско-шведская 2004 года лента «Прогулки по воде» рассказывает о взаимоотношениях немца и израильтянина, первый – внук нацистского преступника, второй – агент Моссада, профессиональный киллер на службе у государства, мечтающий встретиться с дедушкой своего приятеля. «Прогулки» удостоились призов от Израильской киноакадемии за лучший фильм и лучшую режиссуру. На мой взгляд – наименее удачный по идейному посылу фильм с неправдоподобным, надуманным сюжетом.

Резюмируя, можно сказать, что несомненными лидерами минувшего фестиваля были «Бофор» и «Секреты». Все фестивальные фильмы отличает высокий технический, в частности, операторский уровень. Сегодня (в отличие от 1960–1980-х годов) это очень качественное европейское кино. Внимание к человеческой психологии и мягкий юмор – отличительные черты этого кинематографа, вобравшего достижения итальянского неореализма и французской «новой волны». Знание еврейской традиции в сочетании с европейским наследием обещает в скором будущем выдающиеся результаты, и продемонстрированные в Москве образцы израильского кино позволяют на это надеяться.

ВООБРАЖАЕМАЯ ЖИЗНЬ АНГЕЛОВ

Аי אַיִן אַיִן עֵבֶר אִי אִי

Режиссер Вуди Аллен

Вики Кристина Барселона

США–Испания, 2008.

«Я был воспитан в иудаизме, но в конце концов обратился в нарциссизм», – сообщил режиссер Вуди Аллен в своей недавней «Сенсации», и это чистая правда. «Ранний» Вуди Аллен и «поздний» Вуди Аллен – это не только не родственники, но даже и не однофамильцы. Их объединяет разве что слегка растерянная ирония и неподдельное любопытство к окружающей жизни.

У «позднего» Аллена, действительно, иудаизм куда-то делся – вместе с манхэттенским невротизмом и импульсивной склонностью к психоанализу. «Поздний» Аллен – это фильмы, в которых нет места еврейским мамам и бесконечной, никуда не ведущей саморефлексии. Когда герои «Матчпойнта» или «Мечты Кассандры» начинают задумываться, они немедленно делают следующий шаг: убивают или умирают.

Последний фильм Аллена, «Вики Кристина Барселона», – рассказ о двух девушках-студентках, Вики и Кристине, которые едут из Нью-Йорка в Барселону на лето. Вики (ангелическая Ребекка Холл) собирается выйти замуж за скучного нью-йоркского клерка, она девушка серьезная, изучает искусство. Кристина (одна из лучших ролей Скарлетт Йоханссон) – ветреная, веселая и совершенно не представляет себе, чего хочет, хотя уже знает, чего не хочет: стабильности, скуки и положительности, всего того, что так близко и дорого Вики. Кристина только что рассталась с бойфрендом, сняла какое-то кино – то есть полная противоположность подруге: одна – средний класс, другая – богема. К тому же одна брюнетка, вторая блондинка. К тому же одна рассудительна и не склонна к неосторожным поступкам, а другая готова ехать за незнакомым, но очень сексуальным мужиком по первому зову.

Этот мужик, похоже, и есть Барселона: Хосе Антонио (Хавьер Бардем, оscarоносный киллер из коэновского триллера «Старикам здесь не место») убийственно сексуален. В каком-то ресторане он, пораженный красотой незнакомых молоденьких американок, подходит к ним с предложением съездить вместе на выходные в город под

названием Овьедо и там, если они захотят, заняться совместным сексом. Вики отказывается, Кристина соглашается, – девушки едут.

Хосе Антонио – мечта любой женщины, он подстраивается и под Вики, и под Кристину – с одной надо долго говорить об искусстве, другой надо сразу сказать «пойдем в постель». Секса втроем не получится, но у Хосе Антонио с Кристиной начнутся серьезные отношения. Идиллию разрушит внезапно появившаяся безумная Мария Елена, бывшая жена Хосе Антонио (Пенелопа Крус). Тут происходящее и вовсе скатится в какую-то запредельщину, которая не поддается серьезному пересказу. Как можно всерьез рассказывать о том, что Хосе Антонио и Мария Елена до сих пор страстно любят друг друга, хотя жить друг с другом не в состоянии – прошлая попытка чуть было не закончилась смертоубийством? Как можно всерьез рассказывать о том, что Хосе Антонио, Кристина и Мария Елена будут очень счастливы втроем (нет, открытого секса нам не покажут, только поцелуи)? Все это по-оперному неистово, по-испански страстно, с угрозами убийства, признаниями в любви – в Барселоне даже самый здравомыслящий человек может потерять голову. Кстати, положительная Вики тем временем будет страдать в браке и часто вспоминать выходные, проведенные в Овьедо.

Вуди Аллен говорит, что он просто хотел сделать фильм, в котором Барселона стала бы одним из главных героев. «Такая история могла произойти только в Париже или Барселоне», – объясняет режиссер. «Такая» – в смысле, чувственная, глуповатая и совершенно без намеков на хэппи-энд, но при этом почему-то есть ощущение, что все закончилось хорошо. Или наоборот – милая, веселая, ни к чему не обязывающая сказка, в конце которой никто не обрел счастья.

Существует реальность – и существует воображаемый мир. Вики воображает себе идеальное существование примерно так: прекрасный муж, здоровая семья, уют, изучение искусства. В воображаемом мире Кристины – бешеная страсть, занятие фотографией (ну или чем-нибудь не менее богемным), неожиданности, безумства. Барселона дает обеим девушкам попробовать пожить этой воображаемой жизнью.

Реальность – это Нью-Йорк, воображение – Барселона. Отринув реальность, сбросив привычный имидж маленького нью-йоркского еврея, Вуди Аллен приобрел полную, какую-то даже пугающую свободу. Это особенно заметно в «Вики Кристине Барселоне», где все происходящее запредельно – и абсолютно оправданно, все поступки безумны – и совершенно логичны. «Ранний» Вуди Аллен – это реальность, «поздний» – воображение. Безоглядное, буйное, неотрефлексированное воображение.

А если вам жалко расставаться с вудиалленовским трогательным психоанализом, не беспокойтесь. «Вики Кристина Барселона» – это как раз наработка материала, с которым эти девочки и их родственники потом пойдут к психоаналитикам. Это просто отпуск. Должен же быть у пациентов отпуск?

СНЕЖНОЕ СОВЕРШЕНСТВО, ИЛИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЕМЕРКИ

Аאִדֶּ-ֶזִי וְיֵי עַיִ אִדֶּעִי

В еврейской традиции число «семь» ассоциируется с завершенностью, законченностью и совершенством. За примерами далеко ходить не придется – 5768 лет назад происходил процесс Сотворения мира, занявший именно семь дней. А вот восьмерка – это уже выход за пределы нашего мира, попытка перешагнуть порог совершенства и завершенности.

Сегодня мы заглянем по одному адресочку, кстати, запишите: <http://www.sem40.ru> – сайт «Семь-сорок», или, как говорят в Одессе про одноименную песню, «Без двадцати восемь». Исходя из названия, можно считать, что рассматриваемый сайт уже достиг порога совершенства, перешагнул его и теперь стремительно движется прочь от этого самого порога.

Впрочем, оставим пустые слова и обратимся к полновесным байтам, которыми наполнен «Семь-сорок.ру», он же «Центральный еврейский ресурс», он же «Сайт русскоязычных евреев всего мира»... Еврейские сайты вообще пестрят определениями типа «главный», «центральный», «глобальный» (это как с Ойстрахом, общепризнанным вторым скрипачом мира, потому что первый в каждой стране был свой), так что с названием все в порядке и укладывается в рамки привычного. Выбирается же за рамки и приобретает изюминку (или если по-модному – фишку) «Центральный еврейский ресурс» за счет другого.

Во-первых, как гласит надпись в правом верхнем углу экрана, фамилии евреев здесь выделены синим цветом. Критерии отбора фамилий не обозначены, однако материалы сайта показывают: хотя не всех синефамильных можно считать в миньяне, в большинстве случаев выделяются Те Кто Надо.

Вторая фишка состоит в том, что, по словам редакции, сайт является «одним из немногих по-настоящему независимых» и «его не спонсирует ни одна из существующих еврейских организаций». Так что, хотя сайт готов к сотрудничеству со всеми журналистами и просто с пишущими людьми, «такое сотрудничество мы можем

предложить лишь на безгонорарной основе». Правда, при этом редакция обещает авторам предоставить место на сайте «на самых выгодных для обеих сторон условиях». Какими выгодными могут быть условия при отсутствии гонорара – посмертная слава, воздвижение нерукотворного с незарастающей тропой? – мне пока неизвестно, но если редакция сайта согласится взять этот материал, мы с вами непременно об этом узнаем.

Ну а третья фишка связана с тем, что деньги на свое функционирование сайт зарабатывает контекстной рекламой. То есть некоторые слова в текстах, не будучи еврейскими фамилиями (хоть Чехов и уверял, что нет слова, которое не сгодилось бы еврею на фамилию), выделены синим цветом, и при наведении на них курсора всплывает маленькое окошко с рекламой. Иногда она бывает уместной, но чаще к слову берется привязка «от фонаря». Например, при наведении курсора на синенькое слово во фразе «Генеральный секретарь Центрального совета евреев Германии Стефан Крамер» всплывает текст: «Работа для секретарей на новом сайте трудоустройства». Ну а когда в статье о работе парламента после слов «Далее содержится анализ по фракциям» всплывает текст «Плохие анализы – следствие наличия паразитов», тут уже пахнет отправкой в Сибирь для уборки снега. А там его много...

Впрочем, сайт сам по себе достаточно интересен и охватывает множество аспектов еврейской жизни, о чем свидетельствуют названия рубрик: «Новости», «Политика», «Антисемитизм», «Экономика и финансы», «Происшествия», «Культура», «Спорт», «Еврейский мир», «Sem40 Панорама». Каждая рубрика содержит подразделы, но это стоит изучить по месту. Есть и «Колонка редактора», хотя все статьи там подписаны разными фамилиями. То есть либо у редактора стоит программа – генератор псевдонимов, либо сбылась вековая еврейская мечта и каждый желающий теперь может стать редактором.

На главной странице сайта имеются анонсы последних материалов каждой из рубрик, но здесь следует обратить внимание на рубрику «Еврейский мир», где «рудиментом в нынешних мирах» сохранились подразделы первоначальной версии сайта – «Интервью», «Религия» (нынешний сайт позиционирует себя как светский), «Как тебя зовут», «Еврейский календарь», «Еврейские судьбы», «Наши люди», «Страницы нашей истории» и многое другое. Особо рекомендую заглянуть в рубрику «Страница рава Зельмана» и почитать «Священные истории», которые на самом деле являются комментариями на недельные главы Торы. Хорошие комментарии, а нелепое название спишем на то, что типа оно не от мира сего, ведь сайт уже вышел за пределы семерки.

ГОРСКАЯ ДУРМА И АРМЯНСКАЯ ДОЛМА

Եփփյ Էփփի ալ Էի

Побывав на Кавказе, поражаешься, как сильно различаются блюда высокогорной кухни от наших, приготовленных в северных широтах, – обилие зелени, овощей, разнообразие специй... А мясо? Там это в первую очередь – баранина. Причем в горах она имеет совершенно особый вкус, абсолютно отличный от «штинга» того барашка, что выращивается на подмосковных фермах. Однако есть блюдо, принцип приготовления которого известен практически везде: это завернутый в листья фарш с рисом. У ашкеназов это называется «пракес», у русских и украинцев – «голубцы», у молдаван и румын – «сармале»... Но на Кавказе, приготовленная с виноградными листьями и зеленью, армянская долма или горско-еврейская дурма имеет особый вкус!

«Долдурмаг» – от тюркского «наполнять». Первую часть этого слова освоили турки, азербайджанцы («долма»), а также армяне («долма» или «толма»), вторую – приватизировали горские евреи: у них по сути то же самое блюдо называется словом «дурма». Поистине, еда не имеет гражданства!

В России это блюдо принято считать армянским, но распространяется это только на то, что делается из виноградных листьев. Оказывается, сметливые хозяйки при «упаковке» рисово-мясной начинки отнюдь не ограничиваются капустой и виноградом. Какие только листья они не используют для приготовления долмы-дурмы! Кроме упомянутой капусты (белокочанной и красной) и свеклы (бураков), это может быть конский щавель, шелковица, айва, инжир, мать-и-мачеха и даже... лопух! В некоторых регионах Кавказа делают долму овощную (из смеси баклажан, помидоров, перцев, капусты, кабачков) и – вы не поверите! – рыбную!

После путешествия по Кавказу известный этнограф и историк Илья Шербетович Анисимов в книге «Кавказские евреи-горцы» (1888) писал:

Из кушаний, подающихся в честь гостя или по праздникам, самыми лучшими и любимыми всеми считаются: <...> «дурма» (рубленое мясо, обернутое листьями капусты или бураков)...

В Нальчике, в Еврейской колонке (о ней мы рассказывали в № 5 «Лехаима») нас угощали дурмой, приготовленной из капусты. (Правда, руководитель Еврейской национально-культурной автономии КБР Софья Шаулова говорит, что для дурмы они используют и листья винограда.)

Для приготовления фарша горские еврейки берут смесь из говядины и баранины. На 1 кг фарша – 3 средние луковицы; риса кладут совсем немного, соль и перец – по вкусу.

Залейте капустный качан кипятком, чтобы был полностью покрыт, и оставьте на 15 минут, затем отделите листья. Заверните фарш в листья. Сложите аккуратно в кастрюлю, залейте одним стаканом воды, придавите плоской тарелкой, закройте крышкой и варите один час на медленном огне.

...И все-таки классическая долма, наверное, готовится в Армении из виноградных листьев, а не из лопуха и мать-и-мачехи. Поэтому, побывав в Ереване (читайте рубрику «Регион»), мы попросили наших гостеприимных хозяев – Володю и Тамару Кишиневских, накормивших нас вкуснейшей долмой, что называется, «списать рецептик». Вот он.

На мясорубке прокрутить мясо и лук (на полтора килограмма молодой говядины – 4–5 средних головок лука).

Добавить в фарш 2/3 стакана промытого сырого риса.

Посолить, поперчить.

Добавить 1 десертную ложку томатной пасты, мелко нарезанную кинзу, листья цитрона (майорана) и рейгана (базилика). Если нет свежей, можно положить сушеную.

Если мясо постное, добавить 2–3 столовые ложки растительного масла (Тамара Кишиневская предпочитает кукурузное).

Фарш хорошо вымесить руками, постепенно добавляя кофейную чашку кипяченой воды.

На 1 кг мяса – 1 десертная ложка крупной соли (без верха) и 1 неполная чайная ложка черного перца.

Листья из банки выложить в большую миску с теплой водой (если листья свежие, ошпарить их кипятком); осторожно, не разрывая, разобрать по одному; срезать хвостики, завернуть фарш в листья.

Толмочки, как их ласково называет Тамара, по мере завертывания плотно уложить в кастрюлю с толстым дном или в чугунок. Укладывать плотными рядами.

Приготовить «заливку»: в кружке (300 г) горячей воды развести 0,5 чайной ложки соли; залить в кастрюлю с долмой (почти вровень с поверхностью долмы).

Накрыть перевернутой тарелкой, закрыть крышкой. С момента начала кипения убавить огонь и продолжать варку 40 мин.

Есть некоторые тонкости: заворачивать долму нужно обязательно «матовой» стороной внутрь. В кастрюлю или чугунок их надо укладывать очень плотно, без зазоров. Тушить обязательно «под гнетом». И еще. Некоторые хозяйки рекомендуют помимо зелени – кинзы и базилика, укропа и петрушки – добавлять свежую мяту. Кто-то кладет эстрагон (тархун), в некоторых регионах добавляют помидоры, орехи, изюм, лимонный сок, различные приправы.

Понятно, что, если виноградные листья покупаешь в Москве на рынке по заоблачным ценам, то их все лучше пустить в дело, то есть обернуть ими фарш. Ну а если они растут у вас под окнами где-нибудь на даче в Одессе... Тогда гурманы рекомендуют выстелить дно кастрюльки этими самыми листьями (опять же – матовой стороной вверх!), а также покрыть ими уложенные в посудину «толмочки».

А с чем подавать и как украсить уже готовую долму? С этим вопросом мы обратились к эстету и признанному специалисту по кулинарной «орнаменталистике» – уже знакомому нам шеф-повару одесского кошерного ресторана «Розмарин» Роману Пурчелу. И вот что он посоветовал.

Я подаю долму с творожком из соевого молока. Готовится он так: 1 л соевого молока подогреть, влить 2 столовые ложки лимонного сока, когда молоко свернется – процедить через марлечку. Добавить чеснок и рубленую зелень.

Второй вариант – приготовить майонез из желтка, растительного масла и сока лимона. Хорошо добавить в него белый перец и сахар.

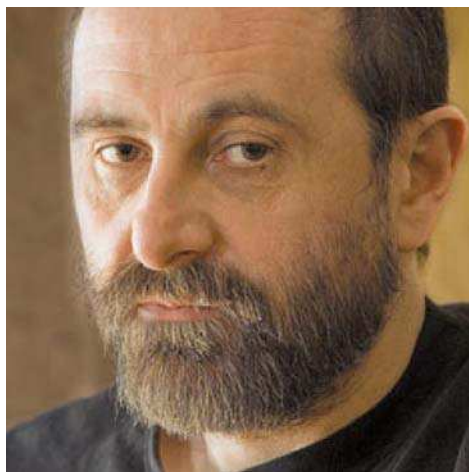

Сервирует Роман так: среднего размера тарелка, на ней в «японском» стиле столбиком стоящие долмы, «подпоясанные» вырезанной из стебля сельдерея или лука-порей «ленточкой». Получилось не совсем по-кавказски, но очень изящно. А главное, совместными усилиями у нас получилось вкусное и красивое блюдо!

ВАДИМ РУДНЕВ И ВСЁ-ВСЁ-ВСЁ...

Ἰ ἐὸἀεῖ Ἀφραῖί εἶ

В 1987 году мне попала статья «Текст и реальность: направление времени в культуре». Это был ксерокс из «Wiener Slawistischer Almanach», достать который тогда было довольно сложно, тем более студенту. Текст меня поразил – не только редким для филологии вниманием к неклассической физике, но и фундаментальным выводом: «...Поскольку любой предмет реальности в нашем мире изменяется во времени в сторону увеличения энтропии, а текст ее исчерпывает, то, следовательно, можно считать, что сам текст движется по времени в противоположном направлении – уменьшения энтропии и накопления информации. Таким образом, текст – это “реальность” в обратном временном движении». Я понял, что появился новый ученый, который не берется за случайные темы и не делает случайных выводов. Собственно, уже одной этой статьи было достаточно, чтобы остаться в истории науки. Статья была подписана «Вадим Руднев».

Фамилию эту я знал: Петр Александрович Руднев, известный стиховед, одно время работал в Тартуском университете, который в 1970–1980-х годах слыл оплотом семиотики и структурализма. Однако имя Вадима я слышал впервые.

Но через несколько месяцев, оказавшись в Риге, от поэта Николая Гуданца я узнал, что здесь-то и живет Вадим Руднев.

Руднев жил за Московским вокзалом. Идя к нему, я ожидал увидеть солидного ученого, который посмотрит на меня если не свысока, то отстраненно и уж едва ли удостоит разговора. В темном подъезде пожилая женщина открыла мне дверь квартиры, и навстречу вышел невысокий лысоватый мужчина с небольшой острой бородкой и подвижными глазами. В его лице настороженность боролась с доброжелательным любопытством. И ни тени фанатерии. Так началось наше знакомство.

Вадим Руднев действительно оказался сыном П.А. Руднева. «Общая атмосфера филологических бесед, обсуждение книг, в частности вышедшей недавно книги стихов Давида Самойлова “Дни”, – вспоминает Вадим о старших школьных годах, – произвели на меня такое впечатление, что я понял, что мое призвание – филология. Две книги оказали на меня неизгладимое впечатление – “Проблемы поэтики Достоевского” М.М.

Бахтина и «Анализ поэтического текста» Ю.М. Лотмана». Именно у Лотмана в Тартуском университете и учился Вадим, однако говорит о своем учителе с уважением, но без привычного интеллигентского восторга. Называя его спецкурсы «гениальными», он тем не менее посвятил ему язвительную статью «Сумасшедший профессор». Отношения между тартускими светилами, среди которых преобладали евреи, были непростыми:

«Отец вообще был типичный космополит. Ничего в нем не было еврейского... кроме носа. Я помню, ему надо было бежать из Тарту, потому что Лотман его совершенно затравил. И он рассказывал: когда я послал в Барнаул свои документы, меня с восторгом приняли, но когда я послал свою фотографию, мне сразу же отказали. Отец был блестящим ученым, но только в очень узкой области стиховедения, и великолепным педагогом. Он Мишку Лотмана обучил, сделал ученым, Лотман его благодарил за это».

Тем не менее тартуская школа, изучавшая знак, не прошла для Вадима даром. Он выработал, если угодно, пансемиотический подход к реальности: «...Реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что ее средние пользователи воспринимают ее как незнаковую». Поэтому необходимо изучать «морфологию реальности» (это название одной из книг Руднева) и учитывать изменяющееся сознание человека.

Во второй половине 1980-х Вадим заведовал отделом культуры журнала «Даугава». В конце этого бурного десятилетия Вадим вместе с Максимом Шапиром (его некролог см.: Лехаим, 2006, № 10) составят и выпустят два «молодежных» номера. С их страниц к широкой публике впервые обратятся многие известные позже авторы, среди них и постоянный автор «Лехаима» Леонид Кацис.

Но в 1987–1988-м самым популярным рижским журналом был «Родник». Именно там Руднев печатает цикл статей «Введение в XX век», который станет основой для «Словаря культуры XX века». Он выйдет в 1990-х годах в Москве тремя изданиями и станет интеллектуальным бестселлером. Кстати, другим интеллектуальным бестселлером Руднева станет комментированный перевод «Винни-Пуха», выполненный им совместно с Т.А. Михайловой. В тексте, который казался всем хрестоматийно известным по пересказу Б. Заходера, Руднев открыл мифологический подтекст и языковые игры, ставящие его в один ряд с произведениями Джойса и Фолкнера. Рудневско-михайловский «Винни-Пух» тоже вышел в Москве тремя изданиями.

Однако настоящим героем Вадима Руднева стал философ Людвиг Витгенштейн, к тому времени представленный на русском языке лишь «Логико-философским трактатом», да и то в переводе 1958 года, и несколькими отрывками из других работ. Руднев не только переводит трактат заново, снабжая его обширнейшими комментариями, но и открывает русскому читателю многие неизвестные труды философа: в 2005 году на русском языке выходит солидный том. Не менее важен для Руднева Витгенштейн-человек: в 1993 году, на излете существования, издательство «Прогресс» выпустило составленный Вадимом сборник «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель», а спустя девять лет вышла монография Руднева «Божественный Людвиг. Витгенштейн: Формы жизни». В этих книгах едва ли не впервые в отечественной литературе поставлен вопрос о еврействе знаменитого философа.

В прогрессовском сборнике были напечатаны воспоминания Фани Паскаль, которая в середине 1930-х в Кембридже учила Витгенштейна русскому языку. Летом 1937 года философ побывал у нее и еще у нескольких людей с тем, что он называл

«исповедью». Один из «грехов», в которых он исповедовался, касался его еврейского происхождения:

«...Он сказал, что понял, что большинство знавших его людей, включая и друзей, воспринимают его на 3/4 арийцем и на четверть евреем. На самом деле пропорция обратная, а он не предпринял до сих пор ничего, чтобы предотвратить это недоразумение». Правда, еврейские предки Витгенштейна были крещены, а сам он получил католическое воспитание (как пишет Фаня, «“Слегка еврей”, – сказала бы моя бабушка»), так что вплоть до прихода Гитлера к власти и аншлюса родной философу Австрии он едва ли задумывался над этим.

В книге «Божественный Людвиг» Руднев посвятил еврейству Витгенштейна отдельную главку. Несмотря на то что в 1930-х годах философ был готов отождествить себя с гонимым народом, его отношение к нему было куда сложнее. Руднев напоминает о том, что в недавно вышедшей книге «Еврей из Линца» один австрийский историк «доказывает, что Витгенштейн и Гитлер учились в одном классе, демонстрируя школьную фотографию по принципу – пятый справа Гитлер. Но по фотографии начала века, где и тому и другому 14–15 лет, трудно сказать что-то определенное». А когда после аншлюса Австрии Витгенштейна спросили, не боится ли он за судьбу своих родных, он как будто бы ответил: «Они такие богатые, что их не тронут». Самое интересное, что он оказался прав.

Одним из учеников Витгенштейна был Норманн Малкольм. Переведя его книгу «Состояние сна» и поучаствовав в начале 1990-х в работе Института сновидений, который возглавлял поэт и психолог Владимир Друк, Руднев начинает заниматься тем, что позже получит название «психосемиотики». «Основной тезис психосемиотики состоит в том, что психическая болезнь – это болезнь языка». «Болен не человек – болен текст», при анализе которого необходимо учитывать темперамент, психическую конституцию и состояние сознания того, кто текст создает, и того, кто его воспринимает.

Здесь Вадим Руднев вступает в диалог со своими знаменитыми предшественниками, среди которых основатели мирового и российского психоанализа. И говорит, что свою связь с еврейством он осознает не столько кровно, сколько идейно – «через Витгенштейна и через Фрейда»:

«Мы с Кацисом писали единственную совместную работу – рецензию на книгу И.Д. Ермакова “Психоанализ и литература”, – рассказывает он. – И я спрашиваю: как психоанализ связан с Талмудом? А он говорит: напрямую. Ведь они же все были евреи. То есть почти все первое поколение. Это была еврейская наука, и, видимо, на каких-то глубинах бессознательного это действительно очень близко к талмудической традиции».

В отличие от психиатров, стремящихся привести все психическое разнообразие к некоей средней «нормальной реальности», Руднев утверждает, что такой реальности не существует вовсе: «реальность принимает форму соответствующей психопатологии», «как бы облегает ее». Не случайно его последняя, еще не опубликованная работа называется «Введение в шизореальность»: «Художественный дискурс, погружая читателя и автора в мифологическую протореальность, тем самым на время освобождает его от тесного шизомира». Здесь Руднев вступает в полемику с Фрейдом:

«Фрейд – это один из самых близких для меня людей. У меня было сначала такое обожание, а вот совсем недавно началась борьба. Я как-то вырос из психоанализа и стал его критиковать. Для меня бессознательное – это не все плохое, что человек забывает

(человек, по-моему, ничего плохого не забывает), а это такая креативная сила, которая приходит на помощь, когда человеку уже больше некуда деваться».

Работоспособность Руднева поражает. Пятнадцать книг, сотни статей. А еще переводы, телепередачи... Трудно поверить, что все это сделано за первые полстолетия жизни. А сколько еще впереди!..

РИММА КАЗАКОВА. «МЫ – НОРМАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ ВТОРОГО РЯДА»

Скончалась Римма Казакова, хороший советский поэт, переживший свою страну на семнадцать лет. Пережила она и свою славу. В последние годы Римму Федоровну встречали на улицах Москвы и читали на ее лице бесконечную усталость.

Мои знакомые, приходившие к ней в гости, рассказывали потом, что она всегда была готова накормить чем Б-г послал. Ей никогда не был свойственен авторский нарциссизм, самоупоение. Как-то при мне она сказала одному пожилому поэту: «Успокойся. Мы – нормальные поэты второго ряда». Дело было на шумном пушкинском празднике в Петербурге. Это был праздник тридцати- и сорокалетних. Темп фестивальной жизни был явно чрезмерен для Риммы Казаковой, и ее «отнесло» на периферию, за столик в дальнем углу зала. Там, на безнадежной периферии праздника, я и познакомился с Риммой Федоровной.

Она родилась 21 января 1932 года в Севастополе. Отец, Федор Лазаревич Казаков, был военным, мать, Софья Александровна Казакова (в девичестве Шульман), работала секретарем-машинисткой. Происходила из старинной еврейской семьи. Римме Федоровне, дочери военного, с самого детства выпало быть скиталицей. Она переезжала из города в город. Крым, Белоруссия, Ленинград... И потом она много ездила по стране – работала, к примеру, редактором студии кинохроники в Хабаровске. В Хабаровске был напечатан первый сборник ее стихов.

Римма Казакова, как часто случалось с советскими поэтами, была поэтом-романтиком. Песни на ее стихи пели всюду. Она много переводила, особенно часто – стихи поэтов «братских республик».

Была она и вполне официальным поэтом и какое-то время даже занимала пост секретаря СП. В то же время она – дитя шестидесятых – придавала огромное значение развенчанию Сталина. Но не только развенчание «отца народов» было для нее значимым: свое стихотворение «Вожди» она написала уже после того, как политическую арену покинул Хрущев. «Лупите, полновесные дожди, / чтоб и в помине этого не стало! / Аминь, вожди! На пенсию, вожди! / Да здравствует народ! Да сгинет стадо! // Я, может, и не так еще живу, /но верю в совесть. / По ее закону я больше лба себе не расшибу / ни об одну державную икону».

В принципе, декларации, клятвы – не жанр Казаковой. Но эту клятву, похоже, она выполнила. И скончалась тогда, когда потребность расшибить лоб о новую державную икону особо сильна.

Интересно, как в мелких деталях своих стихов Казакова выразила свое неприятие того режима, которому, казалось бы, служила. «Субботники» – священная корова коммунистической власти. Альтернатива субботнему покою иудаизма. Вот что пишет Казакова: «Вы, пятницы – / воскресники, субботники, / и просто так, / и что-то еще сверх... / Мы – ваши безотказные работники: / за так, за – после дождичка в четверг».

Попробуй скажи что о цензуре в печати в то время! Но вот обычное пейзажное стихотворение: «Дворник снег совком сгребает / и метлой метет крыльцо, / как редактор выскребает / неуютное словцо. // <...> // Чисто-чисто, под гребенку / оболванены дворы».

Какова метафора! Прочтем ее наоборот: редактор – дворник, выметающий, выскребающий (!) неуютные слова. И дворы именно оболванены под гребенку. О людях – молчок. Когда времена изменились, Казакова не поспешила радикально измениться. В ее ироническом стихотворении «Застойное ретро» – портрет человека, умершего во время перемен: «Ты умер. А вот время поменялось. / Ты б измениться мог ему под стать! / Но умер, умер ты – какая жалость! / Ты просто не успел хорошим стать».

И знаменитые пейзажи девяностых – торговля в подземных переходах, унижительная нищета. Но лучшие стихи Казаковой – не о социальных проблемах. Любовь – основная материя, из которой они сотканы. А любовь сама по себе провозглашает декларацию независимости – от повседневных тягот, политических передраг, смены знамен, икон.

Как любой поэт, Римма Казакова размышляла о смерти в юные годы: «А случится беда – / я шагну, назову свое имя... / Я своя у своих. / Меня каждое дерево примет». Каждое дерево, уходящее корнями в землю... Примет ее и сама земля.

Агдѣн Оаднїтїєє

МОИСЕЙ ФЕЙГИН: ПОСЛЕДНИЙ АВАНГАРДИСТ

В Москве на 104-м году жизни скончался художник Моисей Фейгин. Запись в Книге рекордов Гиннеса: «Самый старый работающий профессиональный художник Моисей Александрович Фейгин (р. 23 октября 1904 года)» – в последний год неоднократно цитировали СМИ.

Ее, похоже, воспринимали просто как рекорд физического долголетия. Но ведь самое важное в ней слово – «работающий». Фейгин и впрямь работал буквально до последнего дня. Днем работать было тяжело: мешала катаракта, и он работал ночью. Последняя его выставка прошла в Центральном доме художника всего за год до смерти, причем, по его собственному желанию, выставлено там было 20 картин, созданных им уже во втором столетии жизни. «В свои 103 года он всегда настаивает, чтобы выставки состояли из НОВЫХ работ», – записал в своем «ЖЖ» накануне открытия выставки внук Моисея Фейгина арт-дизайнер Леонид. Называлась эта выставка «103 года художественного подвига Моисея Фейгина». Критиков тогда поразила экспрессионистская лихость его циркачей и комедиантов, написанных словно молодым человеком 1920-х годов. Именно после этой выставки Фейгин попал в Книгу Гиннеса.

Однако действительное значение этого имени – в том, что он был последним художником, который связывал современное искусство с авангардом начала прошлого века. Последний из членов Общества московских художников – правопреемника «Бубнового валета».

Подобно многим художникам авангарда, в столицу Моисей Фейгин попал с имперской периферии. Отец его происходил из местечка Речица под Гомелем. Моисей родился в Варшаве, где и начал учиться. «Когда я вырос, надо было поступать в гимназию, – рассказывал художник в последнем интервью, которое дал в день столетия. – Для евреев была процентная норма: даже если ты все на пятерки сдавал, могли не взять,

если не пройдешь по жребью. Я держал экзамены в четыре гимназии – все пятерки. Из четырех попал я в 3-ю варшавскую. А тут война. Гимназию переводят в Москву. Была 3-я варшавская – стала 13-я московская». Евреев тогда в Москву не пускали, так что пришлось ждать специального разрешения.

После революции Моисей пошел на испытательно-подготовительное отделение ВХУТЕМАСа. Академической живописью он занимался с Александром Осмеркиным, верность которому сохранил на всю жизнь, абстрактной же – с Любовью Поповой. Уже в конце 1920-х – начале 1930-х, когда Осмеркина шельмовали за «сезаннизм», Фейгин не боялся открыто поддерживать своего учителя. А тогда, после революции, Моисей, по его словам, «стал последним учеником, вошедшим в “Бубновый валет”». Так и остался последним – все уже умерли». Верность юношеским убеждениям Фейгин сохранил до конца жизни: «Малевич – гений, – говорил он. – Вот Кандинского я не люблю – он мне кажется приторным немножко, слащавым. А Филонов, Малевич меня восхищают».

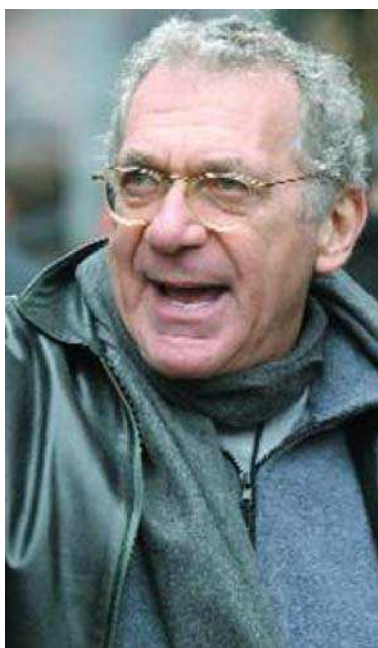
Внутренняя бескомпромиссность сочеталась в нем с социальной лабильностью. Он знал цену тому, чем приходилось зарабатывать: «Халтура моя была – политический портретист, – вспоминал он. – Я писал, например, для дома на Котельнической набережной четырехэтажную голову Сталина. Я был главный мастер в группе. Это очень тяжелая работа. Представляете себе – глаз с полтора окна? Мы его рисуем, а как он выглядит – черт его знает. И мне приходилось забираться пешком на 29-й этаж и сверху смотреть на расстеленный во дворе портрет. Страшно было – я выходил на самый край строящегося дома... Сверху смотришь на холст, запоминаешь – где светлей, где темней – вот так работали, тоже зарабатывали деньги». Одним из лучших полотен живописной ленинианы считается картина Моисея Фейгина «Ленин и Крупская слушают музыку». Он считал, что времена меняются лишь внешне: «Всегда приходится что-то делать, чтобы приспособиться. К живописи это имеет мало отношения. Художнику всегда приходилось делать что-нибудь, чтобы нравиться». И в то же время, никому не кланяясь и сохраняя внутреннюю независимость, он личным примером убеждал в том, что «живопись растет в борьбе. Соппротивление рождает злость, остроту, напор. Когда все гладко – получается сладенько».

Сам он не боялся учиться и начинать заново, пробовать новые стили и сюжеты – от постсезаннистских пейзажей до абстракции, от скрипачей с семисвечниками до Христа. Он служил и поклонялся искусству. Перед смертью сказал внуку: «Ты думаешь, что делаешь искусство, а на самом деле искусство делает тебя».

И ебддд І а Еіаі

СИДНИ ПОЛЛАК. ПРОЩАНИЕ С ЛЮБИМЦЕМ ГОЛЛИВУДА

В Лос-Анджелесе на 74-м году жизни скончался один из самых известных американских режиссеров. Несмотря на всемирную известность и статус «живого классика», Поллак оставался очень порядочным и приятным в общении человеком.

Он родился 1 июля 1934 года в городке Лафайетт, штат Индиана, в семье еврейских иммигрантов – выходцев из Одессы. Его отец начинал как профессиональный боксер, затем переквалифицировался в фармацевты. Вскоре после рождения сына родители развелись. Сидни остался с матерью, которая умерла от алкоголизма, когда ему было 16 лет.

В юности будущий режиссер мечтал о карьере дантиста и подумывал даже пойти по стопам отца, дабы заработать на образование боксом, – но помешали очки. В начале 1950-х Поллак перебрался в Нью-Йорк, окончил театральную школу и, после демобилизации из армии, стал играть на Бродвее и в телевизионных постановках. Как киноактер он впервые появился в фильме «Военная охота» (1962) вместе с другим дебютантом – Робертом Редфордом, позднее сыгравшим во многих лентах Поллака. Его режиссерская карьера началась с сериалов, первой полнометражной работой стала психологическая драма «Тонкая нить» (1965).

Известность Поллаку принес пятый полный метр, лента 1969 года «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?». Беспощадно натуралистичный рассказ о танцевальном марафоне времен Великой депрессии наследовал как суровым традициям американского социального реализма, так и экзистенциализму хемингуэевского извода с его центральным мотивом тщеты любой победы, всегда приходящей слишком поздно и достающейся чересчур дорогой ценой. Мастерство Поллака и великолепная игра Джейн Фонда и Гига Янга превратили камерный фильм с не слишком «киногеничным» сюжетом и однообразным действием в эпический шедевр. Янг получил «Оскара» за лучшую

мужскую роль второго плана, а Поллак впервые был номинирован на премию за лучшую режиссуру.

Многие критики считают, что после «Загнанных лошадей» Поллак изменил авторскому кино и начал снимать коммерческие ленты, пусть и безупречные в профессиональном отношении. Но необходимо помнить, что в лучших своих фильмах режиссер неизменно раздвигал границы жанра, в котором работал, будь то вестерн, комедия или политический триллер, и расширял представление о его возможностях.

Картины 1970-х годов – «Иеремия Джонс», «Какими мы были», «Якудза», «Три дня Кондора» и др. – подтвердили репутацию Поллака как высококлассного мастера. Однако самым успешным в его карьере стало следующее десятилетие.

В 1982 году Поллак снял фильм «Тутси», пользовавшийся огромной популярностью во всем мире, включая СССР. Простенькая история про мужчину, переодевающегося женщиной, стала одной из лучших комедий за всю историю кино благодаря феерической игре Дастина Хофмана. Фильм получил 10 номинаций на «Оскар».

В 1985 году картина Поллака «Из Африки» была удостоена семи «Оскаров», в том числе за лучший фильм и лучшую режиссуру. В основу фильма положена автобиографическая книга датской баронессы Карен Бликсен (недавно вышедшая и в русском переводе) о жизни на ферме в Кении в первые десятилетия XX века. Неторопливая романтическая история на фоне экзотического пейзажа (пять лет спустя эта линия творчества Поллака будет продолжена «Гаваной») покорила и зрителей, и критиков. Как и в других удачных фильмах Поллака, значительная доля успеха принадлежит здесь блистательно подобранному актерскому ансамблю: роль Бликсен исполнила Мерил Стрип, ее мужа сыграл Клаус Мария Брандауэр, а мужчину ее жизни – Роберт Редфорд.

Всего Поллак снял около 20 фильмов и спродюсировал несколько десятков картин. В последние годы он все чаще появлялся в кадре сам, сыграв эпизодические роли в «Мужьях и женах» Вуди Аллена, «Игроке» Роберта Олтмена, в фильме Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами», в сериале «Клан Сопрано». В 2007 году на экраны вышел фильм «Майкл Клейтон», где Поллак выступил сопродюсером и сыграл одну из главных ролей, а его партнером стал Джордж Клуни. Последний раз Поллак появился в качестве актера в фильме «Друг невесты», вышедшем в прокат в мае 2008 года.

В середине 2007 года стало известно, что у Поллака диагностирован рак. Однако и после этого он не оставлял творческих замыслов. Его новый фильм, посвященный президентским выборам в США 2000 года, назывался «Пересчет». К съемкам Поллак приступить не успел.

Î èõàèè Î àééîá

ЭМИЛЬ КАРДИН: ЧЕЛОВЕК И ПУБЛИЦИСТ

28 мая в Москве скончался известный российский литератор и критик, член Союза писателей СССР и Русского ПЕН-центра, лауреат премий журнала «Литературное обозрение» и фонда «Знамя» Эмиль Кардин. Он не дожил до своего восьмидесяти седьмого дня рождения два месяца. Коллектив редакции журнала «Лехаим» выражает глубокое соболезнование Ирине Сергеевне Янской, вдове Эмиля Владимировича и многолетнему редактору нашего издания, а также друзьям и близким покойного.

Эмиль Владимирович Кардин довольно много сотрудничал с нашим журналом. Были опубликованы его мемуары о Георгии Владимове и Александре Галиче, публицистические материалы о войне, советской истории и многом другом.

Эмиль Владимирович всегда старался докопаться до сути, о чем бы ни шла речь. Он искренне считал, что народ, который долгое время находился во власти навязанных ему свыше заблуждений, имеет право знать правду. Поиск истины красной нитью проходит через всю жизнь и творчество Эмиля Кардина – неважно, писал ли он о героях-панфиловцах или об очередной театральной премьере. Человек острого ума и твердых убеждений, он был одним из немногих, кто осмеливался еще в 1960-х годах развенчивать мифы, созданные государством.

Эмиль Владимирович Кардин родился в Москве 3 августа 1921 года. Окончив в девятнадцать лет второй курс Института философии, литературы и истории, в 1941 году он добровольцем отправился на фронт. Великая Отечественная война закончилась для майора Кардина в Чехословакии, где он оказался в мае 1945-го. За проявленную на полях сражений доблесть писатель был удостоен орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, а также медалей «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За храбрость» (ЧССР), «За свободу и победу» (ПНР).

Уже после войны, в 1951 году, Эмиль Владимирович окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина.

Первый материал Эмиля Кардина вышел в «Новом мире» в 1954 году. Тогда же, с легкой руки главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского, появился публицист В. Кардин – этим псевдонимом Эмиль Владимирович пользовался всю жизнь.

За время своей карьеры Эмиль Кардин выпустил более полутора десятков монографий и сборников статей, посвященных современному искусству и литературе. Героями его книг стали Юрий Трифонов, Павел Нилин, Валентин Катаев, Лидия Сейфуллина и многие другие известные люди XX века. Работая в жанре документальной прозы, он написал трилогию о послевоенной Польше («Открытый фланг», «Возвращение», «Объяснительная записка»), повесть о польском генерале Кароле Вальтере Сверчевском «Сколько длится полвека?», которую цензура того времени выхлостила до основания, убрав из текста даже многие архивные материалы, не говоря уже о мыслях писателя. В 1980-х годах Эмиль Кардин издал повесть «Минута пробужденья», рассказывающую о судьбе писателя и декабриста Александра Бестужева-

Марлинского. Из-за цензурных преград так и не увидела свет повесть Кардина о самом загадочном декабристе Гаврииле Батенькове «Секретный арестант № 1» – читатель узнал о ней лишь в конце 1990-х.

Большое место в своем творчестве Эмиль Владимирович Кардин отводил теме Великой Отечественной войны: в 1961 году вышел его анализ военных мемуаров «Сегодня о вчерашнем». За два года до того он тщательнейшим образом записал и обработал воспоминания генерал-лейтенанта танковых войск Николая Попеля. В конечном счете эти воспоминания выросли в две книги: «В тяжкую пору» и «Танки повернули на запад», увидевшие свет, соответственно, в 1959 и 1960 годах. В 1966 году в журнале «Новый мир» вышла его разгромная статья «Легенды и факты», вызвавшая настоящую бурю не только среди читателей, но и в официальной прессе.

Но все же главной для него оставалась критика: Эмиль Владимирович много писал о театре, кинематографе и, конечно, о литературе. Именно в этом жанре он мог до конца быть самим собой. Острый аналитический ум и способность тонко чувствовать нюансы человеческого характера делали его прекрасным специалистом в этой области публицистики.

Гавриил Батеньков

ДОСТОИН УВАЖЕНИЯ

Î àdè Càè:èé

В сентябре прошлого года неожиданно для многих прозвучало сообщение о назначении Авраама Гранта главным тренером лондонского «Челси», вызвавшее огромный резонанс в мире: зачем нужно было Роману Абрамовичу менять талантливого темпераментного латиноамериканского красавца Жозе Муриньо на мало кому известного израильянина?

Именно Грант, и никто другой, привел лондонский клуб в финал Лиги чемпионов, состоявшийся в Москве 21 мая на стадионе «Лужники».

Противостояние английских команд «Челси» – «Манчестер Юнайтед» стало знаковым событием в футбольной жизни Европы.

Толпы преданных, не всегда трезвых английских фанатов устремились в одну из самых дорогих столиц Европы на великое футбольное действо.

А все началось с того, что пять лет назад российский бизнесмен Роман Абрамович, сделавший себе огромное состояние за последнее десятилетие, приобрел лондонский клуб «Челси».

В 2003 году команда находилась в сложном финансовом положении и вклад молодого россиянина в спасение «Челси» был неоценим. Историческую покупку Романа Аркадьевича в Англии приветствовали почти единодушно. Фанаты «Челси», известные своими антисемитскими скандированиями и сурово-ироничным, мягко говоря, отношением к евреям, теперь просто обожают Абрамовича. Но у той покупки все же были противники – как в Англии, так и в России: «Как же так! Деньги из России, а клуб не

российский! Почему бы Абрамовичу не вложить деньги в какой-нибудь московский клуб?» – говорили они, забывая, что деньги Абрамовича – это деньги Абрамовича, и он вправе делать с ними все, что ему заблагорассудится.

Назначение Гранта – человека, тренировавшего сборную Израиля и не добившегося с ней никаких футбольных высот, – вызвало удивление у многих.

На родине Гранта одни считают его гением отношений с прессой, другие – говорливым шарлатаном, никогда не игравшим в футбол на приличном уровне, третьи – человеком, которому несказанно везет.

Если вспомнить, что «Челси» проиграл чемпионат Англии этого года во многом благодаря голам, пропущенным на последних минутах добавленного времени, то говорить об особом везении Авраама Меировича Гранта вряд ли уместно.

Провал «Челси» в Лиге чемпионов будет расцениваться как провал Абрамовича. А хороший футбол от не слишком хорошего Роман Аркадьевич отличить может. Потому Гранту, чтобы остаться на плаву, надо было побеждать в Москве.

Отметим, что с первого дня пребывания на своем посту израильский тренер столкнулся с враждебно-насмешливым отношением к себе. Его осаждала малокорректная английская пресса, обижали болельщики («кричалка» фанов «Челси», обращенная в адрес тренера – «он не знает того, что делает», по-английски звучит не менее обидно, чем на иврите), да и в родном Израиле хватало недругов. Никогда еще Гранту не приходилось столь тяжело. Он вынужден был выслушивать все, обрушившееся на него валом. В довершение ко всему, Грант начал получать письма и электронную почту с угрозами в свой адрес. И в чем только его не обвиняли! Даже в терроризме. Постоянные слухи вокруг скорого увольнения израильского тренера циркулировали с первого дня на новом посту. Главное, слухи эти продолжались, нагнетаемые английскими СМИ вплоть до финала Лиги чемпионов.

Впрочем, несмотря на все тяготы тренерской судьбы Гранта, команда продолжала уверенно набирать. В итоге «Челси» после восьми с половиной месяцев пребывания Гранта на посту старшего тренера стал вторым клубом в первенстве Англии и пробился в финал Лиги чемпионов.

Улучшилось отношение к Гранту болельщиков. Пресса начала помещать статьи с намеками на то, что, возможно, у этого человека из небольшой и мало кому известной страны есть понимание и свой взгляд на футбол.

Грант, считавший себя учеником и последователем Алекса Фергюссона, не единожды проходивший у него курсы усовершенствования, перед игрой был уверенно настроен на победу. «Челси» готов отомстить «МЮ» за утрату чемпионского титула.

Сэр Алекс Фергюссон, человек, не признающий компромиссов, тоже был оптимистичен и весел перед финалом: его команда готова к финальной игре.

Готовыми к финальной игре оказались и московские милиционеры, задержавшие спекулянтов, продававших билеты на финал за 4000 евро при реальной их стоимости в 200 евро. Самое интересное, что на эти билеты были покупатели.

В Москве было по-весеннему прохладно. Газон в Лужниках привели в идеальное состояние. Зрители гудели в ожидании действия. Играйте, господа!.. И был футбол. Настоящий большой футбол, завершившийся после 120 минут встречи ничьей – 1:1.

«Челси» выглядел лучше по ходу встречи, имел больше моментов, но счет остался равным. А преимущество без голов в футболе не засчитывается.

В пенальти, которые били после игры, при счете 5:4 в пользу «Челси» один из лучших игроков команды, ее капитан Джон Терри, должен был забить. Забить и победить. Но у игрока скользнула нога на мокром газоне, и мяч угодил мимо ворот. «МЮ» сравнял результат. Затем Никола Анелька тоже не забил, и «МЮ» выиграл Кубок Европы по футболу.

Авраам Грант ходил под проливным ночным московским дождем по отличному газону Лужников, купленному дирекцией стадиона в Словакии за бешеные деньги, обнимал своих игроков и говорил им какие-то слова.

И Москва поверила слезам.

– Что вы им шептали, господин Грант? – спросил у него российский корреспондент.

– Каждому из ребят я сказал, что горжусь им.

Сотни миллионов людей во всем мире наблюдали эту драму по ТВ. Болели за команду Гранта/Абрамовича и в Израиле. Но не судьба. Это был не их день и не их ночь.

На вопрос о своем профессиональном будущем в «Челси» Грант сказал, что сейчас это заботит его меньше всего. Выглядел он расстроенным и бледным, хотя в целом держался хорошо: главный матч сезона Авраам Грант не провалил, это очевидно, и

прошедший футбольный год может записать себе в плюс. Впрочем, руководители вверенного ему клуба, видимо, думают иначе. Через три дня после событий в Москве директорат «Челси» официально сообщил об увольнении Гранта с поста главного тренера команды. Английский клуб подтвердил, что в настоящее время ведутся активные поиски нового наставника. Грант получит полную денежную компенсацию, оговоренную в его контракте. Мы же остаемся при своем мнении – мнении страстных болельщиков футбола – все заслужили одобрение и уважение в ту холодную московскую ночь. И Грант в первую очередь.

Июль

At d'ei Ba'etâ

1.VII.1388

620 лет назад благоволивший евреям великий князь Литовский Витовт, управлявший Литвой как наместник своего двоюродного брата – короля Польского Ягелло, даровал евреям Бреста важнейшую для всей последующей истории литовского еврейства и поразительную по толерантности хартию, объявившую их свободными жителями, находящимися под его личным покровительством. На следующий год аналогичные хартии, предоставившие евреям правовую защиту, на которую едва ли могло рассчитывать большинство христиан Литвы, были пожалованы остальным четырем существовавшим тогда в Литве еврейским общинам городов Гродно, Троки (после 1917 года Тракай), Луцка, Владимира (впоследствии Владимира-Волынского). Гарантировалась свобода вероисповедания и впервые признавалось существование у литовских евреев автономного общинного самоуправления во внутренних делах при непосредственном княжеском контроле внешних сношений, а также подсудность членов общины только суду князя или еврейского старосты. Расхожее обвинение евреев в ритуальном использовании человеческой крови запрещалось. В отличие от своих западных соплеменников литовским евреям дозволялось заниматься не только торговлей и ремеслами, но и земледелием. Зажиточные люди могли брать у великого князя на откуп таможенные и питейные пошлины, владеть поместьями на правах собственности или аренды.

4.VII.1938

70 лет назад ученым советом ленинградского Института химической физики было единогласно принято постановление о выдвижении кандидатуры не имевшего высшего образования сотрудника института – двадцатичетырехлетнего кандидата наук Якова Борисовича Зельдовича – в члены-корреспонденты АН СССР. В подписанном председателем ученого совета ИХФ, будущим нобелевским лауреатом академиком Н.Н. Семеновым представлении наряду с прочим говорилось: «Яков Борисович Зельдович пришел в наш институт почти непосредственно по окончании средней школы. Не имея никакого официального диплома, он исключительно быстро и чрезвычайно глубоко изучил самостоятельно все связанные с химической физикой отрасли науки и стал самостоятельным научным работником. <...> Яков Борисович Зельдович – молодой советский ученый, комсомолец, активный общественник, показавший образцы агитационно-пропагандистской работы на избирательном участке в дни выборов

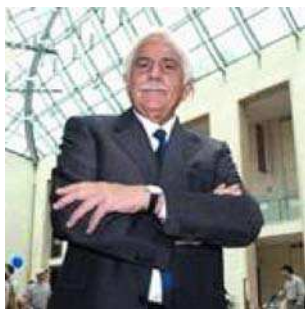
Верховного Совета РСФСР. Обладая исключительными математическими способностями, он мог бы достичь блестящих результатов в самых абстрактных областях математики и теоретической физики. Однако в противоположность большинству ученых, обладающих такого рода способностями, он избрал более трудный путь разработки научных и технических вопросов, тесно связанных с нуждами нашей социалистической промышленности. Его научная работа характеризуется исключительной целеустремленностью на пользу социалистическому строительству. <...> Успев в возрасте 24 лет уже столь много сделать для науки, продолжая все более интенсивно работать и расти, он, без сомнения, в дальнейшем обогатит науку еще более ценными результатами. Но уже и сейчас, независимо от его возраста, по качеству и количеству сделанного им он несомненно достоин звания члена-корреспондента Академии наук СССР». Автор получивших мировое признание фундаментальных трудов по теории взрыва, цепных реакций, ядерной физике, астрофизике, теории гравитации, один из будущих «отцов» отечественного атомного и термоядерного оружия, трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1953, 1957), четырежды герой Сталинской (1943, 1949, 1951, 1953) и Ленинской премий (1957), обладатель золотой медали Лондонского королевского астрономического общества (1984), золотой медали имени И.В. Курчатова (1977), Зельдович тогда в Академию избран не был, членкором он стал в 1946 году, академиком – только в 1958-м.

6.VII.1938

70 лет назад в отеле «Royal» крохотного SPA-курортного городка Эвиан-ле-Бен на французском берегу Женевского озера открылась созванная по инициативе президента США Франклина Рузвельта Международная конференция по изысканию путей помощи евреям гитлеровской Германии, доведенным до отчаяния нацистскими преследованиями и не имеющим возможности найти спасение в других странах из-за повсеместных ограничений на прием иммигрантов. Приглашения были разосланы руководителям 50 стран, но своих представителей, причем на невысоком уровне, прислали только 32 государства. СССР, на тот момент союзник гитлеровской Германии, приглашение без объяснения причин проигнорировал. Еще до начала конференции США и Англия торговались: англичане не будут поднимать вопрос о еще не выбранных американских квотах на иммиграцию, а их заокеанские партнеры не будут вспоминать о британской подмандатной Палестине как возможном регионе приема еврейских беженцев. Продолжавшиеся девять дней дискуссии оказались безрезультатными, и ни о каких мерах по предотвращению надвигавшейся трагедии не договорились, что привело в восторг геббельсовскую пропаганду и еще более вдохновило расистский курс нацистских бонз. В 1930-х годах США, Англия и Франция, по существу, не осуждали антисемитскую политику Германии, считая это «внутренним делом» немцев. Но в то же время в первые годы нацистского правления еврейские беженцы ими принимались. Больше всех евреев приняли тогда США – 102 тыс. человек, Аргентина – 63,5 тыс., Англия – 52 тыс. Но когда из Германии, Австрии, Чехословакии и Польши беженцы хлынули потоком, сочувствие к ним сменилось раздражением, и стало нарастать давление внутривластных сил, стремившихся положить конец наплыву «чужаков». Впрочем, евреи бежали не только от немцев, но и от погромов, происходивших в Польше и Чехословакии. Царившие на Эвианской конференции настроения резюмировал делегат из Австралии: «Мы не должны и не будем заниматься расовой проблемой, мы не считаем ее наиболее важной в данное время». Делегаты дружно осуждали действия гитлеровцев, но желание принять еврейских беженцев – от 100 до 200 тыс. (!) выразил лишь представитель Доминиканской Республики – брат одиозного президента-диктатора Рафаэля Трухильо. Впрочем, условия времени и «удаленность маршрута» воспрепятствовали переселению туда значительного числа иммигрантов, и за годы войны численность еврейской общины в республике с 40

человек выросла лишь до 1000. Да и то большинство из них после войны уехали в другие страны. По окончании Эвианской конференции будущий первый президент Израиля Хаим Вейцман горько пошутил: «Мир теперь разделился на две части – одну, где евреям жить нельзя, и другую, куда им вход воспрещен». Журналисты же, со своей стороны, не без черного юмора подметили, что если прочитать «ÉVIAN» задом наперед, то получится «NAIVE».

14.VII.1938

70 лет назад в Хайфе родился Моше Са́фди – канадско-израильский архитектор, ученик знаменитого американского зодчего Луиса Кана. Уже дипломный проект – жилой комплекс Habitat-67 (удивительная зигзагообразная структура со свободным доступом воздуха и света к жилым блокам, превращающая их в своего рода гибрид дачи и комфортабельной городской квартиры) стал сенсацией Всемирной выставки в Монреале. С 1976 года профессор Гарварда, создатель архитектурной фирмы с отделениями в США, Канаде и Израиле, Сафди прославился десятками оригинальнейших проектов, реализованных во множестве городов мира. К наиболее удачным из них относят кондоминиумы в Сингапуре, Музей изящных искусств в Монреале, Национальный музей цивилизации в Квебеке, Центр Христофора Колумба в Нью-Йорке, Театр оперы и балета в Торонто, Национальную галерею Канады в Оттаве. Но все же главными творческими достижениями зодчего считаются его иерусалимские работы: перестройка кварталов Старого города, ешива «Порат Йосеф», дом Ван Лира в районе Йемин-Моше, окраинный микрорайон «Пизгат Зеэв», комплекс «Деревня Давида», городок Модиин, что в полчасе езды от Иерусалима. И безусловно, наибольшее впечатление на мировую общественность произвело торжественное открытие в марте 2005 года в Иерусалиме на Холме памяти нового Музея истории Холокоста, построенного по проекту Сафди. Замена прежнего музея в четыре раза более объемным диктовалась не только неуклонным ростом музейного фонда и потока посетителей. Стало понятно, что по мере отхода трагедии в прошлое для сохранения остроты ее восприятия необходимы все более выразительные средства воздействия, к тому же росло опасение, как бы иерусалимский, по праву «главный» Музей Холокоста не затмили музеи той же тематики, в последние годы создающиеся во множестве городов мира. Помещение музея выполнено в виде прихотливо изменяющего свою ширину и «извивающегося» в теле холма бетонного тоннеля длиной 175 м, от которого по обеим сторонам ответвляются музейные залы, последовательно отображающие хронологию событий. Свод тоннеля с его застекленными амбразурами скудной естественной подсветки только на входе и на выходе достигает поверхности холма. По мере продвижения по тоннелю у посетителя нарастает чувство загнанности, моделирующее страдания жертв геноцида. Однако к выходу уровень пола начинает подниматься, а стены раздвигаться, повествования о погибших сменяются рассказами об уцелевших – наконец посетитель выходит на белый свет и перед ним открывается дивный вид на Иерусалим.

15.VII.1938

70 лет назад в Барселоне бесследно исчез сорокатрехлетний Александр Орлов, он же Никольский, он же Швед, он же Лева (настоящее имя – Лейба Лазаревич Фельдбин, уроженец Бобруйска Минской губернии, сын мелкого служащего по лесному делу), майор государственной безопасности, один из самых блестящих советских разведчиков-нелегалов довоенного периода. Обычно именуемый генералом, что не соответствует действительности (в частности, и потому, что генеральские звания были введены в НКВД только в 1945 году), Орлов в это время функционировал как главный резидент НКВД в Испании, курировавший партизанскую войну против франкистов и непосредственно выполнявший сталинские задания по массовым чисткам рядов республиканцев от троцкистов и прочих «неправильных» коммунистов, которых в те времена в Испании было великое множество. Спустя некоторое время Орлов объявился в Америке: он был прекрасно осведомлен о запущенной в Москве мясорубке репрессий, в которую угодило множество его сослуживцев-чекистов, в том числе самые что ни на есть асы, и поэтому, получив телеграмму наркома НКВД Н.И. Ежова с предписанием выехать в Антверпен для встречи на борту советского теплохода «с товарищем, известным Вам лично <...> в связи с предстоящим важным заданием», сразу же сообразил, что нужно спешно «уносить ноги». Захватив 60 тыс. долларов из сейфа барселонской резидентуры, Орлов на машине «рванул» во Францию, где находились его жена и дочь, и вместе с ними вылетел в Канаду, а оттуда перебрался в США. Оказавшись в относительной безопасности, Орлов написал Сталину, что он не предатель и что скрылся лишь для того, чтобы избежать ареста. Однако он предупредил вождя, что в швейцарском банке лежит его письмо с детальным рассказом о ряде весьма коварных тайных операций НКВД в Европе и, если что-нибудь случится с ним или с его оставшимися в Союзе матерью и тещей, это письмо сразу же будет обнародовано. А порассказать разведчику было о чем: к примеру, он руководил сверхсекретной операцией по вывозу испанского золота в Москву – чтобы оно не досталось франкистам. Подумав, вождь приказал чекистам оставить разведчика и его дам в покое. Орлов же повел себя по-джентльменски, во всяком случае, никого из обширнейшей советской зарубежной агентуры, которую хорошо знал, не выдал. Только после смерти советского вождя он опубликовал в США разоблачительную «Тайную историю сталинских преступлений», а в 1963 году – «Учебник разведки и партизанской борьбы», в котором все-таки рассказал кое-что о «технологических» аспектах работы советской разведки.

17.VII.1988

20 лет назад в Ленинграде, еще не ставшем Петербургом, умер выдающийся промышленный менеджер, «король танков» – Герой Социалистического Труда (1941), кавалер трех орденов Ленина, орденов Суворова и Кутузова, лауреат Сталинской премии, генерал-майор инженерно-танковой службы (1945) Исаак Моисеевич Зальцман. Он появился на свет в декабре 1905 года в еврейском местечке Томашполь (родина одного из основоположников сионизма Леона Пинскера, ныне райцентр Винницкой обл. Украины), в многодетной семье портного. Исаак Моисеевич прошел путь от сменного мастера до руководителя советской танковой промышленности. Питомец Одесского индустриального института с дипломом инженера-машиностроителя, Зальцман, коммунист с 1928 года, в 1933 году пришел на ленинградский завод «Красный путиловец» (впоследствии Кировский завод) и уже в 1938 году возглавил его. В октябре 1941 года он стал директором Челябинского Кировского завода (ЧКЗ), прославленного «Танкограда», образованного слиянием эвакуированного в Челябинск Кировского и Челябинского тракторного заводов и одновременно был назначен заместителем наркома танковой промышленности. В июле 1942 года И.В. Сталин доверил ему пост наркома важнейшей

тогда отрасли советской военной индустрии – танковой промышленности, – пост, который он круглосуточно, не покидая челябинских цехов, занимал около года. ЧКЗ начал работать, что называется, «с колес» и быстро превратился в мощнейший центр производства танков КВ («Клим Ворошилов»), ИС («Иосиф Сталин»), легендарных «тридцатьчетверок», самоходных артиллерийских установок, танковых дизелей В-2. В 1949 году, в разгар пресловутой кампании «борьбы с космополитизмом», Зальцман был снят с должности директора завода, исключен из партии, уволен в отставку и затем работал на рядовых должностях в машиностроительной промышленности (старшим инженером, мастером, начальником смены, конструктором). По официальной версии, его наказали за «порочные авторитарные методы руководства, крупные хозяйственные и финансовые нарушения». Действительно, в традициях своей эпохи Исаак Моисеевич был изрядно крут, но сгубило его не это, а давние крепкие связи с ленинградским партийным руководством, в 1949 году разгромленным и в 1950 году расстрелянным. Как он рассказывал впоследствии, от более суровой кары его спасла счастливая случайность: вождя привел в восторг подаренный ему директором ЧКЗ сработанный на его предприятии великолепный письменный прибор в виде танка и артиллерийских орудий.

Авторы номера:

Николай Александров

(р. 1961) филолог, литературный критик, журналист, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

Роман Арбитман

(р. 1962) литературный критик, пишущий о проблемах массовой культуры. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р.С. Каца) и нескольких детективных романов (под маской Льва Гурского).

Михаил Горелик

(р. 1946) эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

Самуил (Шмуэль-Аба) Городецкий

(1871–1957) историк еврейского мистицизма и хасидизма. Основные произведения: «Хасиды и хасидизм», «Еврейский мистицизм» (1931–1958).

Михаил Дзюбенко

(р. 1966) филолог, научный сотрудник Государственного литературного музея.

Борис Жутовский

(р. 1932) художник, мастер книжного оформления и абстрактной живописи. Один из представителей поколения художников-шестидесятников. Создатель большого цикла графических портретов современников «Последние люди империи».

Марк Зайчик

(р. 1947) прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]).

Некод Зингер

(р. 1960) художник, писатель, переводчик, литературный критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двосточие». Автор романа-мемуара «Билеты в кассе» (2006), серий статей об эксцентрических тенденциях в израильской поэзии на русском языке.

Евгения Иванова

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Автор книги «Чуковский и Жаботинский» (2005). В настоящее время вместе с Е.Ц. Чуковской готовит первое полное собрание сочинений К.И. Чуковского в 15 томах.

Анна Исакова

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Пишет на русском, иврите и английском. Литературный обозреватель газеты «А-Арец».

Берл-Шмуэль (Болеслав) Капулкин (р. 1969)

журналист. Печатается в газете «Шомрей шабос» и в журнале «Мигдаль Times» (Одесса).

Илья Карпенко (р. 1961)

филолог, литературовед, журналист.

Джеймс Кугел (р. 1945)

ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Афанасий Мамедов (р. 1960)

прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Лауреат премии им. Казакова (2007).

Эдуард Нитобург (р. 1918)

историк, этнограф-американист. Заслуженный деятель науки РФ. Автор около 300 публикаций, 20 книг и монографий: «Африканцы в странах Америки: Негритянский компонент в формировании наций Западного полушария» (1987), «Евреи в Америке на исходе XX века» (1997) и др.

Леонид Радзиховский (р. 1953)

журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЁЖ», радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960)

поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Нохум-Зеев Рапопорт (р. 1955)

раввин, переводчик, преподаватель Талмуда и хасидизма в иерусалимской ешиве.

Григорий Ревзин (р. 1964)

историк архитектуры («Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века» [1992], «Очерки по философии архитектурной формы» [2002]). Архитектурный критик, журналист ИД «Коммерсантъ», главный редактор журнала «Проект Классика». Публикуется в журналах «AD», «GQ» и др.

Даниил Романовский (р. 1952)

специалист по новейшей еврейской истории, сотрудник Центра по исследованию антисемитизма им. Видала Сассона в Еврейском университете в Иерусалиме.

Филип (Милтон) Рот (р. 1933)

прозаик, эссеист. Автор романов, художественно-документальных произведений. В 2007 году Рот первым получил премию, учрежденную в память Сола Беллоу, неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию.

Ури Фузайлов (Паз; р. 1978)

автор статей по еврейской истории и культуре в израильской периодике на русском языке и на иврите.

Маргарита Хемлин

литератор. Публиковалась в журнале «Знамя». Лауреат премии журнала «Знамя» и Всероссийской библиотеки иностранной литературы им М.И. Рудомино «ГЛОБУС» (2007).

Борис Херсонский (р. 1950)

поэт. Журналы «Арион», «Воздух», «Крещатик», поэтические сборники «Книга хвалений. Переложение псалмов Давидовых» (1994), «Post Printum» (1998), «Площадка под застройку» (2008) и др.

Михаил Эдельштейн (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Печатается в «Русском журнале», «Политическом журнале», «Новом мире», «Знамени», «Новом литературном обозрении», газетах «Русская мысль», «Ведомости» и др.

Сеймур (Шломо) Эпштейн

(Эпи; р. 1946) заведующий отделом образования еврейской общины Торонто. Почти 20 лет проработал в системе «Джойнта» (Марокко, Иерусалим, одновременно курировал работу «Джойнта» в Сибири).

Борис Явелов (р. 1940)

автор научных и научно-исторических статей и книг.